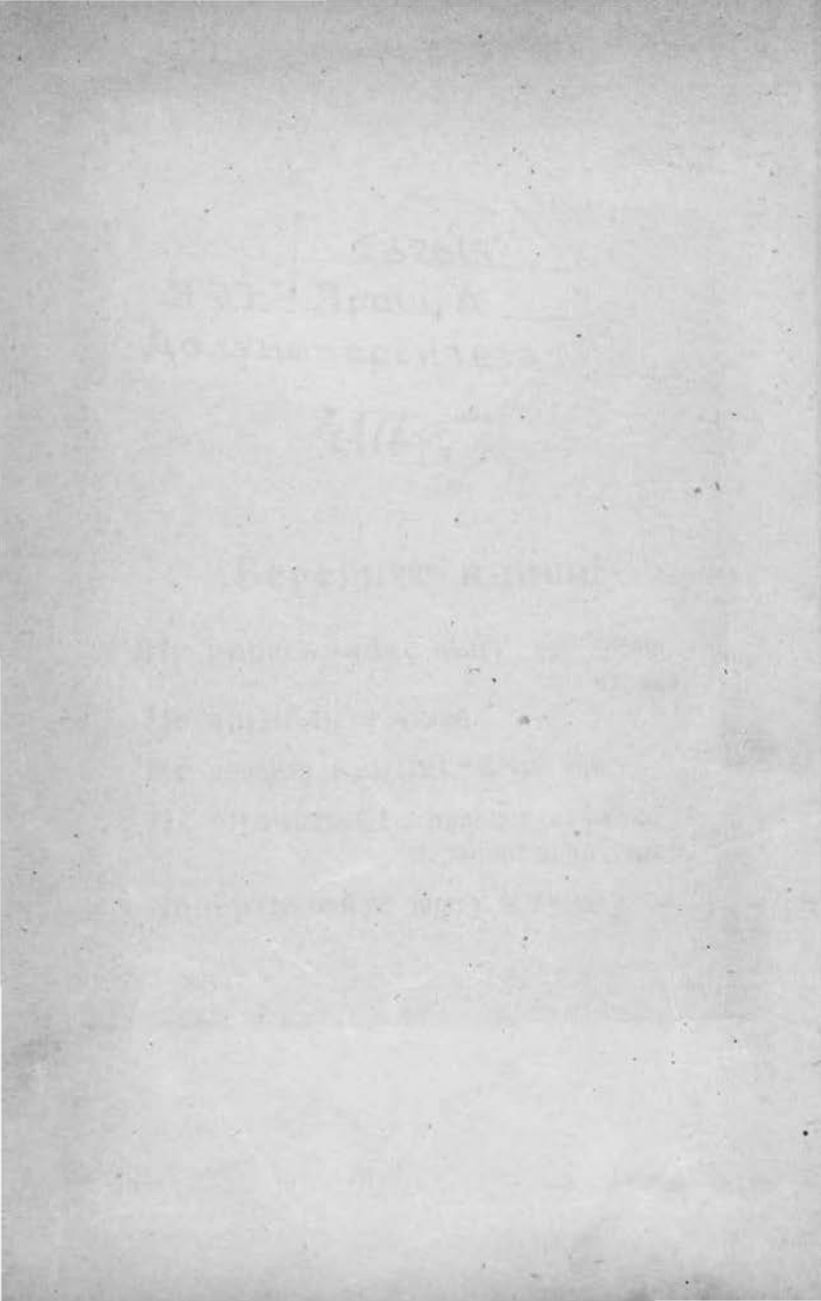

А. ЯРОШЪ.

ДО УНИВЕРСИТЕТА.

Изъ жизни средней школы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-литографія „ЭНЕРГІЯ“, Загородный, 17.

I.

Въ церкви одной изъ петербургскихъ гимназій шла всенощная. Длинные пустые корридоры слабо освѣщались нѣсколькими керосиновыми лампами, и царствовала странная, немного торжественная тишина, составлявшая такой рѣзкій контрастъ съ обычнымъ шумомъ, кутерьмой, пылью и громкимъ разговоромъ гимназистовъ. Правда, дракъ не бывало здѣсь, или лучше сказать, почти не бывало, потому что въ этомъ этажѣ помѣщались старшіе классы, воспитанники которыхъ уже не доходили до грубаго проявленія своей силы надъ болѣе слабыми. Но все-таки все носило отпечатокъ чего-то торжественнаго и необыкновеннаго. Эта торжественность сказывалась и въ красномъ коврѣ, положенномъ по случаю богослуженія на широкой парадной лѣстницѣ, и въ вечернемъ освѣщеніи корридоровъ, и въ мрачной пустотѣ классовъ, сквозь стеклянные двери которыхъ въ неясномъ сумракѣ, прорѣзывавшемся свѣтомъ уличныхъ фонарей, можно было различить ряды партъ; и въ особенномъ, серіозномъ выраженіи глазъ стараго швейцара, и въ доносившихся время отъ времени звукахъ дѣтскихъ голосовъ, сливавшихся въ гармоническіе аккорды. Та же торжественность была написана и на лицѣ инспектора Трегубова, стоявшаго около самыхъ дверей церкви такимъ образомъ, чтобы ему можно было обозрѣвать весь длин-

ный корридоръ и немедленно замѣчать всѣхъ, уклоняющихся отъ религіозныхъ обязанностей. Рядомъ съ нимъ стоялъ воспитатель старшихъ классовъ, Кондрать Вильгельмовичъ Канъ, прозванный за свое удивительно четырехугольное лицо и по созвучію имени Квадратомъ. Квадратъ былъ лютеранинъ, а потому его лицо выражало лишь почтительность и уваженіе къ тому, что читло и чему поклонялось его прямое начальство. Вся его фигура, казалось, говорила: „Я родился неправославнымъ и очень жалѣю объ этомъ, но я умѣю понять и уважать чужую религію“. Онъ тоже зорко наблюдалъ за всѣмъ корридоромъ, и весь, казалось, былъ проникнутъ сознаніемъ своей власти и силы надъ гимназистами, изъ которыхъ ни одинъ не сумѣлъ бы избѣжать его вниманія. Въ церковь входили запоздалые мальчуганы и старались незамѣтно проскользнуть мимо первыхъ дверей, чтобы можно было стать позади всѣхъ, гдѣ было не такъ жарко, можно было разговаривать, сидѣть на подоконникахъ и не находиться вѣчно подъ пристально устремленнымъ взоромъ начальства. Однако, этотъ маневръ рѣдко кому удавался. Туда пропускались только самые надежные воспитанники седьмого и восьмого класса, на которыхъ можно было положиться, что они будутъ стоять прилично и держать себя вполне достойно. Почти всѣхъ Трегубовъ и Квадратъ брали тихонько за плечо и указывали имъ мѣста впереди себя, посрединѣ церкви.

Этихъ мѣстъ, ближе къ царскимъ вратамъ, отдѣленныхъ отъ другой части церкви желѣзной рѣшеткой, всѣ гимназисты ужасно не любили. Здѣсь нельзя было не только играть на подоконникахъ во время ектеніи въ перышки, какъ это дѣлалось сплошь и рядомъ въ самой отдаленной части церкви, за большой каменной аркой съ тремя колоннами, но даже смѣяться

и громко шептаться, такъ какъ это непременно было бы замѣчено всевидящимъ окомъ Трегубова съ одной стороны, а съ другой батюшкой, отцомъ Василиемъ Благовѣстовымъ, ярымъ фанатикомъ, помѣшаннымъ на томъ, чтобы водворить въ храмъ благочиніе и все-лить въ сердца гимназистовъ почтеніе и благоговѣніе къ святому мѣсту.

Отецъ Василій специально для этого раздвигалъ во время службы слегка края завѣсы царскихъ вратъ и, приложивъ глазъ къ образовавшемуся отверстию, зорко слѣдилъ, всѣ ли стоятъ какъ слѣдуетъ, и благоговѣнно ли молятся. Горе было тому, кого онъ замѣчалъ разсѣяннымъ, или кто втеченіе нѣсколькихъ минутъ смотрѣлъ въ окно и ни разу не перекрестился: ему грозилъ строжайшій выговоръ, и онъ могъ быть увѣреннымъ, что, какъ бы хорошо впредь ни отвѣчалъ урокъ, больше четверки въ четверти не получить по Закону Божію. Но еще большее горе грозило тому, кого онъ замѣчалъ смѣющимся или разговаривающимъ. Отецъ Василій не могъ этого перенести. Подобное кощунство возмущало его, онъ немедленно жаловался инспектору и настаивалъ на примѣненіи къ виновному самыхъ строжайшихъ наказаній. По его словамъ, онъ все могъ простить: незнаніе урока, дерзость, какую угодно шалость, но только не подобное непочитительное отношеніе къ церкви, „не такое оскверненіе храма“, какъ онъ говорилъ. Его отношеніе къ этому предмету какъ-то передалось и всему начальству, и ученики, замѣченные въ разговорѣ, смѣхѣ, или въ чемъ либо иномъ, столь же предосудительномъ, навсегда портили себѣ репутацію и попадали въ число отпѣтыхъ. Гимназисты терпѣть не могли отца Василія, называли его іезуитомъ, но страшно его боялись, а тѣ, которые стояли въ церкви близко къ нему, ужъ, конечно, забывали

всякую веселость и заботились только о томъ, какъ бы не попасться и не получить замѣчанія.

Въ церкви было много народу, такъ какъ она очень усердно посѣщалась прихожанами, благодаря отцу Василию, который говорилъ недурныя проповѣди, нравившіяся публикѣ и производившія на нее, въ особенности на дамъ, большое впечатлѣніе. Впереди виднѣлись ряды черныхъ и бѣлыхъ головокъ гимназистовъ самыхъ младшихъ классовъ. Поближе къ рѣшеткѣ и къ публикѣ, которая занимала обыкновенно среднюю часть церкви, стояли воспитанники четвертаго и пятаго класса и тѣ изъ шестого, которые были признаны ненадежными и должны были находиться на виду у начальства. Дальше, за аркой, безъ всякаго надзора, толпились въ безпорядкѣ ученики старшихъ классовъ. На нихъ никто не смотрѣлъ, и они пользовались этимъ чрезвычайно широко. Многіе, зѣвая, сидѣли на подоконникахъ; другіе переводили по подстрочнику Софокла, третьи переговаривались вполголоса и смѣялись, четвертые, уже покручивавшіе свои едва замѣтные усы, обращали особенное вниманіе на хорошенькихъ прихожанокъ и обмѣнивались по этому поводу своими мнѣніями, сопровождаемыми непринужденнымъ смѣхомъ. Они, вѣдь, были въ совершенной безопасности.

Зато полная противоположность этой картинѣ наблюдалась въ той части церкви, гдѣ стояли малыши. Здѣсь страхъ и боязнь были написаны на каждомъ лицѣ, на которомъ въ то же время можно было прочесть страстное желаніе ускользнуть куда-нибудь отсюда, гдѣ было такъ скучно и такъ тяжело стоять. Мальчики машинально крестились, очень немногіе также машинально повторяли при этомъ слова молитвы, улетая мыслями далеко, далеко... Свѣчи трещали и чадили,

отравляя и безъ того тяжелый воздухъ, а на клиросѣ раздавался заунывный, лишенный выраженія, голосъ псаломщика.

Птичкинъ, гимназистъ третьяго класса, хорошенькій черноглазый мальчуганъ, съ оттопыренными ушами и живымъ выраженіемъ лица, стоявшій около окна, съ нетерпѣніемъ ждалъ того момента, когда псаломщикъ кончитъ читать, и на амвонъ выйдетъ дьяконъ, чтобы воспользоваться этимъ перерывомъ и попросить позволенія у инспектора выйти. Онъ считался ненадежнымъ, ему нѣсколько разъ уже были дѣлаемы замѣчанія за опаздываніе и за самовольные уходы изъ церкви, но онъ условился съ Ѳедей Борисовымъ, своимъ товарищемъ, что онъ въ половинѣ всенощной попросится выйти и больше не вернется въ церковь, а вмѣсто этого они будутъ играть въ перышки въ пустомъ классѣ. Проситься ему было страшно: онъ боялся, что инспекторъ, пожалуй, его накажетъ, но соблазнъ былъ очень великъ. А псаломщикъ все читалъ и читалъ и, казалось, былъ далекъ отъ мысли когда-либо кончить. Птичкинъ слегка толкнулъ стоявшаго рядомъ съ нимъ второкласника Дементьева и спросилъ шопотомъ:—Который часъ?

Дементьевъ былъ примѣрнымъ мальчишкой и чрезвычайно дорожилъ своей репутаціей. Онъ не обратилъ вниманія на вопросъ Птичкина и только еще поспѣшнѣе и усерднѣе сталъ креститься. Птичкинъ толкнулъ его сильнѣе.—Который часъ? Говори, а то завтра въ перемѣну вздую.

— Отстань, — слезливо прошепталъ Дементьевъ.— Батъка, навѣрное, смотритъ изъ алтаря. Изъ за тебя накажутъ.

— Трусишка, ханжа... погоди, вздую тебя. Борисову скажу. Говори, который часъ?

— У меня часовъ нѣтъ.

— Врешь,...—прошепталъ Птичкинъ и толкнулъ его еще сильнѣе.

Въ это время за ними раздался испуганный шопотъ: „Инспекторъ смотритъ, инспекторъ смотритъ“...

Птичкинъ моментально притихъ и сталъ усердно креститься, а Дементьевъ съежился, поблѣднѣлъ отъ страха, и губы его задрожали отъ подступающихъ слезъ.

Наконецъ, псаломщикъ кончилъ, и изъ боковой двери вышелъ толстый діаконъ. Птичкинъ съ бьющимся сердцемъ пошелъ чрезъ ряды гимназистовъ, надѣясь какъ-нибудь проскользнуть незамѣченнымъ. Проходя мимо Дементьева, онъ показалъ ему изъ кармана кулакъ. Онъ добрался благополучно уже до самаго выхода, но въ это время какой-то четвертоклассникъ подставилъ ему ногу, и онъ чуть-чуть кубыремъ не покатился на полъ. Раздался сдержанный смѣхъ, Птичкинъ обругалъ подлецомъ четвертоклассника, который былъ очень доволенъ своей продѣлкой, но инспекторъ уже замѣтилъ Птичкина и сурово смотрѣлъ на него.

— Куда вы? — спросилъ онъ, взявъ его за плечо, когда онъ проходилъ мимо.

— У меня голова кружится. Я не могу стоять больше...

— Ахъ, у васъ голова кружится,—иронически повторилъ Трегубовъ.—Оттого-то вы, вѣроятно, и смѣялись только что? Вы каждую службу уходите раньше; я замѣтилъ это и доложу о васъ на совѣтъ. Отецъ Василій тоже на васъ жалуется. Вчера на урокъ Закона Божія вы читали постороннюю книгу... я знаю это.

— Нѣтъ, я вовсе не читалъ. Я вынулъ только изъ ранца.

— Ну, ладно, ладно. Здѣсь не мѣсто разговари-

вать... Я васъ отлично знаю. Ступайте. Я посмотрю, долго ли вы будете отсутствовать.

Птичкинъ ушелъ вдоль по корридору, провожаемый пытливымъ взоромъ Трегубова, не вполне увѣреннаго въ справедливости своихъ подозрѣній.

Скрывшись съ глазъ начальства, Птичкинъ почувствовалъ себя на свободѣ и быстрѣе вѣтра побѣжалъ по боковому корридору, въ концѣ котораго находился запасной классъ, или, какъ онъ назывался у гимназистовъ, „пустая камера“. Въ этой пустой камерѣ во время церковныхъ службъ всегда горѣла одна лампа, и туда стекались всѣ гимназисты, удиравшіе изъ церкви подъ разными предлогами. Во время уроковъ здѣсь же скрывались отлынивавшіе отъ разныхъ предметовъ. Въ общемъ, это было самое веселое мѣсто въ гимназіи.

Войдя туда, Птичкинъ тихонько позвалъ:

— Борисовъ, ты здѣсь?

— Здѣсь,—отозвался голосъ, и изъ-за парты, стоявшей въ углу у печки, вылѣзъ бѣлокурый мальчуганъ съ нѣжнымъ, какъ у дѣвочки, личикомъ и прелестными голубыми глазами. Онъ и Птичкинъ были извѣстными шалунами и задирами, первыми на всю гимназію. Они участвовали во всевозможныхъ шалостяхъ, самыхъ смѣлыхъ выходкахъ, но попадались рѣдко, такъ какъ товарищи ихъ очень любили и никогда не выдавали.

— Чортъ возьми,—сказалъ Борисовъ.—Я тутъ уже четверть часа сижу. Только что такъ здорово струсилъ... Сижу, понимаешь, здѣсь, жду тебя и дрожу, что вотъ-вотъ придетъ дядька или Квадратъ и поймаетъ меня... Вдругъ, слышу: идетъ кто-то... Я сейчасъ-же спрятался подъ скамейку. Вошелъ Михайло, посмотрѣлъ и ушелъ. Я испугался; думалъ, вдругъ онъ начнетъ подъ скамейки заглядывать...

И неподдѣльный страхъ засвѣтился въ его голубыхъ глазахъ. Михайло былъ сторожемъ на старшемъ отдѣленіи, всѣми ненавидимый пьяница, шпионившій за гимназистами и испытывавшій громадное наслажденіе каждый разъ, когда ему удавалось кого-нибудь поймать въ куреньи или манкированьи уроками и представить инспектору. Онъ былъ неимоვნно грубъ и дерзокъ, и смягчить его можно было только деньгами. Тогда его дерзость смѣнялась униженнымъ подобоострастіемъ. Начальство его очень любило и цѣнило, видя въ немъ хорошаго союзника, и смотрѣло на его пороки сквозь пальцы, а жалобы гимназистовъ оставляло безъ всякихъ послѣдствій.

— А я только что ругался съ инспекторомъ,—вполголоса сообщилъ Птичкинъ.

— Ну, что ты?.. изъ-за чего?

— Да онъ говоритъ мнѣ, что я постоянно выхожу изъ церкви, и что батька жаловался на меня. Изъ-за Айвенго. Помнишь, мы вчера читали?

— Помню... Ну, и что же ты сказалъ ему?

— Ну, конечно, сказалъ, что не читалъ, и что батька вреть.

— И онъ отпустилъ тебя?

— Отпустилъ. Сказалъ только, что замѣтитъ, долго ли я не вернусь.

— Ишь подлецъ... Ну, давай скорѣй играть. Ты принесть какихъ нибудь новыхъ?

— Принесть. Два Наполеона... Ихъ трудно выбивать... ужасно трудно. Самъ Сашка Лебедевъ не можетъ больше трехъ разъ подрядъ... И четыре ручки... а потомъ пять восемьдесятъ шестыхъ... А у тебя есть?

— У меня только восемьдесятъ шестые и три золотыхъ. Покажи твои.

Два мальчика забыли все на свѣтѣ: сторожа, инспе

ктора, Квadrата и углубились въ разсматриванье своихъ сокровищъ: коллекцій перьевъ.

Игра въ перышки была очень развита въ гимназіи, въ особенности, въ младшихъ классахъ, гдѣ двѣнадцатилѣтніе малыши предавались этой незамысловатой игрѣ съ необычайнымъ азартомъ. Играли и на урокахъ, и въ перемѣны, и дома, и даже въ другихъ, менѣе всего подходящихъ для этой цѣли мѣстахъ. Одно время даже драки и обычная возня въ рекреационныхъ залахъ младшихъ классовъ, когда гамъ стоитъ такой, что не слышно человѣческаго голоса, и въ воздухѣ носится какой-то неумолчный ревъ и такой грохотъ, какъ будто тамъ скачутъ нѣсколько сотенъ лошадей,—даже эта обычная возня одно время была забыта и смѣнилась завлекательной игрой въ перышки. Последняя состояла въ томъ, что однимъ перомъ слѣдовало ударить другое такимъ образомъ, чтобы оно перевернулось на обратную сторону. Тотъ изъ игроковъ, которому удавалось это сдѣлать, забиралъ себѣ выбитое перо противника, и кромѣ того, имѣлъ право выбивать еще, до перваго промаха. Малыши входили въ страшный азартъ, и, иногда, менѣе, чѣмъ въ пять минутъ, богатѣйшія коллекціи переходили въ руки счастливыхъ и ловкихъ игроковъ.

Существовали особые сорта перьевъ, которыя было чрезвычайно трудно выбить, и были также пользовавшіеся извѣстностью и общимъ уваженіемъ мастера своего дѣла, которые до того наострились, что могли выбить подрядъ нѣсколько сотъ перьевъ. Къ числу подобныхъ принадлежалъ и Сашка Лебедевъ, третьеклассникъ, о которомъ говорилъ Птичкинъ.

Товарищи вынули свои коллекціи, и игра началась. Они слѣдили съ напряженными лицами за ударами, не спуская глазъ съ рукъ другъ друга, методически уда-

равшихъ кончикомъ одного пера по бородкѣ другого, совершенно поглощенные игрой. Изрѣдка только раздавались замѣчанія:

— Здорово.

— Ишь, какъ ловко.

— Ну, и везетъ же тебѣ: десять штукъ подрядъ.

— Не везетъ, а просто хорошо играю.

— Дотронулся, дотронулся, я видѣлъ, не считается...

— И не думалъ дотрагиваться...

— А ну-ка, выбей Наполеончика!

Борисовъ не могъ выбить Наполеончика, и сокровища потекли обратно къ Птичкину. По мѣрѣ того, какъ лицо одного становилось веселѣе и оживленнѣе, другой дѣлался печальнѣе, и лицо его вытягивалось.

Вдругъ, оба затаили дыханіе и начали прислушиваться.

— Идутъ... кто-то идетъ. Спрячемся.

Но шаги быстро приближались и раньше, чѣмъ они успѣли собрать свои перья, въ классъ вошелъ Раевскій, ученикъ седьмого класса. Онъ опоздалъ ко все-нощной и боялся идти въ церковь, такъ какъ ему было сказано, что, если онъ опоздаетъ еще хоть на одну службу, его запишутъ въ штрафной журналъ. У него и такъ уже стояла тройка за поведеніе, и ему слѣдовало быть очень осторожнымъ. Увидя Птичкина, онъ поспѣшно спросилъ:

— Что инспекторъ тамъ?

— Тамъ, въ корридорѣ стоитъ,—отвѣчалъ Птичкинъ.

— Эхъ, чортъ,—выбранился Раевскій,—вотъ досада...

Опять придерется... Надо идти все-таки. Скоро кончится все-нощная?

— Черезъ полчаса, навѣрное.

Раевскій минуту поколебался но, потомъ, вспомнивъ, что, если совсѣмъ не пойдетъ въ церковь, то еще бо-

лѣе повредить себѣ, рѣшился идти и, быстро выйдя изъ камеры, пошелъ по длинному корридору.

„Только бы онъ не вздумалъ меня остановить и не поставилъ вмѣстѣ съ малышами, чтобы батька шпіонилъ за мной,“ —размышлялъ онъ.

Поровнявшись съ инспекторомъ, онъ поклонился ему и посмотрѣлъ въ глаза. Глаза Трегубова были суровы и не предвѣщали ничего хорошаго. Однако, кивнувъ небрежно головою Раевскому, онъ не остановилъ его, ничего ему не сказавъ, а только осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, прислушиваясь къ ревущему басу діакона.

„Плохой знакъ,—подумалъ Раевскій,—обыкновенно онъ останавливаетъ и спрашиваетъ, почему такъ поздно. Должно быть, очень ужъ обозлился.“

Но, все же онъ былъ очень радъ, что счастливо миновалъ инспектора и съ облегченнымъ сердцемъ вошелъ въ церковь, въ ту ея часть, гдѣ стояли гимназисты старшихъ классовъ, превративъ это святое мѣсто въ нѣчто среднее между дортуаромъ и рекреационнымъ заломъ. Онъ тотчасъ же замѣтилъ у правой колонны своего друга Бориса Немирова, который стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, съ выраженіемъ жесточайшей скуки на лицѣ. Дальше стояли и сидѣли на подоконникахъ другіе товарищи Раевского, а рядомъ съ Немировымъ, прямо на полу, сидѣлъ Саша Бѣльскій и что-то старательно лѣпилъ руками, показывая это что-то Михайлову и Крамскому, двумъ семиклассникамъ, которые, присѣвъ на корточки и склонивъ низко головы, давились отъ смѣха, стараясь удержать черезчуръ ужъ громкіе взрывы хохота. Раевскій весело подошелъ къ друзьямъ, толкнулъ слегка въ бокъ зѣвавшаго Немирова и, поздоровавшись со всѣми, сказалъ ему:

— Насилу заставилъ себя придти сюда. А ты давно стоишь здѣсь?

— Я пришелъ вмѣстѣ съ нимъ,—кивнуль онъ головой на Бѣльскаго.—Ужъ мы тутъ цѣлый часъ торчимъ. Съ самаго начала... Скучища смертная. Я усталъ ужасно. Сѣсть негдѣ, всѣ подоконники заняты.

— Такъ садись на полъ. Ты думаешь, я буду стоять? Ну, нѣтъ, я вовсе не намѣренъ...

И онъ сѣлъ на полъ, рядомъ съ Бѣльскимъ, продолжавшимъ что-то такое лѣпить.

— Посмотри, какую штуку вылѣпилъ Саша, — сказалъ онъ Немирову, взглянувъ на руки Бѣльскаго. И, вдругъ, всмотрѣвшись попристальнѣе въ фигурку, которую искусные пальцы Бѣльскаго вызвали изъ небытія, употребивъ для этой цѣли кусокъ восковой свѣчи, оставшейся отъ послѣдней панихиды по учителѣ рисованія, онъ залился неудержимымъ хохотомъ, что, разумѣется, можно было замѣтить только по его лицу, такъ какъ онъ изъ всѣхъ силъ заткнулъ себѣ ротъ платкомъ, стараясь не издавать слишкомъ громкихъ звуковъ.

— Нѣтъ, ты посмотри... ха, ха... Ты посмотри только,—дергалъ онъ за рукавъ Немирова, который тоже заинтересовался и смотрѣлъ на фигурку, изображавшую человѣческое лицо съ широко разинутымъ ртомъ.—Вѣдь это совершенный нѣмецъ. Просто замѣчательное сходство. Совершенный, вылитый Зингеманъ, когда онъ зѣваетъ... ха, ха, ха. Ты посмотри, какое сходство. Какой ты молодецъ, Саша. Знаете, господа, мы завтра поставимъ ему эту шутку на каѳедру...

Сходство, дѣйствительно, было замѣчательное, и проектъ поставить эту штуку Зингеману на каѳедру всѣмъ понравился, такъ какъ обѣщаль дать богатѣйшій матеріалъ для смѣха и шума въ классѣ. Нѣмецъ, конечно, будетъ спрашивать, чья фигурка, дѣлая при этомъ чрезвычайно смѣшную фізіономію, всѣ будутъ громко

смѣяться и галдѣть. Потомъ, не найдя виновника, онъ сочинить длиннѣйшую записку и приобщить къ дѣлу фигурку. Однимъ словомъ, исторія общала быть забавной.

— Однако, мы чортъ знаетъ какъ ведемъ себя. Орѣшко и Трегубовъ, навѣрное, слышатъ все. Опять придерутся къ намъ,—сказалъ Раевскій.

— Да, да, тише, господа,—промолвилъ Бѣльскій, пряча фигурку въ карманъ,—а то опять будетъ исторія. Ты знаешь, — обратился онъ совсѣмъ тихо къ Раевскому,—сегодня передъ всенощной меня позвалъ Трегубовъ и спрашивалъ про тебя...

— Ну, что ты?

— Да, онъ спрашивалъ, давно ли мы знакомы. Говорилъ, что ты, по его мнѣнію, очень испорченный мальчикъ и что ты—единственная причина всѣхъ шалостей въ классѣ, что, однимъ словомъ, ты коноводъ и зачинщикъ всѣхъ безобразій. Что ты никого и ничего не слушаешь, вѣчно опаздываешь, удираешь съ уроковъ, невнимателенъ, неаккуратенъ, всѣ преподаватели на тебя жалуются, что ты, наконецъ, и дерзокъ, и совершенно неисправимъ...

— Все это онъ мнѣ говорилъ уже много разъ. Къ чему только, я не понимаю, онъ завелъ этотъ разговоръ съ тобой.

— Вотъ, подожди... Онъ и говоритъ дальше, что на совѣтѣ о тебѣ была рѣчь, и всѣ согласились на томъ, что ты для класса, вообще нежелательный элементъ. Поэтому снисхожденій тебѣ никакихъ не будетъ... А потомъ, онъ замѣтилъ, что я, будто бы бывший раньше примѣрнымъ гимназистомъ, начинаю теперь портиться и безобразно вести себя. Онъ приписываетъ это твоему вліянію и находитъ, что лучше будетъ, если я разойдусь съ тобой...

Раевскій покраснѣлъ отъ обиды до корней волосъ и голосомъ, въ которомъ дрожали слезы, произнесъ:

— Какъ это гадко. Ну, и что же ты ему отвѣтилъ?

— Я ему сказалъ, что твое вліяніе здѣсь не причемъ, что я все время былъ такимъ, каковъ я теперь, и что ты, вообще, очень хорошій человѣкъ, но прямо шалунъ и веселый мальчикъ. Но онъ не сталъ слушать меня и, махнувъ рукой, сказалъ: „ну, я это знаю лучше васъ,“ и ушелъ. Но только я совѣтую тебѣ держать теперь ухо остро. Положимъ, и мнѣ точно также не мѣшаетъ, потому что наше положеніе, въ сущности говоря, почти одинаково.

— Ну, положимъ. У меня три за поведеніе и на этой недѣлѣ запись на французѣ.

— А у меня четыре за поведеніе и исторія съ Блохой, которую еще надо расхлебывать.

Блоха былъ воспитатель на старшемъ отдѣленіи, маленькій черный кривоногій человѣкъ съ зеленоватымъ лицомъ, получившій это прозвище, замѣчательно подходившее къ нему, за манеру постоянно какъ-то особенно прищелкивать языкомъ. Происшествіе, о которомъ говорилъ Бѣльскій, заключалось въ томъ, что на прошлой недѣлѣ, во время какой-то возни, Бѣльскій наскочилъ въ темномъ корридорѣ на Блоху и думая, что это его товарищъ Галкинъ, со всего размаха сѣлъ ему на плечи и только тогда понялъ свою ошибку, когда взбѣшенный воспитатель прогарцовалъ подъ нимъ нѣсколько шаговъ и вывезъ его на болѣе освѣщенное мѣсто. Разумѣется, Бѣльскій страшно перепугался, просилъ прощенія, но Блоха не вѣрилъ тому, что здѣсь была ошибка и обѣщалъ самое жестокое наказаніе.

— Но, я думаю,—продолжалъ Бѣльскій,—все это теперь бросить. Давай смирно сидѣть на урокахъ и слушать. Всѣ эти наши выходки на Законъ Божіемъ,

постоянную болтовню, смѣхъ, затѣмъ изводы нѣмца и француза тоже надо оставить. А то, чортъ ихъ знаетъ, вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, выставятъ.

— Не выставятъ.

— Ну, вотъ ты всегда себя утѣшаешь, а, между тѣмъ, мы съ тобой висимъ на волоскѣ, а ты все время рискуешь. Зачѣмъ сегодня, напимѣръ, пришелъ такъ поздно? Навѣрное, Трегубовъ замѣтилъ тебя. Опять будетъ исторія.

— Такъ что же дѣлать, если такая скука. Хорошо еще, что можно быть не на виду у него.

На окнѣ сидѣли Водорослинъ, Синявинъ и Ляпуновъ, тоже ученики седьмого класса и, прижавшись тѣсно другъ къ другу, такъ какъ окно было довольно узкое, а Водорослинъ отличался колоссальной толщиной, оживленно бесѣдовали вполголоса.

— Вы представьте себѣ,—говорилъ Синявинъ, красивый черноглазый юноша, одѣтый въ новую, темнаго цвѣта блузу съ огромнымъ воротникомъ, изъ подъ котораго виднѣлся другой, еще болѣе высокій, ослѣпительной бѣлизны, упиравшійся ему въ шею и мѣшавшій свободно поворачивать голову,—вчера вечеромъ я иду мимо дверей инспекторской квартиры по парадной лѣстницѣ, а оттуда выходить его дочка. Прелесть какая... блондиночка... Я дѣлаю видъ, что не знаю, кто она, и мы въ молчаніи спускаемся съ лѣстницы, причемъ я все время смотрю на нее, а она краснѣетъ и улыбается.

Синявинъ имѣлъ обыкновеніе рассказывать мало-вѣроятныя приключенія, въ особенности любовныя, въ которыхъ онъ являлся непобѣдимымъ героемъ. Онъ любилъ поражать слушателей самыми необыкновенными исторіями, въ которыхъ выдающуюся роль играла его наружность. Ему мало вѣрили, смѣялись надъ его раз-

сказами, но всетаки любили его, потому что онъ былъ славный малый и добрый, веселый товарищъ. На лицахъ его слушателей появилась недовѣрчивая улыбка, а онъ, покручивая свои, едва пробивавшіеся усики, продолжалъ:

— Какъ только мы вышли на подъѣздъ, она тоже посмотрѣла пристально на меня, и я по глазамъ увидѣлъ, что произвелъ на нее сильное впечатлѣніе...

— Какъ же ты могъ видѣть, — спросилъ Водорослинъ, — если на улицѣ было темно?

— Эхъ ты, дура, — смутившись отвѣтилъ Синявинъ, подыскивая въ это время какую-нибудь увертку, — вѣдь, электрическій фонарь стоитъ прямо противъ подъѣзда.

— Ой врешь, — недовѣрчиво протянулъ Ляпуновъ.

— Честное слово не вру. Ну, зачѣмъ мнѣ врать? Подумай. Ну, вотъ я подошелъ къ ней и говорю: „Позвольте мнѣ васъ проводить...“

— Точно Фаустъ.

— Она вся загорѣлась и пожала мнѣ руку.

Тутъ уже и Ляпуновъ, и Водорослинъ не выдержали.

— Ну, врешь, врешь. Пари держу, что врешь.

— Да, нѣтъ же. Вотъ, дурачье... Что же здѣсь необыкновеннаго. Съ моей наружностью... А потомъ я обнялъ ее и поцѣловалъ нѣсколько разъ. И главное было пріятно не то, что я цѣлую красивую женщину: я уже привыкъ къ этому, а мысль, что я цѣлую дочку Трегубова, и онъ объ этомъ не знаетъ. Воображаю, что бы съ нимъ сдѣлалось, еслибы онъ узналъ.

— Да почему ты знаешь, что это была его дочка? Можетъ быть, это портниха.

— Дура!.. портниха... Точно я не знаю.

— Неужели же ты такъ таки и поцѣловалъ ее нѣсколько разъ?

— Ну, да. Что же здѣсь особеннаго?

— На улицѣ?

— На улицѣ.

— А какъ пріятно, я думаю, поцѣловать такую красивую дѣвушку, особенно, если она еще тебя любить, — промолвилъ задумчиво Ляпуновъ, отличающийся невзрачной наружностью, не одержавшій въ своей жизни ни одной побѣды, но одаренный чувствительной натурой, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Онъ печально посмотрѣлъ на свою некрасивую физиономію, отражавшуюся въ оконномъ стеклѣ и тяжело вздохнулъ.

— Н-да... это хорошо... хотя не очень. Есть вещи лучше, — небрежно сказалъ Синявинъ.

— А ты вѣрь ему больше. Вреть онъ, какъ сивый меринъ, — перебилъ Водорослинъ и хлопнулъ Синявина по колѣнкѣ своей громадной ручищей такъ сильно, что тотъ вздрогнулъ отъ непріятнаго чувства и выбранился.

На сосѣднемъ подоконникѣ сидѣли Комаровъ и Фельдманъ, разложивъ на колѣняхъ маленькія книжки сочиненій Софокла и подстрочники, безъ которыхъ не обходился ни одинъ самый прилежный гимназистъ. Они были совершенно погружены въ отысканіе загадочнаго смысла одной изъ фразъ царя Эдипа и изрѣдка только, когда внезапно затихалъ гулъ отъ разговора, боязливо вскидывали глазами, готовые при первой тревогѣ спрятать книги и представиться молящимися. Впрочемъ, при этой обстановкѣ дѣло у нихъ шло плохо, и только желаніе чѣмъ-нибудь заняться, чтобы избѣжать томительной скуки, заставляло ихъ подвергаться подобному риску. Комаровъ былъ извѣстенъ въ классѣ за очень прилежнаго, но недалекаго юношу, который, однако, всегда находился въ курсѣ учебныхъ

дѣлѣ и зналъ всегда всѣ уроки лучше первыхъ учениковъ. Къ нему постоянно обращались за помощью, когда надо было приготовиться къ какому-нибудь переводу. Лѣнтяи эксплуатировали этого, рѣдкой доброты мальчика, до послѣдней степени, постоянно отвлекая его отъ работы и пользуясь уже готовыми плодами его трудовъ. Можно поручиться, что въ гимназiи не было болѣе самоотверженнаго труженика, и теперь онъ трудился не для себя, а переводилъ отрывокъ изъ Софокла по просьбѣ Фельдмана, классическаго лѣнтяя, никогда не готовившаго уроковъ, ничего не знавшаго и только чудомъ державшагося въ гимназiи. Семиклассники приписывали это чудо его большимъ связямъ, и онъ самъ охотно допускалъ такое мнѣніе о себѣ, такъ какъ былъ помѣшанъ на аристократизмѣ, высшемъ обществѣ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ заявлялъ о своихъ близкихъ знакомствахъ съ графами и князьями, причемъ вралъ здѣсь сколько угодно, не краснѣя.

Разговоры, шутки, смѣхъ,—однимъ словомъ, все, кромѣ молитвы, продолжалось за аркой и стало, съ приходомъ Раевского принимать столь непринужденный характеръ, что жена эконома, стоявшая ближе всѣхъ изъ публики къ гимназистамъ, уже нѣсколько разъ обращалась въ ихъ сторону съ выраженіемъ величайшаго негодованія и ужаса на лицѣ. Однако, этотъ безмолвный протестъ мало дѣйствовалъ на безпечныхъ мальчиковъ. Раевскій, собравъ около себя нѣсколькихъ товарищей, рассказывалъ имъ какую-то забавную исторію, случившуюся съ ихъ учителемъ математики и класснымъ наставникомъ, Протопоповымъ. Судя по ихъ лицамъ, исторія была очень смѣшная, слушатели давились отъ смѣха...

— Инспекторъ идетъ, инспекторъ идетъ!..

Этотъ тревожный возгласъ исходилъ отъ Малецкаго, робкаго шестиклассника, стоявшаго у двери, ведущей въ корридоръ, все время усердно молившагося и не принимавшаго ни малѣйшаго участія въ разговорахъ и шумѣ, окружавшихъ его. Однако, сильная тревога, почти ужась, свѣтилась въ его глазахъ, когда онъ предупреждалъ товарищей о появленіи опасности въ лицѣ инспектора, котораго онъ увидалъ покинувшимъ внезапно свое мѣсто около главнаго входа въ церковь и приближающимся быстрыми шагами.

Все внезапно преобразилось. Комаровъ во мгновение ока скомкалъ листы подстрочника и Софокла и въ такомъ видѣ, не успѣвъ даже сложить ихъ, спряталъ за пазуху. Раевскій оборвалъ на полусловѣ свой рассказъ и быстрѣе молніи вскочилъ на ноги, принявъ видъ погруженнаго въ молитву. Всѣ мгновенно смолкли, смѣхъ застылъ на губахъ, и тотъ, кто увидалъ бы теперь этихъ серьезныхъ, погруженныхъ въ молитвенное созерцаніе юношей, подумалъ бы, что онъ видитъ предъ собой вѣрующихъ послушниковъ, проникнутыхъ религіознымъ экстазомъ. Тотъ же, кто наблюдалъ бы эту поразительную по своей быстротѣ и внезапности метаморфозу, поклялся бы, что имѣетъ дѣло съ опытными актерами. Однако, ни то, ни другое не было бы вѣрно: большинство этихъ юношей были правдивыми и искренними людьми; привычка относиться враждебно къ начальству и скрывать отъ него свои поступки, выработали въ нихъ эту способность притворяться.

Когда Трегубовъ вошелъ, воспитанники стояли, не шелохнувшись и, усердно крестясь, казалось, были такъ заняты молитвой, что не обратили даже вниманія на его появленіе. Трегубовъ былъ привлеченъ шумомъ, смутно доносившимся до него изъ отдален-

ной части церкви, и рассчитывалъ застать гимназистовъ врасплохъ. Однако, подходя уже къ двери, онъ слышалъ, какъ шумъ внезапно стихъ, разговоръ прекратился, и понялъ, что кто-то предупредилъ.

Раздосадованный этой неудачей и выведенный изъ себя этимъ наглымъ притворствомъ, онъ рѣшилъ остаться здѣсь и до конца всенощной наблюдать за старшими воспитанниками.

Раевскому стало скучно. Часовъ у него съ собой не было, а ему непреодолимо хотѣлось узнать, сколько еще осталось стоять. Онъ зналъ, что очень рискуетъ, если спросить у Бѣльскаго, и инспекторъ это замѣтитъ, но искушеніе было сильно. При врожденной живости характера, онъ не могъ побѣдить своего желанія и нетерпѣнія. Стараясь не шевелить губами и дѣлая видъ, что усиленно молится, онъ шепнулъ осторожно Бѣльскому:

— Саша, сколько осталось?

Но Бѣльскій сердито посмотрѣлъ на него и, указавъ глазами на инспектора, не отвѣчалъ. Раевского еще больше обуяло нетерпѣніе. Совершенно забывая осторожность, онъ уже довольно громкимъ шопотомъ сказалъ:

— Посмотри, пожалуйста. Ну, что тебѣ стоитъ...

Въ ту же минуту онъ услышалъ за собой шопотъ Немирова:

— Трегубовъ замѣтилъ тебя.

„Фу, ты чортъ“,—подумалъ Раевскій. Опять нарвался. Вотъ не везетъ.

И онъ сталъ думать, сколько разъ онъ уже „нарвался“ въ этомъ году, тогда какъ въ началѣ учебнаго года давалъ себѣ слово, что будетъ впредь благоразумнымъ и смирить въ себѣ тѣ странные необъяснимые порывы, которые заставляли его, умнаго и интел-

лигентнаго мальчика, выкидывать въ гимназіи самыя мальчишескія шалости, совершенно недостойныя шестнадцатилѣтняго юноши. Онъ задумался надъ своей странной натурой, которая порой причиняла ему столько горя. Благодаря непонятнымъ свойствамъ своего характера, о немъ составилось въ гимназіи среди учителей мнѣніе, котораго онъ вовсе не заслуживалъ.

Почти всѣ учителя считали его способнымъ, но поверхностнымъ, не умѣющимъ ни глубоко думать, ни интересоваться серьезными предметами; тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ обладалъ живымъ умомъ и чрезвычайно увлекался самыми глубокими и серьезными вопросами. Его считали злымъ, грубымъ и безчувственнымъ мальчишкой, тогда какъ онъ былъ очень добрымъ, отзывчивымъ и даже слегка сентиментальнымъ. Его считали даже, вѣроятно, способнымъ на подлости, между тѣмъ какъ всякая подлость заставляла трепетать его сердце отъ негодованія и вызывала глубокое отвращеніе. И это непониманіе, происходившее, какъ онъ чувствовалъ, исключительно по его собственной винѣ, невольно возстановляло его противъ учителей и воспитателей. Онъ чувствовалъ, что поступаетъ скверно, давая волю необъяснимымъ порывамъ мальчишескаго сумасбродства, такъ какъ этимъ только укрѣпляетъ невѣрное мнѣніе, сложившееся о немъ, но былъ не въ силахъ удержаться. Пропастъ все росла и росла, и, вотъ, сегодня, то, что ему сообщилъ Бѣльскій, окончательно разстроило его и заставило его сердце болѣзненно сжаться. Его не только считаютъ сквернымъ, но даже вреднымъ, заражающимъ здоровый элементъ...

„А, вдругъ, это—правда? Вдругъ, я, дѣйствительно, скверный, гадкій мальчишка, который портитъ другихъ и котораго надо выбросить, пока онъ окончательно не заразилъ всѣхъ остальныхъ?.. Почему, въ самомъ дѣлѣ,

я воображаю себя такимъ хорошимъ? Можетъ быть, я, очень скверный человѣкъ“...

Но какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, что это не такъ, что онъ вовсе не дурной человѣкъ, что онъ не сдѣлалъ ничего такого, что служило бы доказательствомъ его непорядочности. Что, въ самомъ дѣлѣ онъ дѣлалъ? За что его признали нежелательнымъ элементомъ?.. Онъ началъ мысленно перебирать всѣ факты за послѣдній мѣсяцъ, которые могли бы составить ему такую репутацію. Это былъ рядъ мальчишескихъ выходокъ, и „нарываній“, какъ называли гимназисты тѣ случаи, когда зачинщикъ шалости попадался начальству. Это были безконечныя удиранья съ французскихъ и нѣмецкихъ уроковъ, разговоры и смѣхъ за уроками, подсказыванья, шумъ въ классѣ, какія-нибудь карикатуры на учителей, или воздушный игрушечный шаръ, пущенный во время занятій. Иногда, это былъ свистъ или гудѣнье на урокахъ, когда нѣсколько человѣкъ, согласившись поддерживать другъ друга, начинаютъ чуть слышно свистѣть или гудѣть, протягивая все время одну и ту же ноту.

Вначалѣ слабый звукъ начинаетъ страшно надоедать своей монотонностью, и взбѣшенный преподаватель ищетъ виновника. Если ему удастся замѣтить, и онъ вызываетъ его, чтобы провѣрить, прекратится ли звукъ, его товарищи немедленно подхватываютъ въ томъ же тонѣ, и гудѣнье продолжается, монотонное, непрестанное и выводящее изъ себя. Или это была дерзость учителю, неизвѣстно почему сказанная, такъ, внезапно, вслѣдствіе тѣхъ же непонятныхъ свойствъ натуры. Но все это не давало, однако, права признать себя нравственно испорченнымъ.

Раевскому стало горько и нехорошо отъ этихъ мыслей. Онъ пытался вообразить, что въ данную минуту

думаетъ о немъ Трегубовъ. Ему вспомнилось, какъ, три года тому назадъ, въ четвертомъ классѣ, когда онъ нарочно разбилъ книгой стекло въ двери, безъ всякой причины, изъ одного удалства, воспитатель Колѣнинъ, прозванный за свое безобразіе Мордой, поймавъ его на мѣстѣ преступленія, изо всѣхъ силъ оттащавъ его за ухо, называлъ его при всѣхъ червоннымъ валетомъ и сказалъ, что, если бы у него былъ такой сынъ, онъ отдалъ бы его въ исправительное заведеніе.

„Вотъ, и Трегубовъ считаетъ, вѣроятно, меня преступникомъ,—подумалъ Володя,—и съ удовольствіемъ сослалъ бы на каторгу, если бы только могъ“.

И онъ оглянулся на Трегубова, надѣясь прочесть на его лицѣ отраженіе его думъ. Но Трегубовъ былъ безстрастенъ, и его холодные сѣрые глаза ничего не говорили.

II.

Наконецъ, всенощная кончилась. Въ церкви послышался шумъ шаговъ, сдержанный разговоръ, который тотчасъ же переходилъ въ громкій говоръ, какъ скоро разговаривавшіе переступали порогъ церкви. Старшіе воспитанники тоже собрались уходить, но инспекторъ остановилъ ихъ и сказалъ:

— Вы ведете себя невозможно, господа. Я нарочно пришелъ сюда, потому что вы такъ шумѣли, что мѣшали въ церкви молиться. Я васъ прошу въ другой разъ быть тише. Помните, что храмъ — святое мѣсто, куда вы приходите только для того, чтобы молиться.

Сдержанная улыбка показалась при послѣднихъ словахъ на лицѣ у Раевского. Трегубовъ замѣтилъ это и продолжалъ:

— Я знаю, что ваше поведеніе зависитъ отъ присутствія въ вашей средѣ беспокойныхъ элементовъ, которые подбиваютъ васъ на всевозможные безпорядки, шалости и смѣются надъ словами наставниковъ. Но какъ бы этотъ смѣхъ не кончился для нихъ плохо...

Затѣмъ, обращаясь непосредственно къ Раевскому, который покраснѣлъ и закусилъ губы, спросилъ:

— А вы отчего изволили опоздать опять ко все-нощной?

— У меня голова болѣла,—пробормоталъ Раевскій только для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Ахъ, голова болѣла,—иронически повторилъ Трегубовъ, глядя на него.—Ну, а въ церкви, что же, она у васъ прошла? а? Это, вѣроятно, ладанъ дѣйствуетъ на васъ такъ благотѣльно. Или дружеская бесѣда и смѣхъ излечили васъ отъ болѣзни?

Раевскій молчалъ и краснѣлъ, чувствуя, какъ глупая и тупая злоба къ этому человѣку наполняетъ его сердце.

— Ну, что же вы молчите. Вѣдь, это вы смѣялись и кричали въ церкви такъ, что мѣшали всѣмъ молиться?

— Нѣтъ, не я,—дерзко и вызывающе сказалъ Раевскій.

Трегубовъ и Раевскій стояли въ корридорѣ. Около нихъ собралось нѣсколько семиклассниковъ, любителей всякаго рода исторій. Бѣльскій, стоя позади Трегубова, корчилъ смѣшныя рожи и старался осторожно дотронуться пальцемъ до пуговицы фрака инспектора. Здѣсь игралъ роль рискъ, которому онъ подвергался въ томъ случаѣ, если бы Трегубовъ сдѣлалъ движеніе и наткнулся на протянутый палецъ. Увидѣвъ это, Раевскій снова улыбнулся, а Трегубовъ произнесъ:

— Ну, вотъ, видите: вы находите то, что я говорю, очень смѣшнымъ. Между тѣмъ, дѣло очень серьезно... гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы думаете.

— Я же говорю вамъ, что я не разговаривалъ и не смѣялся.

— Ну, хорошо, хорошо, оставимъ это. Совѣтую только вамъ обратить вниманіе на свое поведеніе. Не забудьте, что всякое терпѣніе имѣетъ свои границы.

И онъ ушелъ отъ Раевского, остановивъ за плечо какого-то худосочнаго, съ большимъ носомъ, пятикласника, который, всхлипывая, вытиралъ слезы, катившіяся у него изъ глазъ.

— Въ чемъ дѣло? Кто васъ обидѣлъ?

— Дра... а... знять,—прерывающимся голосомъ произнесъ Коневъ, худосочный мальчикъ съ большимъ носомъ.

— Кто же васъ дразнить?—спросилъ Трегубовъ.

Коневъ молчалъ, продолжая всхлипывать.

— Не можете сказать изъ чувства товарищества? Да? Ну, такъ нечего и плакать... Ступайте.

И онъ пошелъ дальше, повсюду наводя порядокъ, останавливая бѣгущихъ, подгоняя идущихъ слишкомъ медленно и дѣлая замѣчанія.

— Синявинъ, что это у васъ за куртка синяго цвѣта, какъ у жандарма? Больше, чтобъ этого не было.

— Да, по ошибкѣ портного,—совралъ Синявинъ, заказавшій синюю куртку нарочно, ради шика.

— Ну, видите ли, гимназія не можетъ входить въ эти подробности. У насъ есть установленная форма. Вы должны носить платье чернаго цвѣта.

— Фельдманъ, пожалуйста, потрудитесь безъ лакированныхъ ботинокъ. Поберегите ихъ для бала.

— Ляпуновъ, выньте руки изъ кармана.

— Сидоренко, вамъ пора давно подстричься.

Между тѣмъ, толпа гимназистовъ, вырвавшихся изъ подъ надзора начальства, и радостная отъ сознанія, что всенощная и сопряженная съ нею скука кончились, весело шумѣла внизу въ сборной, одѣваясь, обмѣниваясь шутками и затѣвая возню. Выходная дверь по-минутно открывалась, выпуская мальчиковъ на свѣжій, холодный воздухъ.

Раевскій, послѣ разговора съ инспекторомъ, выдавшій сцену съ Коневымъ, подошелъ къ нему и участливо просилъ, что съ нимъ случилось. Но бѣдный мальчикъ, видно, не привыкшій къ ласкѣ и участию, продолжалъ всхлипывать и ничего не отвѣчалъ.

Съ большимъ трудомъ Раевскому удалось узнать, что всѣ товарищи чѣмъ-то его дразнятъ, а чѣмъ, ему стыдно даже сказать. Больше ничего нельзя было отъ него добиться.

— Ну, полно... не плачьте,—сказалъ Раевскій, протягивая ему руку.—Я за васъ заступлюсь, если они будутъ васъ дразнить.

— Правда?—спросилъ Коневъ, глядя ему съ благодарностью въ глаза.—Спасибо вамъ, спасибо. Какой вы добрый.—И онъ горячо пожалъ протянутую ему руку.

Это дружеское участіе, которое онъ могъ оказать затравленному мальчику, немного подбодрило Раевскаго, и тоскливое чувство, вызванное размышленіями и разговоромъ съ инспекторомъ, прошло. „Э, пустяки,—думалъ онъ, спускаясь съ лѣстницы,—все пройдетъ и кончится благополучно. Съ завтрашняго дня бросаю всѣ свои шалости, удиранья, буду внимателенъ и прилеженъ, буду заниматься и заставлю измѣнить о себѣ мнѣніе.“

Въ сборной его встрѣтили Бѣльскій и Немировъ, совсѣмъ одѣтые, готовые уже уходить и ожидавшіе только его.

— Ну, что же ты тамъ застрялъ? Идемъ скорѣе. Мы ждемъ тебя.

Раевскій быстро одѣлся и съ облегченнымъ сердцемъ вышелъ вмѣстѣ съ друзьями изъ гимназіи, гдѣ ему пришлось провести столько непріятныхъ минутъ, но къ которой онъ, тѣмъ не менѣе, былъ привязанъ всей душой.

Стоялъ конецъ февраля, то время, когда въ Петербургѣ сквозь порывы вьюги и холода начинается проглядывать весна, растворяющая своимъ теплымъ дыханьемъ снѣга и наполняющая прохладный воздухъ своимъ особеннымъ благоуханіемъ, нѣжнымъ и ласкающимъ. Легкій вѣтерокъ дулъ съ моря, а небо чистое и прекрасное сіяло тысячами мерцающихъ звѣздъ.

Раевскій особенно любилъ эту погоду. Это явно ощущаемое, скорое возвращеніе весны всегда какъ-то особенно дѣйствовало на его молодую душу, пробуждая въ ней неясныя мечты и желанія, воздушныя, неуловимыя поэтическіе образы, такіе тонкіе, такіе прозрачные, что онъ самъ не могъ себѣ отдать яснаго отчета въ своемъ настроеніи. Въ такое время ему хотѣлось любить и быть любимымъ, хотѣлось быть великимъ и прекраснымъ, и иногда ему казалось, что это возможно, что когда-нибудь настанетъ такое время, когда онъ будетъ великимъ и прекраснымъ.

Бѣльскій и Немировъ тоже находились подъ вліяніемъ живительнаго весенняго воздуха, а, можетъ быть, и настроеніе Раевского отчасти передалось имъ. Уже больше трехъ лѣтъ они аккуратно, почти каждый день, выходили изъ гимназическихъ дверей всѣмъ втроемъ; шли по Моховой, потомъ по Литейному до Итальянской, гдѣ имъ надо было разставаться. И каждый день они смѣялись и весело разговаривали, не замѣчая совершенно времени и съ сожалѣніемъ убѣж-

даясь, что мѣсто ихъ разлуки уже близко. Замѣчательно, что темы разговоровъ никогда не изсякали, что мало значащія мелочи, иной разъ, могли ихъ забавлять по цѣлымъ часамъ, что всѣ ихъ мысли и ощущенія немедленно же дѣлались достояніемъ другъ друга. Это происходило вслѣдствіе полного духовнаго единенія настолько глубокаго, что они понимали другъ друга съ полуслова и иногда ограничивались просто взглядомъ, который служилъ имъ вмѣсто цѣлыхъ фразъ. Долгая дружба, неразрывная, втеченіе трехъ лѣтъ, постоянные оживленные разговоры, сходство во мнѣніяхъ и во взглядахъ—все это привело къ тому рѣдкому единенію, сродству душъ, которое существовало между тремя друзьями...

Они прошли, молча, до Литейнаго. Здѣсь Раевскій взялъ Бѣльскаго подъ руку и сказалъ:

— Знаешь, Саша, я хочу теперь себя хорошенько вести. Брошу всѣ эти дурачества... непременно... А то прямо стыдно.

Бѣльскій поспѣшно отвѣтилъ убѣжденнымъ тономъ:

— Я тоже рѣшилъ покончить со всѣмъ этимъ. Просто чортъ знаетъ что. Дома мнѣ постоянно достается... Каждый день записи. Оставляютъ послѣ уроковъ... За что? За беспорядокъ въ классѣ, за крикъ, за шумъ... Это меня, который черезъ годъ долженъ получить аттестатъ зрѣлости! Я просто не знаю, что это значить, чѣмъ объяснить это, какое-то дурацкое настроеніе... Я чувствую, что я прямо-таки дуракъ, окончательный дуракъ...

Бѣльскій проговорилъ эти слова съ полнымъ убѣжденіемъ. Видно было, что онъ рѣшительно не зналъ, чѣмъ объяснить свое скверное поведеніе.

— Это не глупость, а просто мальчишество,—сказалъ Немировъ.—И, собственно говоря, вполне объяс-

нимое. Сидимъ мы на урокахъ въ продолженіе пяти часовъ, ничего не дѣлаемъ, скучаемъ... Ну, разумѣется возьметъ одурь. Все это пройдетъ со временемъ. Только, конечно, вамъ обоимъ надо быть очень осторожными... Въ особенности на нѣмцѣ и на французѣ.

Немировъ велъ себя очень хорошо и никогда не участвовалъ въ продѣлкахъ своихъ друзей. Это былъ рѣдкій юноша по своей неиспорченности и нравственнымъ качествамъ. Несмотря на свой очень возмужалый видъ и большіе усы, которые иногда служили поводомъ для насмѣшекъ надъ нимъ уличныхъ мальчишекъ, онъ былъ чистъ и наивенъ, какъ дитя, и среди товарищей представлялъ изъ себя рѣдкое и прекрасное исключеніе. Раевскій очень любилъ его, а потому, слова, только что сказанныя имъ, утѣшили его.

— Я положительно не знаю, что со мной дѣлается. Пока я дома, я серіозенъ, далекъ отъ всякихъ шалостей, и, когда вспоминаю о нихъ, мнѣ кажется, что дѣлалъ ихъ не я, а кто-то совсѣмъ другой, ничего общаго со мной не имѣющій. Но, стоитъ мнѣ только придти въ гимназію, увидѣть всю эту знакомую обстановку, товарищей, парты, каеэдру, доски, фізіономіи учителей, хрестоматіи, подстрочники,—и кончено. Въ меня вселяется какой-то бѣсъ. Мнѣ хочется выкидывать штуки, самыя нелѣпыя шалости, и я ничѣмъ не могу себя остановить...

— Вотъ, и я—тоже самое,—перебилъ его Бѣльскій. — Сколько разъ я давалъ себѣ слово закончить всѣ эти записи и исторіи съ хлопущками, бумажками, нѣмцами, жуками и такъ далѣе... Но стоитъ увидѣть тебя, Синявина, и все пропало; я не могу побѣдить въ себѣ этого искушенія

— Однако его надо побѣдить... во что бы то ни стало.

— Да, знаешь что... Намъ надо сѣсть отдѣльно другъ отъ друга.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не это. Точно мы не можемъ и такъ взять себя въ руки.

— Конечно, не можемъ... Опять будемъ болтать, смѣяться, безобразничать, и дѣло кончится записью.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я даю слово. Вотъ, Немировъ, будь ты свидѣтелемъ. Съ понедѣльника я превращаюсь въ самага примѣрнаго мальчика.

— Да не будетъ этого,—убѣжденно сказалъ Бѣльскій.—Вспомни, сколько было уже такихъ понедѣльниковъ, въ которые мы должны были сдѣлаться новыми людьми... Для насъ это—невозможно. Представь себя теперь въ классѣ и предъ собой нѣмца, который зѣваетъ и смотритъ на тебя своими выпученными глазами. Ты, вѣдь, не выдержишь и захохочешь.

Раевскій подумалъ и, представивъ себѣ знакомую картину, засмѣялся.

— Да, пожалуй,—согласился онъ.

— Я говорю тебѣ, что это невозможно. Въ насъ сидитъ какой-то дьяволъ. Мы, несмотря на наши шестнадцать лѣтъ, хуже восьмилѣтнихъ дѣтей. Отдѣльно другъ отъ друга мы еще можемъ кое-какъ вести себя прилично, но вмѣстѣ мы прямо превращаемся въ какихъ-то идіотовъ. Да, я прямо-таки идіотъ, и въ самомъ дѣлѣ...

Нѣсколько минутъ они шли молча. Потомъ Немировъ сказалъ:

— Нѣтъ, господа, я думаю все-таки, что вы преувеличиваете. Вы распустились немного, и надо взять себя въ руки. Вѣдь, я же могу удержаться отъ болтовни, смѣха и шалостей. Почему же вы не можете?

— А чортъ его знаетъ... Я этого не знаю. Но только я уже нѣсколько разъ пытался взять себя въ ру-

ки,—и ничего изъ этого не выходило. Я попробую теперь послѣдній разъ и, если не выдержу, то приду къ заключенію, что я окончательный дуракъ... Главное, вѣдь, понимаешь, Саша, я чувствую, до какой степени это глупо и опасно для меня... вести себя такимъ образомъ и все-таки не могу. Какъ глупо...

— Да... Посмотри, какая хорошенъкая гимназистка,—прервалъ Бѣльскій.

Всѣ трое оглянулись, но успѣли замѣтить только каштановые волосы, заплетенные въ косу, и котиковую шапочку. И это быстро исчезло въ темнотѣ.

— Она шла и улыбалась.

— Это она Немирову,—сказалъ Раевскій, любившій подшучивать надъ скромнымъ другомъ, который въ этихъ случаяхъ очень конфузился.

Настало время прощаться. Они дошли до угла Итальянской, гдѣ всегда стояли по полчаса, не будучи въ состояніи разстаться, уговаривая другъ друга проводить себя, двадцать разъ прощаясь и опять возвращаясь. Это происходило у нихъ ежедневно и называлось „великимъ стояніемъ.“

Прощаясь съ Немировымъ, Раевскій сказалъ, смѣясь:

— Какъ ты думаешь, дуракъ я, или нѣтъ?

— Дуракъ,—сказалъ Раевскій.—И я тоже дуракъ.

Всѣ трое засмѣялись, конечно, не тому, что въ шутку обозвали другъ друга дураками, а своей искренней, теплой дѣтской дружбѣ, своей молодости, своей жизни, тому, что имъ такъ хорошо вмѣстѣ, и что эта совмѣстная жизнь продлится еще долго...

Раевскій пошелъ дальше, ускоряя шаги. Онъ жилъ очень далеко, за Вознесенскимъ проспектомъ, и торопился попасть домой поскорѣе, такъ какъ сегодня надо было приготовить уроки къ понедѣльнику въ виду

того, что все воскресенье у него было занято: утромъ онъ долженъ былъ идти въ институтъ навѣстить младшую сестру, а день и вечеръ рассчитывалъ провести у Бѣльскаго, куда обѣщалъ придти также и Немировъ. Уроковъ было много, все очень скучные и трудные предметы, но которые во всякомъ случаѣ надо было приготовить.

Было уже около десяти часовъ, когда Раевскій отправился къ себѣ въ комнату и принялся за уроки.

Боже, какъ ему не хотѣлось заниматься. Одно сознаніе, что онъ только что начинаетъ, что самое трудное, вся работа, еще впереди, дѣлало для него невозможнымъ приняться за занятія.

Онъ разложилъ книги: Софокла, Тита Ливія, Гомера, хрестоматіи Галахова, исторію словесности его же, исторію Виноградова; вынулъ росписаніе и прежде всего написалъ на бумажкѣ все, что ему надо было приготовить. Это былъ длинный, приводящій въ отчаянье, реестръ: пятьдесятъ стиховъ перевода изъ царя Эдипа и столько же изъ Одиссеи Гомера, при этомъ знать всѣ грамматическія формы, умѣть объяснять значеніе всевозможныхъ частицъ и указать, къ какому нарѣчію относится та или другая форма, и, кромѣ того, выписать всѣ ихъ значенія. Далѣе страница изъ Тита Ливія, второй декады первой книги, изъ этого ужаснаго Тита Ливія, который пишетъ безъ подлежащихъ и сказуемыхъ, или разставляетъ ихъ въ такомъ странномъ порядкѣ, что, при всемъ желаніи, нельзя уяснить ихъ истинное значеніе, и къ которому еще, къ тому же, не существуетъ хорошихъ подстрочниковъ. Затѣмъ, десять страницъ изъ исторіи Виноградова про войну изъ-за какого-то испанскаго наслѣдства; наконецъ, умѣть рассказывать половину разсужденія о

любви къ отечеству и народной гордости. Пятый урокъ въ понедѣльникъ былъ французскій языкъ, котораго Раевскій никогда не готовилъ, такъ какъ порядочно умѣлъ переводить и, кромѣ того, надѣялся на Немирова.

Приготовивъ этотъ реестръ, Раевскій сѣлъ на кресло и, неподвижно вытянувъ ноги, медлилъ приняться за занятія. Онъ смотрѣлъ на часы и видѣлъ, какъ стрѣлка неумолимо ползла, отсчитывая минуты за минутами, а онъ все не могъ принудить себя открыть ненавистный подстрочникъ и словарь и начать переводъ „Царя Эдипа“. Онъ мысленно назначалъ себѣ сроки, когда долженъ былъ встать съ кресла, подойти къ столу и начать заниматься. „Ну, вотъ, когда стрѣлка будетъ на двадцати минутахъ,“—думалъ онъ. Но стрѣлка переходила двадцать минутъ, а онъ все сидѣлъ неподвижно и назначалъ новый срокъ. Потомъ онъ начиналъ считать до пятидесяти, рѣшая по произношеніи послѣдняго числа окончить свой отдыхъ, но все сидѣлъ и сидѣлъ... а глаза слипались.

И незамѣтно для себя онъ заснулъ.

Бой часовъ внезапно разбудилъ его. Онъ въ ужасѣ вскочилъ, протеръ глаза и, увидавъ, что часы показывали одиннадцать, сѣлъ проворно къ столу и раскрылъ Софокла. Найдя соотвѣтственное мѣсто въ подстрочникѣ, онъ съ помощью его уяснилъ себѣ смыслъ прочитаннаго, слегка разобрался въ формахъ и переписалъ въ тетрадку десять неизвѣстныхъ словъ, хотя ихъ было, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ. Эти слова были приложены къ подстрочнику, что избавляло отъ необходимости искать слова въ громадномъ словарѣ Вейсмана—занятіе, требовавшее громаднаго количества времени и энергіи. Этимъ окончилось приготовленіе Софокла. Приготовленіе Одиссеи отняло гораздо больше времени, такъ какъ непонятныя частицы *κτ*, *αυ*... совершен-

но затемняли смыслъ и требовали упорнаго размышленія. Было уже половина перваго, когда греческій языкъ былъ оконченъ, кое-какъ, съ помощью подстрочниковъ. Раевскому сдѣлалось скучно и захотѣлось ужасно спать. Онъ попробовалъ перевести изъ Тита Ливія, но сразу же попалъ въ такія дебри, изъ которыхъ его не могъ вывести даже подстрочникъ Адріанова.

— Этакій дурацкій подстрочникъ,—прошепталъ онъ и захлопнулъ книгу. Этотъ подстрочникъ, одинъ изъ немногихъ существовавшихъ къ Титу Ливію, совершенно не пользовался любовью гимназистовъ, которые считали его плохимъ потому, что переводъ въ немъ былъ сдѣланъ не подстрочно, или даже подсловно, какъ это было во всѣхъ другихъ подстрочникахъ, употреблявшихся гимназистами, а довольно далеко отъ подлинника, вполне литературнымъ языкомъ. Въ виду этого пользоваться имъ было трудно, и они зачастую совершенно не могли себѣ уяснить конструкции латинскихъ оборотовъ, какъ произошло это теперь съ Раевскимъ.

Зѣвая, онъ открылъ исторію Виноградова и отыскалъ статью подъ заглавіемъ „Война за испанское наслѣдство“. Несмотря на то, что еще недѣлю тому назадъ онъ училъ предыдущее и отвѣчалъ даже на урокъ, все теперь вылетѣло у него изъ головы. Это было свойство исторіи Виноградова: историческія событія были изложены въ ней сухимъ научнымъ языкомъ, приводившимъ несчастныхъ гимназистовъ, воспитанныхъ на Иловайскомъ, въ полное отчаянье. Иногда, цѣлыя страницы сплошь состояли изъ непонятныхъ фразъ и ссылокъ на предыдущее и не оставляли ни малѣйшаго слѣда въ памяти. Раевскій читалъ и ничего не понималъ. Глава начиналась фразой: „Послѣ

вступленія на престолъ Филиппа Анжуйскаго, подъ вліяніемъ экономическихъ условій, установившихся въ государствахъ Западной Европы, а также необычайнаго прилива золота изъ вновь открытой Америки, государственное хозяйство“... Но Раевскій успѣлъ уже совершенно позабыть, кто такой былъ Филиппъ Анжуйскій, когда и даже въ какомъ государствѣ онъ вступилъ на престолъ, и какое это имѣло отношеніе къ испанскому наслѣдству. Окончательно придя въ отчаянье, онъ захлопнулъ исторію, надѣясь успѣть завтра прочесть урокъ, и сталъ читать разсужденія Карамзина.

Онъ читалъ внимательно, подолгу останавливаясь на прочитанныхъ фразахъ и стараясь запомнить ихъ. Но когда, окончивъ чтеніе, онъ закрылъ книгу и попробовалъ разсказать себѣ прочитанное, онъ могъ только начать: „любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая“, и больше не могъ припомнить ни слова. Заглянувъ въ книгу, онъ сказалъ слѣдующую фразу и снова остановился. Часы показывали два. Керосинъ въ лампѣ догоралъ, и спать хотѣлось страшно. Отложивъ книгу, Раевскій раздѣлся и, потушивъ лампу, легъ въ постель. Онъ не успѣлъ даже ни о чемъ подумать, такъ какъ сейчасъ же заснулъ.

III.

Напрасно Раевскій возлагалъ надежды на воскресенье для того, чтобы приготовить къ понедѣльнику неизученные уроки. Въ воскресенье онъ всталъ поздно, несмотря на упорный стукъ въ его дверь, начавшійся въ девять часовъ согласно его же собственному распоряженію. Сквозь сладкій утренній сонъ, еще болѣе сладкій отъ сознанія того, что онъ вполне законный,

что не надо идти въ гимназію, гдѣ Квадратъ запишетъ въ книжку за опаздыванье, Раевскій прислушивался къ этому стуку и, изрѣдка только говоря, что онъ слышитъ, снова дремалъ.

Воскресенье прошло безслѣдно въ смыслѣ усвоенія какихъ-нибудь знаній: просидѣвъ у сестры въ институтѣ около двухъ часовъ, Володя отправился къ Бѣльскому и попалъ домой только въ одиннадцатомъ часу. Улегшись въ постель, онъ дочиталъ романъ Фламаріона „Стелла“ и заснулъ, нельзя сказать, чтобы очень спокойно, такъ какъ мысль о завтрашнемъ урокѣ исторіи не покидала его. Помимо того, что ему, вообще, было непріятно получить дурную отмѣтку, это непріятное чувство еще усугублялось тѣмъ, что учитель исторіи, Андрей Викторовичъ Геннингъ, былъ очень любимымъ и уважаемымъ человѣкомъ.

Этотъ преподаватель былъ рѣдкимъ исключеніемъ среди всего прочаго персонала гимназіи по своимъ способностямъ, какъ преподаватель, по своей талантливости, какъ рассказчикъ, и по своимъ личнымъ качествамъ, какъ человѣкъ. Онъ былъ очень серіозенъ, очень строгъ, очень требователенъ; не дѣлалъ ни малѣйшихъ поблажекъ лѣнтяямъ, но всегда радъ былъ помочь образумившимся ученикамъ, желавшимъ исправиться, съ удовольствіемъ переспрашивалъ по нѣскольку разъ, приглашая ихъ для этого къ себѣ на домъ и относясь къ нимъ въ высшей степени сердечно. На своихъ урокахъ, которые онъ превращалъ въ лекціи, только изрѣдка назначая дни для спрашиванія, онъ требовалъ безусловной тишины и порядка, нарушителей ихъ безжалостно изгонялъ изъ класса, но зато сумѣлъ заинтересовать всѣхъ своими, полными жизни, лекціями, интересными не только своимъ содержаніемъ, но тѣмъ тономъ, жестами и фразировкой,

которыми сопровождалъ Андрей Викторовичъ свою рѣчь. Онъ не только читалъ лекціи, какъ профессоръ, но и игралъ, какъ актеръ на сценѣ. Когда онъ рассказывалъ про набѣги викинговъ или про разнузданность и жестокость средневѣковыхъ феодаловъ, ученикамъ казалось, что они видятъ предъ собой въ лицѣ Геннинга ихъ самихъ; когда онъ съ полупрезрительной насмешкой цитировалъ извѣстныя слова Людовика XV: „Après nous—le deluge“,—предъ ихъ глазами являлся беззаботный, сластолюбивый и утонченно развратный французскій король. Всѣхъ, о комъ онъ рассказывалъ, онъ какъ бы олицетворялъ самъ, заставляя слушателей соотвѣтствующей интонаціей, жестами и словами еще болѣе поддаваться этой иллюзіи. Ко всѣмъ этимъ качествамъ присоединялось еще необыкновенное благородство, сквозившее во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ чертахъ его умнаго, интеллигентнаго лица, обрамленнаго красивыми усами и небольшой клинообразной бородкой, которую онъ имѣлъ обыкновеніе въ минуты гнѣва и недовольства теревить и кусать зубами. Всею своею фигурой, тонкой и изящной, онъ напоминалъ французскихъ рыцарей эпохи возрожденія. При взглядѣ на него, хотя бы даже самомъ поверхностномъ, сейчасъ же можно было сказать, что основная черта характера этого человѣка—благородство и прямота. Несмотря на то, что онъ былъ очень строгъ и требователенъ въ области своего предмета и требовалъ не обыкновенныхъ гимназическихъ отвѣтовъ, безтолковыхъ и неясныхъ, а вполне сознательнаго и продуманнаго знанія, относительно него въ гимназіи, среди учениковъ, не существовало двухъ мнѣній. Всѣ безъ исключенія, какъ лѣнтяи, такъ и самые прилежные, восхищались имъ, любили его и считали счастьемъ поговорить съ нимъ внѣ класса, какъ-нибудь частнымъ

образомъ. Всѣ относились къ нему съ такимъ безусловнымъ уваженіемъ, что никто и не подумалъ бы никогда сказать ему хотя бы малѣйшую дерзость, или вступить въ одно изъ тѣхъ пререканій, безъ которыхъ не обходился ни одинъ другой урокъ. Тогда какъ полученіе скверной отмѣтки и самый фактъ незнанія урока по другимъ предметамъ не вызывалъ ни малѣйшаго стыда и чувства неловкости у гимназистовъ, всѣ они одинаково стыдились получать неудовлетворительныя отмѣтки по исторіи и огорчать своего любимца.

И все-таки, даже у такого образцоваго преподавателя, ученики не знали исторіи. Только два-три человека въ классѣ, обладавшіе большою памятью и запоминавшіе все прямо со словъ Геннинга, знали, дѣйствительно, этотъ предметъ великолѣпно. Остальные, при всемъ желаніи, ничего не могли подѣлать. Трудные, сухіе учебники, масса времени, уходившая на переводы греческихъ и латинскихъ писателей и на многія другія кропотливыя занятія, вся гимназическая система,—дѣлали совершенно невозможнымъ знаніе исторіи, въ особенности, такое, какое требовалъ Андрей Викторовичъ. И всѣ они получали двойки, страшно боялись быть вызванными и съ трепетомъ отвѣчали своему любимому и уважаемому учителю, который сердился, выходилъ изъ себя, получая самые нелѣпые и ребяческіе отвѣты и недоумѣвая, куда испаряется все то, что онъ съ такимъ стараніемъ вкладывалъ въ теченіе недѣли имъ въ головы. И онъ ставилъ имъ двойки, стыдилъ ихъ, но дѣлалъ все возможное, чтобы помочь имъ исправиться. Юноши чувствовали это и цѣнили, но все-таки исправиться не могли. Весьма вѣроятно, что Андрей Викторовичъ, при своемъ умѣ и талантѣ, отлично понималъ, въ чемъ кроется настоящая причина малоуспѣшности учениковъ, но въ

этомъ отношеніи онъ былъ такъ же безсиленъ, какъ они сами. И онъ продолжалъ свои интересные лекціи, внося струю свѣжаго воздуха и какой-то особый духъ благородства въ пошлую обстановку гимназіи.

Володѣ, поэтому, было очень непріятно вставать рано утромъ, сознавая, что сегодня какъ разъ Андрей Викторовичъ будетъ спрашивать за недѣлю, а онъ, какъ нарочно, ничего не приготовилъ. Дурное настроеніе усугублялось еще тѣмъ, что онъ, по обыкновенію, проспалъ и долженъ былъ, по всѣмъ признакамъ, опоздать на молитву.

Кое-какъ умывшись и проглотивъ наскоро чай, онъ захватилъ ранецъ съ книгами и отправился въ гимназію. Который разъ шелъ онъ уже по этой дорогѣ, гдѣ каждый домъ, каждый подъѣздъ, каждая вывѣска—все, рѣшительно все, было ему знакомо! Ему кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ ходить по этой самой дорогѣ въ первый классъ гимназіи, еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, прошло много, много лѣтъ. Онъ чувствуетъ, что за этотъ промежутокъ времени онъ сроднился со всей этой обстановкой, съ улицей, съ гимназіей, съ товарищами, съ преподавателями... даже съ приготовленіемъ уроковъ и греческими и латинскими переводами по подстрочникамъ—сроднился до такой степени, что ему было бы ужасно тяжело и непріятно разстаться со всѣмъ этимъ. Даже теперь, имѣя въ перспективѣ возможность получить скверный балъ улюбимаго учителя, онъ все-таки не можетъ отдѣлаться отъ этого пріятнаго чувства родственности и единенія, которое онъ испытываетъ по отношенію ко всему, связанному съ гимназіей. И ему кажется, что гимназическая обстановка будетъ окружать его еще очень долго... Моментъ окончанія гимназіи и связанная съ нимъ потеря гимназическихъ товарищей и всего теперешняго

образа жизни рисуется ему гдѣ-то далеко, далеко, и онъ нисколько не желаетъ его наступленія. Пусть бы дольше продолжалась та жизнь, которую онъ ведетъ теперь, лишь бы ему не имѣть скверныхъ отмѣтокъ, получить пять за поведеніе и перестать безобразно вести себя. Переходя улицу прямо противъ подъѣзда гимназій, Раевскій даетъ себѣ слово вести себя хорошо и чувствуетъ, какъ радостное настроеніе отъ принятаго рѣшенія растеть въ немъ, закрываетъ всѣ мелкія непріятности и огорченія, полученные имъ отъ его alma mater.

Онъ видитъ только свѣтлыя стороны и даже готовъ въ этотъ моментъ назвать Трегубова порядочнымъ человѣкомъ, хотя среди гимназистовъ его имя обыкновенно сопровождалось весьма нелестными эпитетами...

Большіе часы, висѣвшіе на первой площадкѣ парадной лѣстницы, медленно отбивали девять полнозвучныхъ ударовъ, когда Раевскій, снявъ въ сборной пальто, подымался, держа подъ мышкой ранецъ, въ седьмой классъ. Не видя никого на площадкѣ, онъ подумалъ, что Канъ, записывавшій всегда по утрамъ опоздавшихъ на молитву гимназистовъ, вѣроятно, не пришелъ, и, такимъ образомъ, сегодняшнее опозданіе пройдетъ безнаказанно. Но нѣтъ: болѣе худшее ожидало его за поворотомъ лѣстницы. Тамъ стоялъ самъ Трегубовъ съ раскрытой книжкой, взявъ на себя сегодня обязанность Квадрата.

„Вотъ, не везетъ“, — подумалъ Раевскій и сталъ придумывать, что бы такое сказать въ свое оправданіе.

— А, наконецъ-то вы соизволили пожаловать, — обратился къ нему иронически инспекторъ. Трегубовъ имѣлъ обыкновеніе всѣ свои замѣчанія и нотаціи приправлять самымъ ѣдкимъ сарказмомъ и не говорилъ съ учениками иначе, какъ въ насмѣшливомъ тонѣ.

— Что же это вы такъ рано? А? Вы еще отдохнули бы часокъ, другой,—продолжалъ онъ, записывая въ книжку фамилію Раевского.

— Я, право, совершенно... случайно,—пробормоталъ Раевскій, чувствуя, что онъ говоритъ глупость и лжетъ, и что инспекторъ это отлично понимаетъ.

— Ну, конечно, конечно,—перебилъ его Трегубовъ и затѣмъ, внезапно измѣнивъ тонъ, прибавилъ строго:—Ступайте въ классъ... Вы попрежнему неисправимы.

Раевскій вошелъ въ классъ. Тамъ было не очень шумно, такъ какъ первымъ урокомъ въ этотъ день долженъ былъ быть греческій языкъ, преподаватель котораго, шведъ Вильгельмъ Рудольфовичъ Беригъ, по своей придирчивости и строгости считался настоящей грозой. Одни, поэтому, не приготовившіе урока дома, были заняты переводомъ Иліады, въ волненіи наскоро заучивая переводъ по подстрочнику, не уясняя себѣ толкомъ ни смысла, ни конструкціи фразъ и пропуская на авось массу незнакомыхъ словъ и формъ, въ смутной надеждѣ отвѣтить хоть что-нибудь, если вызовутъ. Другіе, болѣе прилежные, къ числу которыхъ принадлежали друзья Раевского, разбирались окончательно въ приготовленномъ дома переводѣ, отдѣлывая его на чистоту и уясняя себѣ всѣ темныя мѣста съ помощью симпатичнаго краснощекаго мальчика, Комарова, самаго прилежнаго во всемъ классѣ, который громогласно переводилъ собравшимся кругомъ него тѣсной толпой двѣнадцати или пятнадцати товарищамъ отрывокъ изъ Иліады, обстоятельно объясняя построеніе фразъ, глагольныя формы, значенія частицъ и даже показывая нѣкоторымъ, какъ надо прочесть тотъ или другой стихъ. Придя утромъ въ седьмой классъ, можно было бы подумать, что это воспитатель или репетиторъ prepares уроки со своими учениками, такъ слѣпо

было довѣріе всѣхъ, кто слушалъ его, и такъ подробны и обстоятельны были указанія этого юноши, который всего этого добивался собственнымъ упорнымъ трудомъ и, чуть ли не одинъ во всей гимназіи, не пользовался подстрочниками.)

Но къ чему это было? Никто изъ учителей не замѣчалъ его рвенія, и, не отличаясь особенными способностями, онъ не выдѣлялся по отмѣткамъ изъ толпы среднихъ учениковъ. Его усидчивымъ, самоотверженнымъ трудомъ пользовались только товарищи, сокращавшіе, благодаря его содѣйствію, свою собственную работу на половину.

Раевскій нисколько не удивился, заставъ эту знакомую картину. Наскоро кивнувъ всѣмъ головой—здороваться было некогда,—онъ поспѣшно сталъ вынимать греческіе учебники, страшно боясь, что не успѣетъ воспользоваться указаніями Комарова.

— Гдѣ переводятъ? — спросилъ онъ у Бѣльскаго, погруженнаго въ переводъ, торопливо перелистывая книгу.

— Уже 225-й стихъ, — отвѣчалъ Бѣльскій. — А ты опять опоздалъ... Записали?—спросилъ онъ.

Раевскій усмѣхнулся и махнулъ вмѣсто отвѣта рукой.

— Господа, какой *dativus* здѣсь *θεῶν*? — освѣдомился Бруевичъ, прыщеватый юноша съ рѣзко выраженнымъ семитскимъ типомъ лица.

— Я навѣрное не знаю,—отвѣтилъ Комаровъ,—но думаю, что *dativus commodi*... Это надо знать... Онъ спрашиваетъ...

— Говорите просто, господа, что это *dativus ethicus*.

Взрывъ смѣха послѣдовалъ за этимъ замѣчаніемъ. Дѣло въ томъ, что про Берига рассказывали, будто

про всякій *dativus* ему слѣдовало отвѣчать, что это — *dativus ethicus*. Можно было съ увѣренностью ожидать, что угадаешь вѣрно. Однажды, въ седьмомъ классѣ, Беригъ предложилъ этотъ вопросъ первому ученику, Флиту, и, когда тотъ, памятуя данное правило, отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что это *dativus ethicus*, онъ поморщился и сказалъ съ сильнымъ шведскимъ акцентомъ, пересыпая слова ничего незначащей, нелѣпой частицей „то“.

— Да... то... Видите ли, Плутархъ склоненъ разсматривать этотъ *dativus*, какъ *dativus ethicus*... то... дѣйствительно... Но, вотъ... то... Гезіодъ держится иного мнѣнія...

— Я въ данномъ случаѣ, Вильгельмъ Рудольфовичъ, усвоилъ себѣ взглядъ Плутарха... — отвѣчалъ Флитъ, не моргнувъ, но едва удерживаясь отъ смѣха и дѣлая знаки товарищамъ, готовымъ разразиться хохотомъ, чтобы они молчали.

Беригъ такъ былъ ошеломленъ этимъ заявленіемъ, что замолчалъ и продолжалъ далѣе переводъ.

Съ тѣхъ поръ этотъ *dativus ethicus* сталъ извѣстенъ всей гимназіи, и гимназисты не могли вспоминать о немъ безъ смѣха.

Переводъ Иліады, лихорадочный и поспѣшный, изрѣдка прерываемый шутками и смѣхомъ, продолжался еще всего нѣсколько минутъ. Затѣмъ послышался возгласъ дежурнаго:

— Беригъ идетъ!

Все смолкло. Иліады и Софоклы вынуты на столъ, подстрочники запрятаны подъ столъ, но такимъ образомъ, чтобы, избѣжавъ всевидящаго педагогическаго ока, всетаки можно было свободно пользоваться ими во время урока, и Вильгельмъ Рудольфовичъ появился на порогъ съ журналомъ подъ мышкой, смотря себѣ

подъ ноги и небрежно кивнувъ на привѣтствіе вставшихъ со своихъ мѣстъ учениковъ.

Это былъ плотный сѣдой мужчина съ ногами слона и наружностью носорога, на котораго онъ походилъ, однако, не своимъ лицомъ, не отличавшимся никакимъ особеннымъ безобразіемъ, а только развѣ свѣтившимся слишкомъ ужъ явнымъ отсутствіемъ добродушія; а всей своей фігурою, всей своей осанкой, грубостью, манерой держаться и разговаривать съ учениками. Впечатлѣніе носорога еще болѣе увеличивалось при знакомствѣ съ его нравственными качествами, которыя не то, чтобы были ужъ очень плохи, но походили, именно, на качества носорога, а также сѣдой щетиной, торчавшей у него на головѣ и по мѣрѣ роста волосъ принимавшей видъ какихъ-то грязныхъ перьевъ. Этотъ человѣкъ, единственный изъ учителей, котораго не уважали и почти ненавидѣли, но боялись вслѣдствіе вышепомянутой грубости, ошибочно принимаемой за требовательность и строгость, совмѣщалъ въ своей особѣ не только заслуженнаго учителя греческаго языка въ одной изъ лучшихъ гимназій Петербурга, но еще и начальника одного изъ привилегированныхъ заведеній, что придавало ему въ глазахъ гимназическаго начальства большой вѣсъ и позволяло пользоваться завидной независимостью не въ примѣръ всѣмъ прочимъ учителямъ, находившимся въ полномъ подчиненіи у директора и инспектора.

Вильгельма Рудольфовича нельзя было назвать злымъ человѣкомъ, и можно съ увѣренностью сказать, что онъ никогда не дѣлалъ никому зла съ удовольствіемъ, изъ любви къ искусству. Но онъ былъ грубъ по своей природѣ и, привыкнувъ съ молодыхъ лѣтъ видѣть въ своихъ ученикахъ враговъ, стремящихся его обмануть, онъ направилъ всѣ свои педагогическія

способности на то, чтобы такъ или иначе побѣдить своихъ враговъ, и достигалъ это грубостью и излишней строгостью. Разумѣется, какъ педагогъ, онъ никуда не годился, потому что не обладалъ самымъ драгоцѣннымъ и необходимѣйшимъ качествомъ всякаго педагога: любовью и довѣріемъ къ своимъ ученикамъ, и потому, что орудіемъ воспитанія избралъ свою природную грубость, удесятиренную еще тридцатилѣтней дѣятельностью въ качествѣ учителя греческаго языка.

Кромѣ того, онъ былъ недалекъ, но считалъ себя очень умнымъ. Онъ зналъ очень хорошо греческую этимологію и синтаксисъ и безъ колебанія могъ указать разницу между Іонійскимъ и Дорійскимъ нарѣчіями, но совершенно не зналъ античнаго міра и не понималъ его красотъ, хотя воображалъ себя настоящимъ древнимъ грекомъ. Онъ не выносилъ той мысли, что его ученики могутъ пользоваться подстрочниками, и быть заподозрѣннымъ имъ въ пользованіи этимъ преступнымъ орудіемъ значило навсегда упасть въ его глазахъ до степени профессиональнаго негодяя. Самою ужасною бѣдою для ученика было попасться съ подстрочникомъ Беригу. Онъ долженъ былъ ожидать послѣ этого для себя самыхъ ужасныхъ бѣдствій, вплоть до двойки въ четверти включительно. Но зачѣмъ же скрывать, что для гимназистовъ не было большаго наслажденія, какъ надуть Носорога. Не было ни одного воспитанника, исключая развѣ Комарова, который не почелъ бы для себя за высшее наслажденіе списать подъ носомъ у него *extemporale* съ подстрочника, держа его подъ столомъ, или смотря сквозь щель, образованную откидной доской пюпитра. Правда, рискъ былъ ужасенъ, но наслажденіе стоило того, чтобы ради него рисковать даже четвертями. И всѣ рисковали, вырабатывая въ себѣ способность мошенничать самымъ тон-

кимъ, шуллерскимъ способомъ, и затѣмъ наперерывъ хвастались другъ передъ другомъ своими удачами. Беригъ же, становившійся во время классныхъ работъ посрединѣ класса и слѣдившій за всѣми, какъ коршунъ, ничего не замѣчалъ и былъ въ полной увѣренности, что лишаетъ возможности списывать своею бдительностью.

Усѣвшись на каедрѣ, онъ привычнымъ жестомъ раскрылъ журналъ и, выслушавъ докладъ дежурнаго объ отсутствующихъ ученикахъ, отмѣтилъ ихъ и принялся за урокъ. О, эти мучительныя минуты неизвѣстности, предшествующія вызову къ каедрѣ злополучнаго ученика, когда всѣ, затаивъ дыханіе, умоляютъ судьбу сжалиться надъ ними и внушить Беригу пропустить ихъ фамилію,—какъ онѣ памятны всѣмъ гимназистамъ!..

Раевскій, сидя рядомъ съ Немировымъ и Бѣльскимъ,—скамейки были тѣсно сдвинуты,—переживалъ въ это время ужасныя мгновенія. Хотя передъ этимъ Беригъ и вызывалъ его три раза подрядъ, но быть увѣреннымъ, что онъ его оставитъ въ покоѣ сегодня, все же было нельзя. У Носорога была совсѣмъ особая тактика: вызывать неожиданно, съ цѣлью поймать ученика врасплохъ съ неприготовленнымъ урокомъ. Всѣ другіе учителя вызывали болѣе или менѣе періодически, такъ что можно было навѣрняка не готовить уроковъ нѣсколько дней послѣ вызова; но Беригъ, помѣшанный на томъ, что его обманываютъ, умышленно не наблюдалъ никакой правильности. Иной разъ онъ не вызывалъ въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, а бывали случаи, что приходилось отвѣчать подрядъ разъ шесть-восемь. А Раевскій, какъ нарочно, чувствовалъ, что ничего не помнить изъ перевода. Къ тому же Фельдманъ, сидѣвшій предъ нимъ на первой ска-

мейкѣ и закрывавшій его обыкновенно отъ слишкомъ любопытныхъ взоровъ Носорога, не пришелъ сегодня, и взоры учителя греческаго языка могли смѣло покоиться на немъ.

— Неужели опять вызоветь?—обратился онъ шопотомъ къ Бѣльскому, стараясь дѣлать видъ, что поглощенъ переводомъ Иліады. — Я не пойду отвѣчать... чортъ съ нимъ... Мнѣ надоѣло.

— Тише, тише,—отвѣчалъ ему такъ же Бѣльскій.— Я самъ ничего не знаю, а меня уже давно не вызывалъ...

— Фу-ты, чортъ, на меня смотреть,—испуганно сказалъ Раевскій и, толкнувъ тихонько сидѣвшаго на передней скамейкѣ красиваго высокаго гимназиста, Тимина, извѣстнаго поэта и мечтателя, сказалъ ему шопотомъ:

— Подвиньтесь, Тиминъ, пожалуйста, на мѣсто Фельдмана, чтобъ загородить меня отъ этого носорога.

Но Тиминъ не успѣлъ исполнить его просьбы, потому что Беригъ вызвалъ его отвѣчать.

—Ну, что сегодня готовили?—спросилъ онъ, насмѣшливо смотря на красиваго и державшагося, какъ всегда, съ достоинствомъ Тимина.

— Намъ задано 50 стиховъ изъ Иліады,—спокойно отвѣтилъ онъ.

— И вы увѣрены, что знаете, то... вашъ урокъ?—продолжалъ онъ, стараясь проявить свою обыкновенную грубость.

— Я готовилъ урокъ...

— Но не приготовили, то... готовилъ, но не приготовилъ...—и носорогъ громко засмѣялся собственному остроумію, хотя ни смѣшнаго, ни остроумнаго ничего не было. Однако классъ, привыкшій при всякомъ удобномъ случаѣ шумѣть, загудѣлъ. Тиминъ съ жалостью посмотрѣлъ на учителя и ничего не отвѣтилъ.

— Скажите прямо, если... то... не приготовили.

— Я же вамъ говорю, что я приготовилъ урокъ,— уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ возразилъ Тиминъ, предчувствовавшій, что весь предыдущій разговоръ не предвѣщаетъ ему ничего хорошаго и кончится для него двойкой. Мѣсяць тому назадъ Беригъ уличилъ Тимина въ пользованіи подстрочникомъ и съ тѣхъ поръ ни разу не вызывалъ его.

— Шлова... лаконически приказалъ онъ.

Это означало приказъ дать тетрадку съ неизвѣстными словами.

Тиминъ подаль слова.

Беригъ перелистнулъ ихъ и, бросивъ ихъ Тимину, сказалъ:

— Списано съ подстрочника... Переводите...

Тиминъ началъ читать и переводить. Послышался чудный Гомеровскій стихъ, дивные поэтическіе образы вставали нестройной толпой... но увы, ни учитель, ни одинъ изъ гимназистовъ не могли оцѣнить этого и проникнуться этими красотами. Одни, проклиная греческую грамматику и труднѣйшія формы, надъ которыми ихъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ заставляли ломать голову, дрожали, чтобы ихъ не вызвали и думали о чемъ угодно, только не о красотѣ того, что переводили, другой—тупой и бездарный педагогъ, явившійся въ классъ не для того, чтобы учить, а для того, чтобы ловить и сбивать на трудностяхъ греческихъ формъ, самъ не способенъ былъ понять истинной прелести античнаго міра и Гомера. Тиминъ читалъ хорошо и плавно, отчетливо скандируя эллинскую рѣчь. Быть можетъ, онъ, какъ поэтъ въ душѣ, одинъ изъ всѣхъ присутствующихъ наслаждался красотой греческой рѣчи.

Раевскій, увѣрившись, что его не спросятъ, пере-

сталъ слушать и слѣдить за переводомъ, и незамѣтно въ немъ проснулась вновь мальчишеская страсть къ каверзамъ. Онъ началъ смѣяться и перешептываться съ Бѣльскимъ, который сначала, было, унималъ его, но потомъ и самъ вошелъ во вкусъ.

— Какая скука,—вздыхнулъ Бѣльскій.—Еще сорокъ минутъ сидѣть, а потомъ еще русскій, французскій, латинскій и исторія. Просто ужасно! Когда кончится эта дрянь?..

На послѣдней скамейкѣ, Флитъ, первый ученикъ, вытащилъ хрестоматію Галахова и, пряча ее за спиной другого гимназиста, прочитывалъ заданный урокъ. Михайловъ и Крамскій вынули исторію Виноградова и углубились въ изученіе войны за испанское наслѣдство. Остальные скучали, или разговаривали шопотомъ, прячась за спинами товарищей.

— Носорогъ усталъ на Синявина, — сказалъ Гаевскій Бѣльскому. Синявинъ передавалъ подстрочникъ подъ столомъ Ляпунову, и Беригъ замѣтилъ его неестественную позу. Онъ сорвался съ мѣста и, подойдя къ Синявину, закричалъ:

— Что у васъ такое? дайте сюда!

Въ классѣ поднялся шумъ, обычный въ такихъ случаяхъ. Бѣльскій и Раевскій, первые школяры, безобразничали за спиной у Берига, стучали пюпитрами, какъ бы нечаянно, дѣлали гримасы и смѣшили классъ. Тиминъ воспользовался минутой и потянулся смотрѣть въ открытомъ журналѣ отмѣтки. Синявинъ прижалъ колѣномъ подстрочникъ и, показывая руки, спокойно увѣрялъ, что у него ничего нѣтъ.

— Зачѣмъ же, то, вы нагибались подъ столъ?

— У меня упало перо...

— Ну, то, вы безчестный человѣкъ!

Урокъ продолжался. Синявинъ сѣлъ на свое мѣсто,

передалъ подстрочникъ Ляпунову, и скука воцарилась снова.

Между тѣмъ, Раевскому не сидѣлось. Ему непреодолимо хотѣлось чѣмъ-нибудь развлечься.

Бѣльскій вытащилъ осторожно подстрочникъ и началъ готовить переводъ дальше, такъ какъ боялся, что его спросятъ.

— Брось,—сказалъ ему Раевскій. —Скучно. Не стоитъ заниматься. Давай лучше поговоримъ.

Но Бѣльскій не соглашался.

— Ну, нѣтъ ужъ, голубчикъ. Опять начнемъ смѣяться, и насъ замѣтятъ, въ концѣ концовъ.

Стало еще скучнѣе. У каеэдры Тиминъ разбиралъ формы неправильныхъ глаголовъ, причемъ Беригъ все время придирался къ нему самымъ грубымъ образомъ. Подумавъ немного, Раевскій рѣшилъ махнуть рукой на этотъ урокъ и, вынувъ исторію, углубился въ ея чтеніе.

Онъ опомнился только въ ту минуту, когда Беригъ, отчаявшись, наконецъ, въ своей попыткѣ срѣзать Тимина, отпускалъ его на мѣсто и, ставя въ журналъ жирную тройку съ минусомъ, сказалъ:

— Ну, вы отвѣчали весьма слабо...

— Нѣтъ, я все-таки все зналъ и на всѣ вопросы отвѣтилъ,—возразилъ Тиминъ больше по привычкѣ возражать всегда въ такомъ духѣ, чѣмъ потому, что, дѣйствительно, былъ обиженъ поставленной отмѣткой.

Беригъ ничего не отвѣтилъ, и, обведя своими воловьими глазами классъ, произнесъ, подумавъ нѣсколько мгновений:

— Переводите дальше...

Сердце у Раевского замерло... Неужели онъ?!

— Раевскій,—докончилъ Носорогъ.

Раевскій вздрогнулъ и даже выругался отъ досады:

— Фу ты, чортъ его возьми... я даже не знаю, гдѣ остановились. Потомъ онъ торопливо, тыча пальцемъ въ книгу прошепталъ Бѣльскому:

— Гдѣ остановились, гдѣ остановились?..

— Я самъ не знаю... Вотъ, не повезло тебѣ, въ самомъ дѣлѣ...

Тогда Раевскій всталъ съ мѣста и, придавъ своему лицу кислое выраженіе, произнесъ:

— Я не могу сегодня отвѣчать, у меня животъ болитъ.

— Животъ болитъ?.. Надо было заявить мнѣ объ этомъ до урока...

— У меня недавно заболѣлъ, — продолжалъ врать Раевскій, чувствуя, что становится на опасный путь.

Въ классѣ уже начали хихикать и шумѣть, предчувствуя маленькое развлеченіе. Беригъ покраснѣлъ и насторожился, отлично зная, что Раевскій вретъ и принялъ твердое рѣшеніе во что бы то ни стало заставить его отвѣчать. Воцарилось молчаніе на нѣсколько секундъ, въ продолженіе которыхъ Раевскій опустил на скамью, изображая на своемъ лицѣ жесточайшія страданія. Бѣльскій, Немировъ и другіе товарищи давились отъ смѣха, отлично зная, что онъ „ломаетъ комедію“.

— Ну, что же вы? Идите отвѣчать, — повторилъ Беригъ.

— Я не могу отвѣчать! Я уже сказалъ,—возразилъ Раевскій, на этотъ разъ не вставая, съ ноткой раздражительности въ голосѣ.

— Пожалуйста сюда, къ каедрѣ...

„Ахъ, какъ это непріятно,—подумалъ Раевскій.—И зачѣмъ это я сказалъ, что животъ болитъ!.. Сказалъ бы, что зубы или голова“.

Но дѣлать было нечего; надо было врать и играть

комедию до конца, и Раевскій, согнувшись въ три погибели, при громкомъ смѣхѣ класса, подошелъ къ Носорогу.

— Вы приготовили урокъ?

— Приготовилъ,—отвѣчалъ, не смущаясь, Раевскій.

— Ну, такъ вы можете отвѣчать?

— Нѣтъ, не могу... Мнѣ трудно стоять...

— Ахъ, вамъ трудно стоять! Ну, такъ вы можете отвѣчать сидя. Берите книгу и садитесь рядомъ съ Тиминымъ...

Надо было повиноваться. Однако, Бѣльскій успѣлъ ему шепнуть, что остановились на 220 стихѣ, и что осталось три минуты.

Если онъ протянетъ кое-какъ комедию еще три минуты, онъ будетъ спасенъ.

Раевскій нарочно очень медленно шелъ, такъ же медленно сѣлъ, все время сохраняя на лицѣ выраженіе жестокаго страданія. Потомъ онъ нарочно уронилъ книгу и долго не могъ найти 220 стихъ для того, чтобы оттянуть время.

— Отвѣчайте,—сказалъ Носорогъ.

Раевскій сталъ скандировать, но скандировалъ плохо и съ ошибками. Эти проклятыя три минуты тянулись цѣлую вѣчность. Давно пора бы было звонить, а звонка все нѣтъ. Но, вотъ онъ дочиталъ, и надо переводить... Но, онъ не знаетъ ни одного слова...

— У меня животъ болитъ, — мрачно сказалъ онъ, вмѣсто того чтобы переводить.—Мнѣ трудно говорить.

Въ классѣ раздался громкій несдержанный хохотъ, и въ ту же минуту по корридору пронесся серебристый, столь милый сердцу всѣхъ гимназистовъ, звукъ колокольчика, возвѣщавшаго окончаніе урока. Сколькихъ учениковъ спасъ отъ неминуемой гибели этотъ колокольчикъ! У Раевского отлегло отъ сердца, но только

на одну минуту, потому что Беригъ вслѣдъ за тѣмъ сказалъ:

— За то, что у васъ болѣлъ животъ, я не буду къ вамъ очень строгъ и, вмѣсто ноля, который вы заслужили, поставлю вамъ единицу...

И онъ вывелъ въ журналѣ противъ фамиліи Раевского единицу, старательно приложивъ къ ней кляксъ-папиръ, и, захлопнувъ журналъ, вышелъ изъ класса.

— Чортъ знаетъ, что такое! — упавшимъ голосомъ сказалъ Раевскій.—Онъ не имѣетъ права... Я пойду ругаться.

— Иди, иди, конечно, — совѣтовали ему товарищи, готовые, вообще, одобрить всякій разговоръ съ начальствомъ, обозначаемый всегда, независимо отъ своей формы и содержанія, одинаковымъ терминомъ „ругаться“. Разговаривать съ кѣмъ нибудь изъ начальства — значило „ругаться“.

— Конечно, иди ругайся, — уговаривали Раевского его друзья Бѣльскій и Немировъ.— Какое онъ имѣлъ право ставить тебѣ единицу, разъ ты былъ боленъ! Положимъ, что ты вралъ, но, вѣдь, онъ этого не знаетъ.

Раевскій съ тоской въ сердцѣ, лишившійся внезапно своего хорошаго настроенія, бросился догонять Берига.

— Вильгельмъ Рудольфовичъ,—началъ онъ умильнымъ голосомъ, подсказывая къ нему сзади и стараясь идти рядомъ съ нимъ,—я, правда же, нездоровъ. За что вы мнѣ поставили единицу? Вычеркните ее, пожалуйста...

— Я никогда ничего не вычеркиваю,—холодно отвѣтилъ Беригъ, скрываясь въ дверяхъ учительской.

— Ну, что? что онъ сказалъ?—бросились къ Раевскому Немировъ и Бѣльскій, когда онъ, печальный, вернулся въ классъ.—Ругался?

— Ругался, только ничего изъ этого не вышло. Онъ и разговаривать не хочетъ.

— Да ужъ, положимъ, онъ такая скотина, что ни за что не вычеркнетъ. Зачѣмъ ты поднялъ всю эту исторію съ животомъ?!. Началь бы переводить, что ни-будь бы и перевелъ, да и звонокъ бы спасъ.

— Этакая досада. Ну, вотъ видишь, Бѣльскій, какъ тутъ учиться и вести себя хорошо при такихъ усло-віяхъ, когда на каждомъ шагу всевозможныя несчастія. Въ кои вѣки не пригодишь урока, и какъ разъ вызы-вается. Не везетъ, чортъ знаетъ какъ. Теперь нечего и надѣяться получить четыре.

— Нѣтъ, четыре ты получишь, то-есть можешь по-лучить, — сказалъ Немировъ, — но только онъ будетъ тебя теперь каждый день вызывать.

— Тутъ еще по исторіи навѣрное пару получу.

— Нѣтъ ужъ это я, навѣрное, отличусь. Онъ меня давно не вызывалъ.

Въ это время раздался звонокъ, призывавшій въ классъ къ началу урока.

IV.

Въ седьмомъ классѣ долженъ былъ быть русскій языкъ. Этого урока никто изъ учениковъ седьмого класса не боялся. Во время него можно было ничего не слушать, заниматься своимъ дѣломъ, или совсѣмъ ничѣмъ не заниматься, громко переговариваться; на-ходились даже смѣльчаки, которые безъ спросу ухо-дили изъ класса передъ носомъ у молодого конфузив-шагося учителя. Разумѣется, Бѣльскій и Раевскій при-надлежали къ числу этихъ смѣльчаковъ и вели себя хуже всѣхъ.

Причина столь непринужденнаго поведенія заклю-

чалась въ личныхъ качествахъ учителя русскаго языка, Ивана Ивановича Орлова. Это былъ молодой застѣнчивый человѣкъ, недавно кончившій университетъ, служившій передъ тѣмъ преподавателемъ гимнастики въ другой гимназіи, въ ожиданіи, пока откроется вакансія по одному изъ его предметовъ. У него была внѣшность офицера, такъ какъ онъ былъ прапорщикомъ запаса и иногда даже появлялся въ гимназію въ военной формѣ, что служило неисчерпаемымъ источникомъ веселья для гимназистовъ младшихъ классовъ,—но только внѣшность. О дисциплинѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и, будучи человѣкомъ въ высшей степени мягкимъ, неспособнымъ ни на какія репрессивныя мѣры въ которомъ живы были еще педагогическія традиціи университета, распустилъ классъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ своего преподаванія до послѣдней крайности. Не будучи способнымъ и опытнымъ педагогомъ, онъ совершенно не могъ заинтересовать учениковъ русской словесностію, не смотря на сильное желаніе, и его длиннѣйшія лекціи о Котошихиныхъ, Даніилахъ Заточникахъ и другихъ корифеяхъ русской литературы слушали только стѣны, да развѣ еще одинъ Комаровъ, слушавшій всѣхъ и все. Шумъ въ классѣ стоялъ невообразимый; на фонѣ этого шума голосъ Орлова, слабый и неувѣренный, пропадалъ, какъ крикъ ребенка въ воѣ и грохотъ бури. Вначалѣ онъ пробовалъ увѣщевать, но увѣщаній его никто не слушалъ. Тогда онъ сталъ спрашивать и ставилъ строго отмѣтки, но ученики организовали такую систему подсказыванія, что всѣ его усилія разбивались, какъ о каменную гору. Въ концѣ концовъ, онъ покорился судьбѣ. Ученики дѣлали, что имъ было угодно, кричали, шумѣли, занимались рѣшительно всѣмъ, кромѣ словесности, а онъ скромно прогуливался изъ угла въ уголъ и читалъ

свои безконечныя лекціи, совершенно незамѣтно для воспитанниковъ. Затѣмъ, онъ также незамѣтно уходилъ. Иногда, онъ хотѣлъ провѣрить знанія и говорилъ, входя въ классъ:

— Господа, я сейчасъ буду спрашивать.

Никто, разумѣется, не обращалъ на эти слова никакого вниманія, и шумъ продолжался. Тогда, обыкновенно, онъ обращался къ помощи дежурнаго и просилъ передать классу, что будетъ спрашивать. Когда дежурный громогласно объявлялъ объ этомъ, въ классѣ сейчасъ же поднималось оглушительное гудѣнье, въ которомъ слышенъ былъ протестъ и даже категорическое заявленіе, что сегодня они отвѣчать не будутъ.

— Жалко, господа, что вы не хотите,—говорилъ кротко Орловъ и, заложивъ руки за спину, начиналъ свою лекцію.

Но, разумѣется, гимназисты, при всей своей распушенности, понимали, что отмѣтки всетаки надо выставить въ четвертяхъ, а потому, хотя разъ, отвѣтить надо. Поэтому, передъ выставленіемъ четвертей, когда онъ обращался съ заявленіемъ, что будетъ спрашивать, нѣсколько человѣкъ просили, что-бы онъ ихъ вызвалъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ ихъ вызывалъ, и они, разложивъ на партѣ предъ собой раскрытые учебники, считывали все дословно съ книги. Изрѣдка, когда они становились уже слишкомъ нахальны, онъ замѣчалъ съ замѣшательствомъ:

— У васъ тамъ, кажется, книга... вы бы закрыли ее.

Но гимназистъ продолжалъ, не смущаясь, считывать и получалъ пять. Такъ они всѣ отвѣчали по три и по четыре раза въ годъ, чѣмъ и кончались ихъ отношенія къ русскому языку.

Результаты такой системы преподаванія были, конечно, самые печальныя. Трудно представить себѣ, до

какой степени ничтожны были знанія по русской словесности у учениковъ старшихъ классовъ. Большинство изъ нихъ не умѣло связать двухъ словъ и писало самымъ безграмотнымъ образомъ. Сочиненія, бывавшія, два раза въ годъ, покрывали учениковъ самымъ ужаснымъ позоромъ, такъ какъ не было такой глупости и несообразности, которую они не вклеили бы въ свои ребяческія произведенія; не было такой грубой ошибки, которую они не ухитрились бы сдѣлать. Для начальства не было тайной такое печальное положеніе русскаго языка, и среди учениковъ, смѣясь, говорили, что „Трегубовъ скоро выпретъ Орлова за неуспѣшность“, но преподавателей не было, не было способныхъ людей, и приходилось волей не волей довольствоваться малымъ. Хуже всего было то, что самъ Орловъ отлично сознавалъ свою жалкую роль. И, однако же, всѣ ученики его очень любили. Очень можетъ быть, что они любили, собственно не его, а ту свободу и распушенность, которую онъ допускалъ на своихъ урокахъ, но только эта любовь страннымъ образомъ мирилась съ самымъ беззастѣнчивымъ нахальствомъ и, порой, весьма рѣзкими выходками.

— Ну, надѣюсь, онъ сегодня не станетъ спрашивать,—говорилъ Синявинъ, приготовляя на столѣ книги, своему сосѣду, крайне тупому и безобразному мальчику, но доброму и сердечному Галкину.—А то, если вздумаетъ спрашивать, ты, дядя, подсказывай.

Синявинъ всѣхъ товарищей называлъ дядями.

Немировъ, Раевскій и Бѣльскій занимались „приготовленіемъ горы“. Такъ у семиклассниковъ называлось раскидываніе на столѣ всѣхъ книгъ по русской словесности, въ которыхъ могла встрѣтиться надобность при отвѣтѣ. Здѣсь были и два тома хрестоматіи Буслаева, и историческая хрестоматія Галахова, учебникъ

по теоріи словесности и исторіи, — однимъ словомъ, дѣйствительно, получалась цѣлая гора.

— Такъ ты помни же, — говорилъ Бѣльскій Раевскому, нагромождая раскрытыя книги, — какъ только онъ мнѣ предложитъ вопросъ, такъ ты сейчасъ же найди это мѣсто въ книгѣ и положи ее раскрытой сверху и кромѣ того подсказывай.

— Хорошо... хорошо...

Въ классъ вошелъ Орловъ, хотя, впрочемъ, перемены не произошло никакой. Никто не вставалъ. Шумъ, какъ будто, еще усилился, и всѣ примолкли только тогда, когда Орловъ съ застѣнчивымъ видомъ подошелъ къ партамъ и вызвалъ Ляпунова.

— Можете отвѣчать Карамзина? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я сегодня не буду отвѣчать...

— Жалко. Ну, а вы, Синявинъ?

Синявинъ сталъ совѣтоваться. Послышался шелестъ открываемыхъ и переворачиваемыхъ книгъ, затѣмъ шушуканье: „подсказывай, смотри“, и, наконецъ, Синявинъ поднялся и сказалъ:

— Хорошо, я могу отвѣчать.

— Ну, расскажите біографію Карамзина.

Снова послышался шелестъ и шушуканье, а потомъ Синявинъ, опустивъ глаза долу, рассказалъ біографію Карамзина. Читать было неудобно, а потому рассказывалъ Синявинъ плохо. Когда же Орловъ вздумалъ задавать отдѣльные вопросы по литературѣ, Синявинъ понесъ такую ахинею, что Орловъ поспѣшилъ поскорѣе окончить. Онъ тихо сказалъ:

— Ну довольно...

— Сколько вы мнѣ поставили?

— Сколько, сколько, сколько? — загалдѣлъ весь классъ, до тѣхъ поръ не высказывавшій ни малѣйшаго интереса къ бесѣдѣ учителя съ ученикомъ.

— Я ставлю вамъ три,—какъ-бы извиняясь, проговорилъ Орловъ.

Взрывъ негодованія былъ ему отвѣтомъ. Весь классъ загудѣлъ, требуя повышенія отмѣтки, хотя всѣ чувствовали, что и трехъ было слишкомъ много за такой отвѣтъ. Но они знали, что учитель испугается шума и повыситъ отмѣтку. Самъ Синявинъ кричалъ больше всѣхъ.

— Нельзя, нельзя,—кричалъ Бѣльскій,—онъ никогда не получалъ меньше пяти! Это было чистѣйшею ложью, такъ какъ Синявинъ почти никогда не получалъ пяти.

— Нельзя, нельзя, ставьте больше! Ему надо больше,—кричалъ Флитъ, первый ученикъ, пріятель Синявина.

— Ставьте, ставьте больше! У—у... кричалъ весь классъ.

Орловъ сдался.

— Ну, хорошо, четыре...

Новый взрывъ негодованія, еще болѣе оглушительный, былъ отвѣтомъ на это предложеніе. Флитъ закричалъ:

— Ему нельзя ставить меньше пяти. Онъ первый ученикъ.

— Вы, правда, первый ученикъ?—спросилъ Орловъ у Синявина.

— Да,—отвѣтилъ тотъ, улыбаясь, но не краснѣя.

— Ну, хорошо, пять...

Шумъ немного поутихъ. Слѣдующимъ вызвался отвѣчать Крамской, симпатичный голубоглазый юноша съ лицомъ дѣвушки, но поразительно дерзкій и вспыльчивый. Въ то время, когда Орловъ его спрашивалъ Сельское Кладбище Жуковского, которое тотъ читалъ по книгѣ, отворилась дверь, и на порогѣ появился Фельдманъ, одѣтый въ щегольскую куртку, въ узкія

брюки со штрипками, въ лакированныхъ ботинкахъ, съ портфелемъ подъ мышкой.

Всѣ сейчасъ же, обрадовавшись предлогу, страшно зашумѣли, привѣтствуя этого товарища-аристократа.

Онъ поздоровался съ учителемъ, такъ же просто сказавъ ему „здравствуйте“, какъ и всѣмъ товарищамъ и, садясь на свое мѣсто, рядомъ съ Тиминымъ, сказалъ небрежно, смотря на свои золотые часы:

— Ахъ, я, кажется, опоздалъ немножко. Впрочемъ, у васъ, здѣсь, кажется не веселятся...

Фельдманъ былъ ultra—пшютъ, но его пшютовство именно, вслѣдствіе своей каррикатурности, было подчасъ даже забавно.

— Что это вы такъ запоздали?—обратился къ нему вѣжливо Орловъ, отмѣчая его въ журналѣ.

Фельдманъ отвѣчалъ, растягивая слова и не вставая съ мѣста:

— Мнѣ слишкомъ рано въ десять часовъ... Я не могу такъ рано вставать... Я только что успѣлъ выпить свой кофе...

Классъ дико загоготалъ, а удивленный Орловъ только и могъ промолвить „А!“ и больше уже не спрашивалъ, а началъ читать свою лекцію. Безобразный шумъ снова поднялся въ классѣ. Бѣльскій и Раевскій встали и, ни слова не говоря, вышли изъ класса.

Они просидѣли весь остатокъ урока въ пустой камерѣ, болтая и смѣясь. Когда прозвонилъ звонокъ, они вышли въ корридоръ, и Раевскій хотѣлъ повернуть внизъ на лѣстницу, но Бѣльскій остановилъ его:

— Куда ты? вѣдь, это еще не большая перемѣна...

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, я и забылъ. Фу, какая скука! Ты знаешь, я обыкновенно очень люблю бывать въ гимназій, но сегодня какая-то тоска гнететъ меня все время. А тутъ еще Беригъ единицу поставилъ.

— Ну, ничего; сейчасъ французскій. Слава Богу, по крайней мѣрѣ, можно ничего не слушать и заниматься своимъ дѣломъ. Пойдемъ въ актовъ залъ, погуляемъ.

— Нѣтъ, лучше пойдемъ наверхъ на младшее отдѣленіе. Позлимъ Морду. Вотъ, почему-то терпѣть не могу этого субъекта.

— Оттого, что онъ тебя червоннымъ валетомъ назвалъ,—улыбаясь, сказалъ Бѣльскій.

— Можетъ быть и оттого,—отвѣтилъ, нахмурившись, Раевскій. Онъ не любилъ, когда даже его лучшіе друзья шутили такъ.

Они стояли, прислонившись къ желѣзной рѣшеткѣ лѣстницы, и смотрѣли внизъ въ швейцарскую на лысую голову швейцара и на еще болѣе лысую бюста Гомера, стоявшаго надъ входными дверями.

— А, Коля, ты куда пропалъ?..—сказалъ Бѣльскій, захвативъ за руку Немирова, куда-то спѣшившаго съ французской хрестоматіей въ рукахъ.

— Пусти, пусти меня; меня просилъ Галкинъ перевести ему про Жана Вальжана, а то его сегодня французъ обѣщалъ вызвать, а онъ не читалъ еще.

И Немировъ поспѣшно ушелъ.

Мимо нихъ проходили то и дѣло гимназисты младшихъ классовъ, пятого и шестого, тоже помѣщавшихся на старшемъ отдѣленіи, во второмъ этажѣ. Гимназисты разныхъ классовъ были мало знакомы между собою, а знакомство сохранилось только съ отставшими товарищами. Пожалуй, между классами существовала даже какая-то странная непріязнь.

Друзья, стоя на площадкѣ, занимались тѣмъ, что давали прозвища проходившимъ мимо незнакомымъ воспитанникамъ. По большей части это были удивительно мѣткія прозвища. Въ особенности одинъ маленький, черноглазый, юркій гимназистъ, прозванный

Раевскимъ мухой, чрезвычайно оправдывалъ это прозвище. Плоско сръзанная, какъ у мухи, голова, немного выпученные глаза, особенно подпрыгивающая походка— дѣлали его, въ самомъ дѣлѣ, весьма похожимъ на эту представительницу крылатаго царства. Въ толпѣ проходившихъ мимо нихъ гимназистовъ Раевскій и Бѣльскій то и дѣло узнавали разныхъ „рыбъ“, „палокъ“, „гусеницъ“, „мышей“, „голубей“ и другихъ окрещенныхъ ими раньше. Когда кто-нибудь изъ нихъ проходилъ мимо, Раевскій тихонько толкалъ Бѣльскаго и говорилъ:

— Рыба, рыба...

или:

— Голубь, голубь...

Къ нимъ подошелъ запыхавшійся Синявинъ.

— Что это, дядя, говорятъ Геннингъ будетъ спрашивать сегодня?

— Да, онъ самъ сказалъ.

Синявинъ схватился за голову.

— Чортъ возьми, что-же я буду дѣлать? Я ни разу не читалъ.

Но Раевскій недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

— Ладно, ладно рассказывай. Навѣрное, выучилъ наизусть.

Удивительное дѣло, но когда бы ни спросили Синявина, знаетъ ли онъ урокъ, онъ всегда отвѣчалъ: „ни разу не читалъ“, а потомъ, если его вызывали, получалъ прекрасный баллъ. Да эта манера была и не только у Синявина: всѣ гимназисты въ большей или меньшей степени были одержимы этой страстью врать и преувеличивать свое незнаніе. Въ этомъ заключался особый пикантный шикъ. Синявинъ настолько, однако, былъ извѣстенъ враньемъ въ этой области, что его заявленія встрѣчались всегда недовѣрчивой улыбкой.

Перемѣна окончилась, и воспитанники разошлись по классамъ.

Въ учительской, помѣщавшейся между актовымъ заломъ съ его восемью дорическими колонами и восьмымъ классомъ, который инспекторъ специально перевелъ изъ другого конца коридора, чтобы имѣть этотъ буйный элементъ поближе, — шелъ оживленный разговоръ между Трегубовымъ и учителемъ французскаго языка М. Дешанжомъ. То есть вѣрнѣе, Трегубовъ, стоя около окна и по обыкновенію смотря куда-то мимо плеча своего собесѣдника, слушалъ то, что ему рассказывалъ Дешанжъ ломаннымъ русскимъ языкомъ.

— Я не могу больше съ ними заниматься, — въ десятый разъ говорилъ онъ, выражая своей фигурой дѣйствительную невозможность съ его стороны такого образа дѣйствій. — Я не могу съ ними сладить. Они Богъ знаетъ, что со мной дѣлаютъ. Вы себѣ представить не можете, что они позволяютъ себѣ. Недавно Раевскій въ седьмомъ классѣ уронилъ на меня доску и отдалъ мнѣ ноги. Когда я иду по корридору, они нарочно затѣваютъ возню, чтобы меня столкнуть или ударить, какъ будто нечаянно. Они не готовятъ уроковъ, шумятъ и кричатъ въ классѣ, какъ на базарѣ; они говорятъ со мной по русски самымъ грубымъ образомъ, думая, что я не понимаю; они ругаютъ меня неприличными словами и пишутъ мнѣ на доскахъ гадости...

Трегубовъ слушалъ совершенно безстрастно и нарочно не негодовалъ, чтобы досадить французу. Въ сущности говоря, онъ терпѣть не могъ этого невзрачнаго, похожаго на лакея изъ плохого дома, человѣка, съ черными, какъ смоль волосами, и съ лицомъ, поразительно напоминавшимъ трупъ. Гимназисты такъ и звали его „Трупъ“ или иногда „Трупъ Трупычъ“,

замѣняя этимъ его имя и отчество: Ипполить Ипполитовичъ. Это былъ человѣкъ съ мягкой душой, но безтактный и боязливый. Съ первыхъ же дней онъ объявилъ войну гимназистамъ тѣмъ, что совершенно несправедливо записалъ нѣсколькихъ человѣкъ въ журналъ. Гимназистовъ ничто такъ не ожесточаетъ, какъ несправедливость. Они рѣшили устроить ему „бенефисъ“, т. е. попросту извести его до послѣдней степени. Нечего и говорить, что это имъ удалось въ совершенствѣ. Однако, слѣдствіемъ „бенефиса“ явились новыя жертвы, записанныя въ журналъ, что еще больше озлобило классъ. Съ тѣхъ поръ вражда не прекращалась. Несчастнаго французa затравили, какъ зайца. Дѣйствительно, ничто изъ того, что онъ рассказывалъ инспектору, не было выдумкой, или преувеличеніемъ. Гимназисты, радуясь, что нашли подходящій объектъ для войны, были неумолимыми врагами. Кончилось тѣмъ, что чрезъ два года преподаванія добрый и мягкій Дешанжъ превратился въ дикаго звѣря.

Но это былъ дикій звѣрь жалкій и затравленный. Достаточно было взглянуть на него, когда онъ, сгорбившись, пробирался мимо учениковъ по коридору, держась все время одной рукой за стѣну и боязливо оглядываясь по сторонамъ, ожидая на каждомъ шагу какой-нибудь каверзы, чтобы сказать, что этотъ человѣкъ жертва ученическаго темперамента.

Этотъ несчастный человѣкъ былъ настоящимъ мученикомъ, но зато, теперь, поймавъ кого-нибудь на мѣстѣ преступленія, онъ былъ неумолимъ и требовалъ самыхъ репрессивныхъ мѣръ. Гимназисты, зная, что они рискуютъ, воодушевлялись еще больше и, уже очертя голову, бросались въ омутъ борьбы. Въ седьмомъ классѣ во главѣ всѣхъ, конечно, стояли Раевскій и Бѣльскій. Никто изъ учителей не сочувство-

валъ Дешанжу, считая его самого больше всѣхъ виноватымъ въ установившихся отношеніяхъ съ учениками, а Трегубовъ, обыкновенно принимавшій всегда сторону учителей, въ данномъ случаѣ былъ противъ Дешанжа и, несмотря на его многочисленныя жалобы, не наказывалъ виновныхъ. Онъ не взлюбилъ Дешанжа съ тѣхъ поръ, какъ тотъ, явившись въ первый разъ въ гимназію, подошелъ въ учительской къ инспектору и заговорилъ съ нимъ по французски. Трегубовъ не понималъ по французски, и безтактность молодого учителя поставила его въ неловкое положеніе.

Теперь, смотря черезъ его плечо и вертя въ рукахъ серебрянный карандашъ, онъ очень холодно сказалъ:

— Я не знаю... Отчего же они не позволяютъ себѣ этого съдругими? Вы, должно быть, слишкомъ уже распустили ихъ. Я вамъ сказалъ, записывайте ихъ въ журналъ за малѣйшій проступокъ. Всѣ будутъ наказаны. Будьте строги. Все-таки, вѣдь, они дѣти...

Дешанжъ ничего не отвѣтилъ и, взявъ журналъ подъ мышку, согнулся въ дугу и, придерживаясь рукой за спину, съ выраженіемъ неподдѣльнаго ужаса на своемъ зеленомъ лицѣ трупа, пошелъ въ седьмой классъ.

Въ это время въ классѣ его враги не дремали. Раевскій, совершенно забывъ уже о своемъ рѣшеніи начать вести себя хорошо, торопливо намазывалъ мѣломъ стулъ, стоявшій на каѳедрѣ. Затѣмъ онъ подошелъ къ доскѣ и огромными буквами вывелъ „Monsieur, rappelez Vous de Vilna!“ Эта Вильна была для Дешанжа какимъ-то memento mori. Онъ служилъ тамъ въ гимназій, и рассказывали, что ученики жестоко его избили, однажды застигнувъ его въ темномъ корридорѣ и накрывъ шинелями. Съ тѣхъ поръ какъ объ этомъ

узнали, каждый разъ, въ каждомъ классѣ несчастному французу писали эту ужасную фразу:

„Monsieur, rappelez Vous de Vilna“

Можно себѣ представить, какъ чувствовалъ себя Дешанжъ. Раевскій только что успѣлъ сѣсть на мѣсто, когда фигура Дешанжа появилась въ дверяхъ. Невообразимый шумъ стоялъ въ классѣ. Синявинъ, согласно предварительному условію, наклонившись подъ столъ, кричалъ изо всѣхъ силъ „кукареку“. Петровъ, развратный и нахальный юноша, сидѣвшій рядомъ съ Флитомъ, громко кричалъ нецензурныя слова. Флитъ лаялъ по собачьи, Бѣльскій и Раевскій мяукали, а всѣ остальные кудхтали, смѣялись и разговаривали.

Ошеломленный французъ остановился и строго посмотрѣлъ на классъ, стараясь различить виновниковъ, но лишь только онъ останавливался на комъ-нибудь взоръ, тотъ мгновенно умолкалъ и являлъ своимъ видомъ полнѣйшую невинность.

Колеблющейся походкой французъ подошелъ къ каедрѣ, и, раскрывъ журналъ, началъ отмѣчать. Шумъ не умолкалъ.

Посмотрѣвъ на доску, онъ гнѣвно сказалъ дежурному:
— Effacez!

Затѣмъ, схватившись за голову, онъ сидѣлъ неподвижно нѣсколько мгновений, ожидая, что классъ успокоится, но все было напрасно. Съ заднихъ скамеекъ Петровъ рычалъ:

— Трупъ Трупычъ, пошелъ къ чертовой матери!

Вдругъ, бѣшенный огонь сверкнулъ въ глазахъ француза и, подбѣжавъ вплотную къ партамъ, онъ закричалъ такъ, что стекла зазвенѣли, и всѣ вздрогнули:

— Taisez Vous! Impertinants que Vous êtes!

Шумъ мгновенно смолкъ. Гимназисты струхнули, не ожидая такой прыти отъ трупа.

— Молчите.—повторилъ Дешанжъ.—Я буду всѣхъ записывать въ журналъ. Monsieur Petroff, lisez, voyons... Les misérables.

Петровъ всталъ и, тыча книжкой французу, сказалъ: — Мусью, ты покажи, гдѣ это.

Потомъ онъ сталъ читать, спотыкаясь и говоря скверныя слова къ вѣщему удовольствію класса, который громко хохоталъ при каждомъ словѣ.

Раевскій сидѣлъ все время, какъ на иголкахъ, только и думая о томъ, какъ-бы выкинуть какую-нибудь штуку порискованнѣе. Странное желаніе риска проснулось въ немъ.

Напрасно Бѣльскій, вставившій тѣмъ временемъ въ столъ три стальныхъ пера и наигрывавшій на нихъ мелодію, уговаривалъ его быть благоразумнѣе и осторожнѣе.

— Сиди ты смирно! Вѣдь опять нарвешься. И такъ тройка за поведеніе.

Онъ улучилъ минуту, когда Дешанжъ обернулся къ нему спиной, и, надувъ мѣшокъ изъ тонкой бумаги, хлопнулъ его объ парту. Раздался оглушительный трескъ и страшный ревъ класса. Французъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Раевскій и, указавъ на него, яростно пролепеталъ:

— Ah! C'est Vous!

— Non, monsieur, ce n'est pas moi,— возразилъ Раевскій такимъ тономъ, какъ будто ничего не произошло.

— Je Vous dis, que c'est Vous! Je l'ai vu. C'est là-bas.

Онъ нагнулся подъ столъ посмотреть, и въ эту самую минуту Синявинъ, приподнявшись со своего мѣста, направилъ на него спрыцовку, наполненную водой, и тонкая струя воды потекла прямо за шиворотъ Дешанжу.

Онъ поднялся взбѣшенный; самъ Синявинъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко и сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

Французъ стоялъ съ налитыми кровью глазами, потомъ вдругъ быстрѣе молніи бросился къ Синявину и, схвативъ его за руку, отнялъ спрыцовку.

— Ah! bête! — закричалъ онъ не своимъ голосомъ, швырнувъ спрыцовку на полъ...—Sortez!—И онъ грозно вытянулъ палецъ по направленію къ двери... On vous exclura à présent...—прибавилъ онъ.

И еще болѣе зеленый отъ гнѣва, онъ принялся записывать Синявина въ журналъ. Классъ притихъ. Раевскій радовался, что отдѣлался такъ легко. Въ это время поднялся Петровъ:

— Трупъ Трупычъ, позвольте выйти.

-- Какъ вы меня называли?—спросилъ французъ.

— Ипполитъ Ипполитовичъ...

— Allez.

И онъ продолжалъ записывать Синявина.

Рѣдкій урокъ французскаго языка обходился безъ записи, но на этотъ разъ, однако, дерзость Синявина была необыкновенною, изъ ряду вонъ выходящею... И онъ самъ это хорошо понималъ, что было замѣтно по его смущенному виду и по тому, что онъ воздержался даже отъ всякихъ протестовъ, когда Дешанжъ выгналъ его изъ класса.

Что толкало этого неглупаго мальчика на такой дикій поступокъ? Очевидно, тотъ самый слѣпой инстинктъ овладѣвавшій постоянно Бѣльскимъ и Раевскимъ, который непреодолимо прорывается вслѣдствіе пятичасового принужденнаго бездѣлія и томительной тоски.

V.

Урокъ кончился болѣе или менѣе спокойно, безъ всякихъ инцидентовъ. Тотчасъ послѣ звонка Раевскій и Бѣльскій побѣжали внизъ, въ раздѣвальную, или, какъ она называлась у гимназистовъ, „сборную“. Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ своихъ симпатичныхъ качествъ это мѣсто непреодолимо притягивало гимназистовъ, которые всегда, въ большую перемѣну, направили улизнуть сюда. Несмотря на то, что начальство принимало самыя строгія мѣры, наказывало виновныхъ, воспитанники старшихъ классовъ все-таки стремились туда, движимые какой-то непонятной силой, и, ушлетая свои завтраки, мирно бесѣдовали на разныя темы. Впрочемъ, вѣроятно, они такъ любили это мѣсто потому, что тамъ можно было не находиться вѣчно на глазахъ у Трегубова или Квadrата.

Хотя строгія наказанія отвадили многихъ отъ привычки посѣщать это мѣсто, но нѣкоторые любители, въ количествѣ десяти—пятнадцати человѣкъ, продолжали собираться туда ежедневно. Въ концѣ концовъ, Трегубовъ помирился съ этимъ и оставилъ ихъ въ покоѣ, лишь изрѣдка устраивая облавы на непослушныхъ.

Самымъ лучшимъ временемъ въ гимназіи Раевскій считалъ, именно, эти полчаса, проведенные въ сборной, около окна, выходившаго на грязный дворъ, въ обществѣ Бѣльскаго, Немирова и еще двухъ или трехъ гимназистовъ другихъ классовъ. Это были ихъ бывшіе товарищи, имѣвшіе несчастье остаться еще въ пятомъ классѣ. Одинъ изъ нихъ, Балясинъ, гимназистъ шестого класса, сынъ извѣстнаго историка, рыжеватый, съ лицомъ до того густо покрытымъ веснушками, что оно издали напоминало какое-то грязное пятно, вѣчно

строившій изъ себя шута, но не лишенный ума, юноша. Другой—Барановъ, плотный коренастый брюнетъ, его товарищъ, не отличавшійся никакими особенными талантами, но сблизившійся съ Раевскимъ на почвѣ слишкомъ непринужденнаго поведенія. Дружба, ведущая начало еще съ самыхъ младшихъ классовъ, почему-то не прерывалась въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и каждый день, за весьма рѣдкими исключеніями, они собирались въятеромъ въ сборной и весело болтали. Часто къ нимъ присоединялись и другіе товарищи.

Темы ихъ разговоровъ были въ высшей степени разнообразны. У каждого, впрочемъ, изъ нихъ имѣлись свои излюбленные мотивы. Балясинъ больше всего любилъ говорить объ учителяхъ. Странно, но ничто такъ не интересовало его, ничто до такой степени не возбуждало его любопытства, и не только у него одного, но и многихъ другихъ, какъ учителя и все, касавшееся ихъ. Ихъ частная жизнь представлялась для него какой-то непроницаемой, но соблазнительной тайной, въ которую ему нестерпимо хотѣлось проникнуть. Если ему случалось встрѣтить учителя внѣ гимназіи, въ частномъ домѣ, поговорить съ нимъ, пожать ему руку, онъ былъ счастливѣйшимъ смертнымъ. И совершенно не вслѣдствіе низкопоклонства, а, просто, потому, что учителя такъ далеко держались отъ гимназистовъ и были окружены ореоломъ таинственности и недосягаемости, малѣйшее приближеніе къ этому ореолу, проникновеніе въ ихъ частную жизнь заставляло учениковъ радоваться и сгорать отъ любопытства. Балясинъ въ этомъ отношеніи былъ впереди всѣхъ. Онъ вѣчно рассказывалъ объ учителяхъ всякія сплетни, которыя охотно выслушивались его друзьями, и мелочи, касавшіяся ихъ взаимныхъ отношеній. Бѣльскій, при этомъ обладавшій недюжиннымъ подражательнымъ талантомъ, до такой

степени вѣрно копировалъ учителей, что всѣ слушатели буквально катались по полу отъ смѣха. Раевскій не могъ хладнокровно смотрѣть на него, когда онъ начиналъ изображать нѣмца или француза.

Если Балясинъ былъ специалистъ по разговорамъ объ учителяхъ, то Барановъ, напримѣръ, любилъ рассказывать, а еще больше слушать анекдоты весьма недвусмысленнаго свойства, столь распространенные среди гимназистовъ. Бѣльскій предпочиталъ длинные, безконечные разговоры о любви—тема, которая пользовалась въ ихъ маленькомъ кружкѣ наибольшею популярностью, такъ какъ каждый изъ нихъ, кромѣ Немирова, оставшагося, не смотря на свои огромные усы и мужественный видъ, съ еще нетронутымъ сердцемъ, уже былъ уязвленъ одной изъ особъ прекраснаго пола. Немирова занимали вопросы морали, а любимѣйшимъ предметомъ разговоровъ Раевского была литература и искусство. Вообще же говоря, разговоръ касался у нихъ рѣшительно всего, начиная съ самыхъ серіозныхъ вещей и кончая бессмысленнымъ хохотомъ по поводу какого-нибудь грязнаго анекдота, рассказываемаго Барановымъ, причемъ Немировъ всегда краснѣлъ, а Раевскій, хотя и смѣялся, но говорилъ:

— Этакая мерзость...

Но самое хорошее въ этихъ бесѣдахъ была ихъ полная задумчивость и, именно, та игривая легкость, которая позволяла соединиться самымъ разнороднымъ элементамъ и отъ серіозныхъ вопросовъ переходить къ совершеннѣйшимъ глупостямъ.

Друзья съ нетерпѣніемъ ожидали всегда большой перемѣны и теперь, сойдя втроемъ въ сборную, застали уже тамъ Баранова и Балясина. Балясинъ показывалъ Баранову какую-то бумажку, причемъ на лицѣ его было написано трепетное благовѣніе. Барановъ, улы-

баясь, смотрѣлъ на него, держась одной рукой за чье-то пальто, висѣвшее на вѣшалкѣ, а другой запихивая въ ротъ бутербродъ импонирующихъ размѣровъ.

Увидавъ Раевского, Балясинъ бросился къ нему съ бумажкой.

— Смотри, смотри! Только что Геннингъ оставилъ у насъ на урокъ письмо.

На лицахъ друзей отразилось выраженіе неподдѣльнаго любопытства. Геннингъ былъ наиболѣе популярный и любимый учитель.

— Какимъ образомъ ты досталъ?—спросилъ Раевскій, вертя письмо, но не рѣшаясь еще читать письмо.

— Понимаешь, онъ уходитъ, и я вижу, что у него изъ кармана вываливается письмо... Я его поднялъ. Это ему сестра пишетъ изъ Пскова... замѣчательно интересно.

Но Немировъ поморщился.

— По моему, господа, читать чужія письма—это немного не того... Тебѣ слѣдовало отдать ему письмо.

— Да, въ самомъ дѣлѣ,—поддержалъ его Раевскій,—это уже слишкомъ... Не надо читать, а ты, Балясинъ, возврати Геннингу письмо. Скажи, что нашелъ...

— Я не понимаю, господа, что вы находите здѣсь дурного,—смущенно забормоталъ Балясинъ, только теперь понявшій, что въ своей страсти знать все про учителей зашелъ слишкомъ далеко,—если вы хотите, я отдамъ...

— Отдай, конечно. Онъ поблагодаритъ тебя...

Затѣмъ Балясинъ разсказалъ, что во второмъ классѣ отецъ Благовѣстовъ, или, какъ его называли гимназисты, „батька“ или „іезуитъ“, подрался съ своимъ собственнымъ сыномъ и въ припадкѣ ярости поставилъ ему единицу и записалъ въ журналъ; въ пятомъ классѣ нѣмцу налили масла въ чернила, и онъ изма-

залъ весь журналъ жирными пятнами. У нихъ, въ шестомъ классѣ, Лабинскій на урокъ учителя латинскаго языка, Кайзерлинга, выбросилъ въ открытое окно чернильницу съ чернилами и такъ неудачно, что она попала какъ разъ въ проходившаго по другой сторонѣ діакона, который сейчасъ же пожаловался инспектору.

— Конечно,—прибавилъ онъ,—Лабинскій не создается, и мы его ни за что не выдадимъ. Господа, а вы слыхали, что къ намъ назначаютъ новаго учителя русскаго языка?

— Какъ, не можетъ быть!.. врешь!..

— Честное слово...

— Да, откуда ты знаешь?..

— Мнѣ говорилъ двоюродный братъ Морды, а ужъ онъ-то все знаетъ. Его выписалъ Трегубовъ откуда-то съ Кавказа. Черновъ—его фамилія, кажется.

— А какъ же Орловъ?

— Орлова къ чорту... за малоуспѣшность.

Физиономіи у всѣхъ вытянулись.

— Фу, чортъ,—сказалъ Бѣльскій.—Еще затѣветъ какія-нибудь здѣсь строгости. Терпѣть не могу этихъ homo novus'овъ.

— А, пожалуй, это будетъ лучше даже,—возразилъ Раевскій.—По крайней мѣрѣ, онъ заставитъ насъ заниматься. Мы хоть что-нибудь будемъ знать. А то, вѣдь, мы круглые невѣжды... Да,—обратился онъ вдругъ къ Балясину,—мы тебѣ и не рассказали. Только что Синявинъ облилъ француза изъ спрынцовки.

— Да что ты?..

— Серіозно. Французъ настрочилъ длиннѣйшую запись.

— Да,—вздохнулъ Бѣльскій,—и ведемъ же мы себя! Это прямо ужасъ что такое. Ну, можно ли подумать, что мы ученики седьмого класса?!

Разговоръ вертѣлся нѣсколько времени на этомъ, какъ вдругъ Раевскій хлопнулъ себя по головѣ:

— Вѣдь сейчасъ латинскій, а я Тита Ливія не переводилъ еще. Чего добраго опять колъ получу.

Но Бѣльскій удержалъ его за руку.

— Не стоитъ, не ходи. Все равно ничего нельзя разобрать. Ни подлежащихъ, ни сказуемыхъ; сплошная косвенная рѣчь... Я вчера цѣлый часъ сидѣлъ и ничего не понималъ. Синявинъ и Флитъ что-то такое говорили, чтобы отказаться отъ урока всѣмъ классомъ.

— Нѣтъ, я все таки пойду. Я боюсь... уже одинъ колъ есть.

И Раевскій побѣждалъ наверхъ.

На лѣстницѣ его догналъ Барановъ и проговорилъ:

— Послушай, Раевскій, ты знаешь, я вчера сидѣлъ два часа на проходномъ дворѣ и встрѣтилъ ее.

Лицо Раевского вспыхнуло и глаза заблестѣли... онъ остановился.

— Что ты?. Не можетъ быть... ты не шутишь?..

— Нѣтъ, совершенно серьезно.

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе. Расскажи мнѣ все подробно,—и онъ увлекъ его въ темный коридоръ, гдѣ приготовился жадно слушать.

— Мнѣ надо было съ ней поговорить... ты понимаешь. Послѣ того вечера у нихъ, я могъ надѣяться, и я хотѣлъ все знать. Я три дня уже караулилъ ее, поджидая на проходномъ дворѣ, когда она выйдетъ изъ подъѣзда гимназіи, но безуспѣшно. Вчера, наконецъ, я дождался, но она была съ подругами и съ гувернанткой. Мнѣ не удалось сказать ей того, что я хотѣлъ. Я поздоровался съ ней и прошелъ до угла рядомъ, поговоривъ о незначительныхъ вещахъ.

— Счастливецъ!—вырвалось у Раевского, слушавшаго все время съ затаеннымъ дыханіемъ...

— Ахъ, Раевскій, если бы ты зналъ, какъ я ее люблю. Какія я минуты переживалъ, идя вчера рядомъ съ нею... Ахъ, какое это счастье!.. Впрочемъ, ты меня понимаешь.

Затѣмъ, помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Она просила тебѣ кланяться и сожалѣла, что долго не видитъ тебя.

Раевскій вздрогнулъ.

— Правда? ты не врешь?

— Нѣтъ, нѣтъ... успокойся, вру... ничего не говорила,—засмѣялся его пріятель.

Лицо Раевского омрачилось. Онъ вдругъ съ горячностью взялъ руку Баранова и сказалъ ему:

— Послушай, я такъ ее люблю, такъ ужасно, что мнѣ кажется, лучше бы я ее никогда не встрѣчалъ. Не шути со мной. Скажи, говорила она обо мнѣ, или нѣтъ.

— Да, да, говорила.

— Что?

— Вотъ то, что я тебѣ сказалъ.

— Ну, вотъ, спасибо... Значить, я тоже могу надѣяться... Ахъ, другъ мой, мнѣ все таки кажется, что я люблю ее больше тебя...

Звонокъ, призывавшій въ классы, прервалъ ихъ бесѣду.

Друзья и соперники разошлись по классамъ. Между ними не существовало ни малѣйшей вражды, хотя они и любили со всѣмъ пыломъ своихъ шестнадцати лѣтъ хорошенькую пятнадцатилѣтнюю гимназистку, сестру одного изъ своихъ товарищей, симпатичнѣйшее и, дѣйствительно, съ рѣдкимъ сердцемъ существо.

Какъ непріятно было Раевскому возвратиться къ прозѣ жизни и, перелистывая лихорадочно подстрочникъ къ Титу Ливію, разбираться въ первыхъ стро-

кахъ главы, чтобы съ мѣста въ карьерѣ не получить дурной отмѣтки.

Въ классъ вошелъ преподаватель латинскаго языка, Кайзерлингъ. Въ былое время, когда теперешніе семиклассники были еще въ четвертомъ классѣ и переводили безсмертные комментаріи о Галльской войнѣ Цезаря, онъ отличался такой суровостью и столь безпощадной строгостью, что мальчики трепетали при одномъ его появленіи. За малѣйшее невниманіе онъ ставилъ единицы и выгонялъ виновныхъ изъ класса, а въ области знанія грамматики и спряженій неправильныхъ глаголовъ онъ былъ прямо таки неумолимъ. Въ началѣ, когда къ нему еще не привыкли, журналъ такъ и пестрѣлъ двойками и единицами. При этомъ Кайзерлингъ, или, какъ его прозвали гимназисты, Кикимора, такъ сильно стучалъ кулаками по кафедрѣ и такъ ужасно кричалъ, повышая въ минуты раздраженія голосъ до высочайшихъ регистровъ и превращая его въ какой-то демонскій визгъ, что можно было бы подумать, что въ эту минуту въ него вселяется самъ бѣсъ. Однако, такая строгость и запугиваніе было только его тактикой, извѣстнымъ педагогическимъ приемомъ. Въ глубинѣ души это былъ прекраснѣйшій, добрѣйшій, рѣдкой души человекъ, единственнымъ недостаткомъ котораго былъ рѣзкій голосъ, которымъ онъ, пожалуй, дѣйствительно, слишкомъ уже злоупотреблялъ и довольно непрезентабельная наружность, что и послужило, главнымъ образомъ, поводомъ дать ему вышеупомянутое прозвище. Онъ былъ черенъ, какъ угольщикъ, и весь покрытъ какими то фіолетовыми и красными пятнами, что въ связи съ его рѣзкимъ крикомъ, пожалуй, дѣйствительно, дѣлало его похожимъ на чудовище. Однако, это чудовище отличалось самыми прекрасными качествами души и

было даже привязано къ своимъ ученикамъ, несмотря на ихъ постоянныя злобныя выходки. Переходя изъ класса въ классъ, онъ съ каждымъ годомъ смягчалъ свою систему и дѣлался менѣе требовательнымъ. Теперь, въ седьмомъ классѣ, это былъ самый добрый и покладистый учитель, и гимназисты иногда съ недоумѣніемъ спрашивали себя, неужели это дѣйствительно тотъ самый Кайзерлингъ, та страшная Кикимора, что такъ бѣшенно набрасывалась на нихъ въ четвертомъ классѣ за малѣйшую ошибку, громко стуча кулаками. Отъ всего его страшнаго облика осталась только чисто поверхностная суровость, да еще привычка кричать на учениковъ. Но гимназисты мирились съ этимъ, отлично сознавая настоящія качества Кайзерлинга, цѣня ихъ всей душой. И что же, система этого педагога изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ все таки имѣла хоть какіе-нибудь плоды. Правда, онъ не сумѣлъ внушить ни любви, ни интереса къ своему предмету, такъ какъ никуда не годился, какъ лекторъ, но зато онъ довелъ знаніе грамматики до блестящаго состоянія, что все-таки очень облегчало гимназистамъ уясненіе, хотя бы и съ помощью подстрочника, чрезвычайно трудныхъ оборотовъ Ливія. Сравнительно, ихъ знанія латинскаго языка можно было назвать превосходными, но, конечно, только сравнительно.

Кромѣ того, какъ наслѣдіе былого страха передъ нимъ, у учениковъ осталось уваженіе, которое заставляло ихъ сидѣть на урокахъ болѣе или менѣе смирно и не раздражать особенно Кайзерлинга.

Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы этотъ педагогъ обладалъ способностями лектора и сумѣлъ бы внушить интересъ къ классическому міру, онъ приготовилъ бы изъ своихъ учениковъ идеальныхъ классиковъ, именно такихъ, какихъ должна давать настоящая классическая школа.

Къ сожалѣнію, однако, ораторскій талантъ въ немъ совершенно отсутствовалъ. Когда онъ начиналъ что нибудь объяснять или брался, напримѣръ, познакомить учениковъ съ гражданскимъ строемъ древняго міра, онъ былъ способенъ вытянуть всю душу. Всякій интересъ, если онъ даже существовалъ до тѣхъ поръ, мгновенно исчезалъ при первыхъ же его словахъ, которыя онъ произносилъ крайне медленно, монотонно, отчеканивая каждое слово и отдѣляя слова громадными паузами. При этомъ онъ нагромождалъ длиннѣйшіе періоды, въ которыхъ не подъ силу было бы разобраться лучшему стилисту, періоды, въ которыхъ онъ, въ концѣ концовъ, запутывался самъ, не будучи въ состояніи закончить фразы.

Это было его замѣчательное качество, надъ которымъ гимназисты много смѣялись. Онъ начиналъ какую-нибудь фразу главнаго предложенія, вслѣдъ за которымъ тотчасъ же слѣдовало придаточное, затѣмъ еще придаточное, и безконечная цѣпь придаточныхъ, главныхъ и другихъ предложеній нанизывалась въ продолженіе получаса.

Разумѣется, въ такомъ изложеніи, гдѣ одна фраза тянется полчаса, не могло быть ничего интереснаго и поучительнаго. Оно утомляло учениковъ, которые занимались въ это время постороннимъ дѣломъ. Но зато доставляло минуты чистѣйшей радости самому Кайзерлингу, наслаждавшемуся красивой закругленностью своихъ фразъ и въ глубинѣ души считавшему себя несравненнымъ лекторомъ и глубокимъ знатокомъ русскаго языка.

Онъ вошелъ въ этотъ день въ классъ съ улыбкой на своемъ странномъ красномъ лицѣ, что означало, что онъ въ хорошемъ расположеніи духа. Сейчасъ же съ задней скамейки поднялся Флитъ, наиболѣе поль-

зовавшійся уваженіємъ среди учителей и потому всегда избиравшійся, когда надо было говорить съ начальствомъ, и сказалъ:

— Александръ Андреевичъ, весь классъ просить не спрашивать сегодня Тита Ливія... Мы не приготовили...

— Почему же это? — спросилъ Кайзерлингъ, обыкновенію отчеканивая слова и шурясь подъ очками. — Я полагаю, какая нибудь уважительная причина...

Собственно, причины не было никакой, но Флитъ увѣренно сказалъ:

— Да, уважительная...

— Можно полюбопытствовать, какая именно?..

Намъ было очень трудно... — Самъ Флитъ долженъ былъ подавить улыбку послѣ такого заявленія. Кайзерлингъ былъ въ хорошемъ настроеніи и, криво улыбувшись, что, однако, сдѣлало его лицо чрезвычайно симпатичнымъ, сказалъ:

— Да, дѣйствительно, причина уважительная... Ну, такъ мы будемъ переводить... à livre ouvert.

У Раевского отлегло отъ сердца. Онъ закрылъ ненавистный подстрочникъ и предался своимъ грезамъ.

Половина урока прошла благополучно, но, когда Кайзерлингъ началъ своимъ обычнымъ способомъ комментировать какое-то замѣчаніе Тита Ливія о тевтонахъ, нагромождая длиннѣйшіе періоды, тоска овладѣла всѣми. Смертельно скучавшій Тиминъ, писавшій до сихъ поръ на клочкѣ бумаги стихи, передалъ ихъ Раевскому, а самъ, уткнувшись носомъ въ книгу, погрузился въ легкую дремоту. Раевскій посмотрѣлъ стихи. Они начинались такъ:

Побольше розъ... Побольше розъ...

Побольше розъ на грудь мнѣ киньте...

И были написаны въ обычной манерѣ Тимина: красиво, звучно, съ какими-то колеблющимися образами

и скрытыми символами, но съ ускользавшимъ куда-то содержаніемъ. Послѣ чтенія его стиховъ оставалось смутное воспоминаніе чего-то прекраснаго, но безсодержательнаго. Раевскій не понималъ его музы и не любилъ его стиховъ. Онъ, улыбнувшись, взялъ карандашъ и написалъ внизу:

„Поменьше розъ, а побольше смысла“.

И бросилъ бумажку Тимину. Но тотъ спалъ.

Между тѣмъ, томительно тягучая, однообразная рѣчь Кайзерлинга лилась попрежнему. Гимназисты стали между собою разговаривать, и въ классѣ воцарился тотъ особый полусумъ, который такъ ужасно дѣйствуетъ на нервы учителей и особенно раздражаетъ ихъ, производя впечатлѣніе чего-то зудящаго, нестерпимаго, мѣшающаго говорить. Кайзерлингъ нѣсколько разъ уже дѣлалъ замѣчанія то одному, то другому, но разговоры, стихая на минуту, вновь возобновлялись съ прежнею непринужденностью.

Вспомнивъ, вѣроятно, прежніе годы и желая подѣйствовать страхомъ, онъ, вдругъ, топнулъ изо всѣхъ силъ по каедрѣ и закричалъ, или вѣрнѣе, пропищалъ не своимъ голосомъ:

— Молчите же, наконецъ!.. Это просто невозможно! Я не могу давать урокъ.

Крикъ былъ такъ рѣзокъ, такъ неожиданъ, что Тиминъ, внезапно разбуженный, испугался и сказалъ довольно громко:

— Чортъ... нельзя же такъ пугать.

Кайзерлингъ услышалъ это и жестоко обидѣлся, думая, что Тиминъ желалъ его оскорбить.

Онъ всталъ съ каедры и, забирая книги, сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Я не могу больше давать уроки въ этомъ классѣ... я ухожу.

И онъ ушелъ при гробовомъ молчаніи класса. Всѣ слышали его удаляющіеся по коридору шаги, и никто не нарушилъ тишины. Этотъ поступокъ произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе.

Кайзерлингъ, пройдя въ волненіи нѣсколько шаговъ по коридору, столкнулся, вдругъ, лицомъ къ лицу съ Трегубовымъ, вышедшимъ въ эту минуту изъ учительской и привлеченнымъ крикомъ.

— Въ чемъ дѣло, Александръ Андреевичъ?—спросилъ онъ.—Что у васъ случилось?

Кайзерлингъ замялся. Въ его добромъ сердцѣ происходила борьба. Если-бы онъ сказалъ правду, то пришлось бы рассказать поступокъ Тимина, котораго Трегубовъ жестоко наказалъ-бы, такъ какъ ненавидѣлъ дерзкихъ учениковъ и всячески ихъ преслѣдовалъ. Кайзерлингу стало жаль Тимина, и онъ сказалъ тихо:

— Ученики... жалуются, что... угарно въ классѣ. Дѣйствительно, пахнетъ. Нельзя-ли перевести ихъ въ свободный классъ?

— Можно, можно... отчего же. Вотъ сюда,—отвѣтилъ онъ, указывая на пустой классъ рукой.— Но отчего-бы это быть угару?... Никогда раньше не бывало...

Они вмѣстѣ вошли въ седьмой классъ. Гимназисты ожидали, что сейчасъ Тимину будетъ выговоръ, но вмѣсто этого, Трегубовъ только потянулъ носомъ воздухъ и глубокомысленно сказалъ:

— Да, дѣйствительно, угарно... Такъ переходите сюда,—обратился онъ къ ученикамъ, терявшимся въ догадкахъ.

Однако, по смущенному виду Кайзерлинга, они поняли его великодушный поступокъ и въ полномъ порядкѣ, сохраняя тишину, перешли въ сосѣдній классъ и чинно размѣстились по партамъ.

Конецъ урока прошелъ при образцовомъ порядкѣ.

Трудно сказать, до какой степени семиклассники и, въ особенности Тиминъ, были тронуты этимъ поступкомъ. Послѣ урока онъ подбѣжалъ къ Кайзерлингу и сказалъ:

— Простите меня, ради Бога, Александръ Андреевичъ, за мою невольную грубость. Я просто испугался... Я не знаю, какъ васъ благодарить за вашъ поступокъ.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ, улыбаясь, Кайзерлингъ, самъ растроганный, пожимая Тимину руку.

Раевскій, перелистывая исторію Виноградова, говорилъ, между тѣмъ, Немирову и Бѣльскому:

— Если меня по исторіи вызовутъ, то я погибъ... Въ особенности, меня Геннингъ считаетъ шелопаемъ, потому что ты вѣчно меня смѣшишь. Пожалуйста, сегодня не вздумай его передразнивать.

Онъ вышелъ съ книгой, раздумывая, куда бы ему пойти, чтобы никто не мѣшалъ. Онъ поднялся на верхнюю площадку лѣстницы и передъ входомъ въ младшее отдѣленіе, откуда неслись по временамъ нечеловѣческіе вопли рѣзвившихся мальчиковъ, принялся ходить изъ угла въ уголъ, громко читая урокъ.

Въ это время дверь растворилась, и оттуда вылетѣлъ Коневъ, недавній знакомецъ Раевского, съ отчаяніемъ на лицѣ, со слезами на глазахъ, преслѣдуемый кучею мальчишекъ, очевидно, избравшихъ его своею добычей и находившихся теперь въ экстазѣ преслѣдованія. Увидѣвъ Раевского, онъ бросился къ нему, умоляя спасти.

Раевскому стоило только крикнуть на нихъ и выдрать первыхъ попавшихся за ухо, и вся эта ватага, увидѣвъ столь сильную защиту, поспѣшно ретировалась.

Когда они остались вдвоемъ, Раевскому стало немного неловко. „Что это за сантиментальность, думалъ

онъ, вмѣшиваться въ ихъ драки и изображать изъ себя какого-то судью. Всѣхъ насъ въ свое время дразнили. Но мы не плакали. Это, просто, какая-то тряпка“.

Однако, онъ принялся утѣшать Конева и расспрашивать, въ чемъ дѣло.

Въ короткихъ словахъ, давась отъ слезъ, мальчикъ разсказалъ свою исторію. Онъ былъ сиротой и жилъ въ пансіонѣ. Однажды, къ нему въ гимназію пришла тетка, жившая въ богадѣльнѣ и, проходя мимо столовой, стащила серебряную ложку, въ чемъ ее застигли на мѣстѣ преступленія. Этого было достаточно, чтобы сдѣлать его центромъ самаго злого, систематическаго издѣвательства, сопровождавшагося нерѣдко побоями. Онъ плакалъ, умолялъ, убѣждалъ ихъ, дѣлалъ видъ, что не обращаетъ вниманія, но маленькіе жестокие учителя не унимались. Они истязали свою жертву до изнеможенія, наслаждаясь ея мученіями. Разумѣется, въ этомъ принимали участіе не всѣ, но тѣ, которые оставались въ сторонѣ, относились къ нему съ пренебреженіемъ, клеймя его своимъ презрѣніемъ, и говоря другъ другу шепотомъ:

— Вѣдь, его тетка украла серебряную ложку...

Коневъ разсказывалъ это безтолково, сбиваясь и проглатывая слова.

— И вы подумайте... о, вы подумайте, что это продолжается уже въ теченіи двухъ лѣтъ... постоянно, каждый день. За что же? за что? Вѣдь, не я укралъ ложку, не я!.. такъ за что же они дразнятъ меня?

И мальчикъ разразился истерическими воплями.

Раевскій почувствовалъ, какъ цѣлая волна негодованія и ужаса поднялась въ немъ при этомъ разсказѣ. Какъ! ребенка мучать такимъ образомъ въ теченіи двухъ лѣтъ, и никто не обращаетъ на это ни малѣй-

шаго вниманія! всѣ спокойны, какъ будто такъ и слѣдуетъ. И это воспитатели, люди, призванные воспитывать душу ребенка. О, какой ужасъ! Но что же теперь предпринять?.. Пойти къ Трегубову?.. но, вѣдь, Трегубовъ прогонитъ его вонъ и посовѣтуетъ ему самому лучше вести себя. Къ Геннингу?—мелькнуло у него. Но что можетъ сдѣлать Геннингъ? Разумѣется, онъ не станетъ мѣшаться въ это дѣло. Тутъ надо дѣйствовать на Трегубова. Онъ одинъ можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ, если пожелаетъ. Но какъ?

Ахъ, какъ-бы онъ желалъ быть въ эту минуту какимъ-нибудь окружнымъ инспекторомъ или попечителемъ, чтобы имѣть право притти сюда не какъ подчиненный, а какъ начальникъ, чтобы заставить Трегубова вырвать этого мальчика изъ ужасной обстановки и примѣрно наказать жестокихъ учителей.

Но внезапно ему пришла мысль... Ба! какъ это онъ раньше не догадался. Онъ напишетъ Трегубову анонимное письмо, въ которомъ яркими красками охарактеризуетъ ужасное положеніе несчастнаго Конева и будетъ умолять его во имя милосердія, во имя справедливости обратить вниманіе на это дѣло.

Принявъ это рѣшеніе, онъ началъ успокаивать все еще плакавшаго Конева:

— Не плачьте, Коневъ. Я даю вамъ слово, что не позднѣе недѣли все это прекратится. Даю вамъ слово. Только ничему не удивляйтесь и не говорите ни слова никому обо мнѣ.

—Правда? Вы меня спасете? О, спасибо, спасибо вамъ! Какой вы добрый!

Въ это время прозвонилъ звонокъ. Раевскому стало неловко отъ этихъ выраженій благодарности, и онъ, пожавъ руку Коневу, побѣждалъ въ классъ. Исторія такъ и осталась невыученной.

— Сегодня же напишу письмо, — подумалъ Раевскій, сядясь на свое мѣсто.—Пожалуйста, подсказывай, если меня вызоветь, — обратился онъ къ Бѣльскому, отлично зная, что подсказывать у Геннинга невозможно, такъ какъ онъ безусловно требуетъ, чтобы всѣ книги были закрыты. Бѣльскій отвѣтилъ:

— Да, какъ бы не такъ! Подскажешь у Геннинга.

— Но я же абсолютно ничего...

Но слова замерли у него въ горлѣ, такъ какъ въ эту минуту на порогѣ появился Геннингъ съ своимъ благороднымъ рыцарскимъ профилемъ, и царственной походкой вошелъ въ классъ.

Сдѣлавъ необходимыя надписи въ журнальной графѣ, онъ сошелъ съ кафедры и, вынувъ записную книжку, сказалъ лаконически, слегка процѣживая слова сквозь зубы и растягивая ихъ:

— Пра-ашу закрыть книги.

Тридцать книгъ захлопнулись въ одно время, и томительное ожиданіе отразилось на всѣхъ лицахъ. Дѣло въ томъ, что какъ бы хорошо ни зналъ урокъ, у Геннинга никогда нельзя было быть увѣреннымъ въ отмѣткѣ. Онъ требовалъ сознательнаго отношенія къ предмету и, если ему казалось, что ученикъ только вы зубрилъ, не анализируя историческихъ событій, онъ сажалъ его на мѣсто и говорилъ:

— Са-адитесь, любезнѣйшій. Вы, очевидно, не понимаете того, что читаете.—И послѣ этого напрасны были настойчивыя увѣренія гимназиста, „что онъ все знаетъ“, „что это только случайно“: двойка красовалась въ журналѣ. Единицы Геннингъ никогда не ставилъ.

У Геннинга была одна странная привычка: когда онъ спрашивалъ урокъ, онъ все время молча смотрѣлъ на отвѣчавшаго и, грызя свою остроконечную бородку,

покашливалъ. Это покашливаніе продолжалось все время, непрерывно, пока длился отвѣтъ. Собственно говоря, смѣшного въ этомъ ничего не было, но съ тѣхъ поръ, какъ Бѣльскій, однажды, въ сборной воспроизвелъ это покашливанье, оно сдѣлалось для друзей центромъ вниманія, и Раевскій не могъ смотрѣть безъ смѣха на Бѣльскаго. Пока Геннингъ смотрѣлъ въ свою книжку, онъ шепталъ своему другу:

— Пожалуйста, не смѣши меня, когда онъ будетъ кашлять.

Но Бѣльскій въ отвѣтъ на это только плутовато улыбнулся.

— Серіозно... я тебя прошу. А то расхохочусь ему въ лицо, и онъ меня выставитъ изъ класса.

— Господинъ Раевскій,—проговорилъ Геннингъ.

Раевскій поднялся, дѣлая классу знакъ, изображавшій его полное незнаніе.

— Выясните мнѣ, почтеннѣйшій, въ краткихъ словахъ, толково и ясно, каковы были причины и поводы войны за испанское наслѣдство. — Произнеся это, онъ устоялся на Раевскаго, который отъ души желалъ въ эту минуту провалиться въ преисподню, и началъ грызть бородку и покашливать.

Раевскій толкнулъ подъ столомъ Бѣльскаго, но тотъ пожалъ плечами, давая понять этимъ полную некомпетентность.

Воцарилась тишина, нарушаемая только покашливаньемъ, и, вдругъ, Раевскій уловилъ едва замѣтное другое покашливанье, исходившее отъ Бѣльскаго. Оно было какъ бы отдаленнымъ эхомъ покашливанья Геннинга. Раевскій до крови прикусилъ губы, чтобы не разсмѣяться, но все-таки не могъ сдержать улыбки, не укрывшейся отъ Геннинга.

— Ну-съ, — нетерпѣливо повторилъ онъ, — я жду.

Вы знаете урокъ?

— Да, знаю,—отвѣчалъ Раевскій.

— Ну, такъ отвѣчайте.

Надо было что-нибудь говорить. Онъ напрягъ всю свою память и вспомнилъ только, что въ началѣ главы говорилось что-то объ американскомъ золотѣ. Онъ началъ говорить, не зная еще чѣмъ даже кончить фразу:

— Причины войны за испанское наслѣдство заключались въ... заключались... заключались въ...

— Ну, въ чемъ же, въ чемъ же?

— Во первыхъ, вообще, американское золото было...— выпалилъ онъ вдругъ, самъ дивясь глупости того, что сказалъ.

Лицо Геннинга приняло суровое выраженіе:

— Вы, любезнѣйшій, я вижу, не учили урока и хотите хитростью покрыть ваше незнаніе. Но это вамъ неудается. Я васъ накажу, почтеннѣйшій.

— Нѣтъ, я училъ урокъ...

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь рассказывать...

Снова воцарилось молчаніе и снова двойное покашливанье Геннинга и передразнивавшего его Бѣльскаго, мѣшало ему сосредоточиться и хотъ что-нибудь вспомнить. Напрасно онъ толкалъ Бѣльскаго подъ столомъ, тотъ не унимался. И Раевскій почувствовалъ, какъ спазмы хохота неудержимо подступаютъ ему къ горлу. Онъ, вдругъ, разсмѣялся прямо въ лицо Геннингу.

Геннингъ удивился:

— Это что такое?.. Я вижу, что вы дерзостью желаете покрыть свое незнаніе. Я васъ вышлю вонъ, любезнѣйшій. Достаточно съ васъ.

И онъ поставилъ ему въ книжку двойку.

— Какая ты свинья, — сказалъ Раевскій своему другу, сѣвъ на мѣсто.—Изъ-за тебя вторую пару по-

лучаю.—Но сказалъ онъ это безъ особеннаго гнѣва, сознавая, что Бѣльскій вовсе не хотѣлъ его подводить, а просто дѣйствовалъ въ силу того непонятнаго, но неумолимаго инстинкта, который заставлялъ ихъ выдѣлывать всякія штуки, несмотря на наказанія и на твердое рѣшеніе впредъ вести себя хорошо.

Поэтому, когда урокъ кончился, они вмѣстѣ хохотали надъ этимъ инцидентомъ, и Раевскій, заливаясь смѣхомъ, говорилъ:

— Ну-ка покашляй, покашляй еще...

Бѣльскій становился въ гордую позу Геннинга, грызя воображаемую бородку, и покашливалъ, приговаривая:

— Я васъ накажу, любезнѣйшій. Вы хотите дерзостью покрыть свое незнаніе. Я васъ вышлю вонъ, почтеннѣйшій...

— Ну слава Богу, уроки кончились, — сказалъ Раевскій,—хотя я уношу порядочный багажъ съ собою. Колъ по носорогу и два по Геннингу. Идемте, господа, домой.

— Намъ сегодня не по дорогѣ, — сказалъ Немировъ. Мы съ Бѣльскимъ идемъ на Выборгскую.

— Зачѣмъ? — спросилъ грустно Раевскій, которому не хотѣлось лишиться своихъ обычныхъ спутниковъ.

— Бѣльскій на урокъ, а я къ бабушкѣ обѣдать.

Немировъ постоянно ходилъ завтракать къ бабушкамъ и тетушкамъ.

Они вышли изъ подъѣзда и, постоявъ, по обыкновенію, съ четверть часа на улицѣ, разошлись въ разныя стороны.

Раевскій тихо пошелъ, раздумывая о положеніи своихъ дѣлъ.

На углу Моховой его догналъ Тиминъ, покупавшій что-то въ фруктовомъ магазинѣ.

— А, какъ это пріятно, — сказалъ Раевскій, очень любившій Тимина, — намъ, кажется, по дорогѣ. — И они пошли вмѣстѣ.

Вначалѣ они говорили о своихъ гимназическихъ дѣлахъ, но скоро незамѣтно перешли на любимую ихъ тему: о литературѣ и поэзіи:

— Вы видѣли пьесу Чехова „Три сестры“ въ театрѣ Станиславскаго? — спросилъ Раевскій.

Въ то время Станиславскій съ своей труппой впервые явился въ Петербургъ и очаровалъ публику своими новыми пріемами.

— Да, я видѣлъ... — отвѣчалъ Тиминъ. — Это безспорно талантливая вещь. Даже всѣ ухищренія г. Станиславскаго не могли ее испортить.

— Ну, что вы? — удивился Раевскій, — по моему Станиславскій своими эффектами, своею замѣчательной реальностью, увеличилъ достоинство пьесы. Едва ли бы она имѣла успѣхъ въ другомъ театрѣ. Она слишкомъ блѣдна и безсодержательна, хотя написана въ совершенно новой манерѣ.

Тиминъ улыбнулся.

— Ахъ, мой другъ, вы вездѣ ищите какого-то содержанія, какой-то идеи. Вотъ, и мои стихи вамъ не нравятся, потому что они по вашему безсодержательны. Но поймите, что содержаніе, что идея есть нѣчто неуловимое, скрытое и можетъ сквозить въ каждомъ словѣ, въ каждомъ штрихѣ, и вы ее не замѣтите. Здѣсь надо особенное художественное чутье, умѣнье проникаться настроеніемъ автора, читать въ его душѣ, а не искать какое-то содержаніе и идею по рецептамъ нашего Орлова. Въ нашъ вѣкъ всякое произведеніе должно прежде всего давать настроеніе, импонировать на чувства зрителя или слушателя не прописной моралью, а образами и символами...

— Но позвольте...

— Чеховскія пьесы въ этомъ отношеніи удивительны, — продолжалъ Тиминъ, увлеченный своею рѣчью, не слушая Раевского. — Какой-то поэзіею вѣетъ отъ каждой сцены, какія-то неясныя мысли пробуждаются въ вашей душѣ, онѣ растутъ, растутъ и вырастаютъ въ мощные образы. Но образы эти не рельефны, не ясны, а колеблются и все время мѣняются свои контуры, подобно видѣніямъ фатаморганы. Вы, какъ въ волшебной сказкѣ, и любовь, и поэзія цвѣтутъ кругомъ васъ.

Тиминъ любилъ говорить такимъ образомъ, а Раевскій охотно его слушалъ, потому что ему нравились эти поэтическія мысли, полныя какой то чуждой прелести, — мысли, которыя проповѣдывалъ этотъ красивый умный юноша съ лицомъ и душой поэта.

— Ахъ, мой другъ, — сказалъ Тиминъ, прощаясь съ Раевскимъ на углу Бассейной и взявъ его за обѣ руки, — поэзія и любовь — это единственныя вещи, ради которыхъ стоитъ жить на свѣтѣ. Если бы не было поэтовъ и женщинъ, этому скучному міру оставалось бы только погибнуть, какъ можно скорѣе. Поэзія и любовь утѣшаютъ насъ и помогаютъ переносить тоску жизни. Любовь рождаетъ величайшія, утонченныя наслажденія, но заставляетъ иногда переносить и страшныя страданія; поэзія воспѣваетъ наше счастье въ первомъ случаѣ и является утѣшительницею во второмъ...

— Да, да... Это вѣрно... Какъ онъ правъ! — думалъ Раевскій, идя домой. — Любовь и поэзія — единственныя вещи, ради которыхъ стоитъ жить. Дѣйствительно, ничего не можетъ быть лучше этихъ двухъ вещей.

И мечты наполнили его молодое сердце. Онъ видѣлъ себя знаменитымъ поэтомъ, а, впослѣдствіи мужемъ любимой имъ дѣвушки. Онъ слышалъ востор-

женныя рукоплесканія толпы, подносящей ему лавровый вѣнокъ, и свою молодую супругу, вѣнчающую его своей улыбкой.

Но, вѣдь, все это были только мечты...

VI.

Наше счастье въ волненіяхъ первой
любви,

Наша радость въ стихахъ сладко-
звучныхъ...

При всей своей смѣшливости, склонности ко всевозможнымъ дурачествамъ и кажущейся поверхностности, Володя Раевскій былъ въ глубинѣ души меланхоликомъ, склоннымъ къ самоанализу, воспринимавшимъ многія впечатлѣнія съ непонятною въ его возрастъ глубиною. Онъ рано лишился матери, женщины въ высшей степени чуткой и впечатлительной, доброй и мечтательной, но болѣзненно самолюбивой. Получивъ серьезное образованіе, она находила высшее наслажденіе въ чтеніи и занятіи литературой, въ которую и сама внесла нѣкоторый вкладъ, работая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ одномъ изъ журналовъ. Весьма возможно, что жажда славы и поклоненія сжигали эту даровитую женщину, очень рано угасшую благодаря ужасной болѣзни, подтачивавшей ея существованіе еще съ того времени, когда она была дѣвушкой. Она умерла отъ порока сердца, въ полномъ расцвѣтѣ силъ, когда Володѣ едва исполнилось три года. Въ своихъ дѣтскихъ грезахъ онъ лелѣялъ долго память своей дорогой матери, надѣясь рано или поздно съ нею увидѣться, такъ какъ его отецъ, страстно любившій дѣтей и боявшійся, что извѣстіе о смерти матери

можетъ тяжело отозваться на дѣтскомъ, неокрѣпшемъ организмѣ, скрывалъ отъ него этотъ фактъ, поддерживая въ немъ убѣжденіе, что мать отсутствуетъ только временно. И ребенокъ вѣрилъ этому, хотя, порой, въ дѣтской кроваткѣ, проснувшись въ глубокую ночь, онъ видѣлъ устремленные на него знакомые глаза, и какой-то голосъ шепталъ ему, что все кончено, что эти глаза закрылись навсегда. Неудержимыя рыданія стѣсняли тогда его грудь, но на утро онъ забывалъ объ этомъ и все шло попрежнему. Отъ этой женщины онъ получилъ въ наслѣдство необыкновенно обостренное самолюбіе и ея склонность къ литературѣ.

Неудачное воспитаніе, прошедшее внѣ семьи, среди людей мало знакомыхъ со всѣми тайными изгибами дѣтской души, неумѣло тискавшихъ ее своими сильными руками, вызвали въ немъ рядъ тѣхъ неправильностей, которыя въ описываемую эпоху пріобрѣли такую силу, что заслоняли истинный характеръ этого мальчика и заставляли видѣть въ немъ самаго обыкновеннаго шалуна, проникнутаго желаніемъ сдѣлать какую-нибудь каверзу своимъ воспитателямъ и неимѣющаго, за этими свойствами души, никакого порядочнаго содержанія. Между тѣмъ, въ послѣдствіи эти наносы такъ же легко смылись, какъ смывается грязь съ улицъ вешними дождями, какъ скоро настала необходимость проявить истинныя качества своей души.

Дѣтство Володи протекло совсѣмъ не такъ, какъ оно протекаетъ у большинства дѣтей. Имѣя въ качествѣ воспитателя горячо любившаго его отца, человѣка въ высшей степени серіознаго и занятаго, который, благодаря этому, не могъ замѣнить ему товарищей-дѣтей, Володя былъ лишенъ съ самаго ранняго дѣтства общества сверстниковъ, ихъ веселыхъ игръ и

дружбы. Онъ скучалъ ребенкомъ, какъ скучалъ потомъ мальчикомъ и юношей, скучалъ отъ отсутствія себѣ подобныхъ, живущихъ съ нимъ одинаковыми интересами, дѣтей, съ которыми онъ могъ бы подѣлиться мыслями и порѣзвиться. У его отца были свои особые взгляды на воспитаніе. Онъ полагалъ, что ребенокъ долженъ все свободное время учиться и читать для того, чтобы впослѣдствіи завоевать себѣ счастье въ жизни.

— Милый мой голубчикъ, — говорилъ онъ нѣжно, цѣлуя своего шестилѣтняго сына, когда тотъ прибѣгалъ къ нему иной разъ въ кабинетъ, заставленный всевозможными машинами и приборами и, ласкаясь, говорилъ, что ему скучно, что ему хочется пойти на дворъ и поиграть въ лошадки съ сыномъ швейцара.

— Милый мой голубчикъ, жизнь человѣческая коротка, а знать человѣку надо очень, очень много. Ты выучился теперь читать, старайся побольше прочесть, пока есть время. Дальше тебѣ придется серіозно учиться, и читать уже будетъ некогда. Пользуйся же свободнымъ временемъ.

Ребенокъ, страстно любившій своего отца, ничего не возражалъ изъ боязни его огорчить и грустный убѣгалъ въ большой залъ, гдѣ забравшись съ ногами на кушетку, погружался въ чтеніе историческихъ рассказовъ, подаренныхъ отцомъ, или сказокъ Андерсена.

А отецъ послѣ его ухода вставалъ со стула и долго, долго ходилъ по комнатѣ, раздумывая надъ тѣмъ, правильно ли онъ воспитываетъ ребенка. У него были обширные планы. Онъ хотѣлъ подготовить Володю дома къ выпускному экзамену на аттестатъ зрѣлости, лѣтъ 14 или 15 и, такимъ образомъ, сократить срокъ ученія на три года, а затѣмъ отправить за границу, гдѣ бы онъ могъ получить къ 20 годамъ все-

стороннее и глубокое образованіе. Съ этой цѣлью онъ старался приучить ребенка къ работѣ и дѣятельности и усаживалъ его за книжки. Кромѣ того, другія дѣти, тѣ дѣти, которыхъ онъ встрѣчалъ, дѣти его сослуживцевъ и знакомыхъ, не нравились ему, и онъ не хотѣлъ, чтобы Володя имѣлъ общеніе съ ними. Благодаря ряду ошибокъ въ воспитаніи, Володя былъ лишень товарищей и друзей, но, вѣдь, ошибка была вызвана любовью къ нему и искреннимъ желаніемъ его счастья.

Такимъ образомъ, развитіе Володи шло ускореннымъ темпомъ. Онъ поглощалъ массу книгъ, служившихъ ему единственнымъ развлеченіемъ и къ десяти годамъ прочелъ уже такъ много, что разсуждалъ и думалъ, какъ взрослый. Отецъ руководилъ его образованіемъ.

Въ семь лѣтъ онъ началъ изучать латинскій, греческій, французскій и нѣмецкій. Въ восемь лѣтъ онъ недурно рѣшалъ задачи на тройное правило и зналъ теорію уравненія. Въ десять онъ уже училъ биномъ Ньютона и извлекалъ корни четвертой степени изъ какихъ угодно чиселъ. Одновременно съ этимъ онъ училъ исторію, географію и русскую грамматику.

Скоро пришло время, когда такія занятія стали угнетать ребенка. Ему дѣлалось скучно и нудно. Цѣлый день книжки и учебники, книжки и учебники и больше ничего. Онъ рвался на солнечный свѣтъ, на чистый воздухъ, гдѣ ему слышались звонкіе веселые голоса дѣтей; онъ хотѣлъ безумно бѣгать и шалить, но все это было ему запрещено. И онъ сталъ находить наслажденіе въ мечтахъ. И кто знаетъ, быть можетъ, эти-то часы мечтаній, часы одинокихъ и подъ-часъ печальныхъ мечтаній и послужили залогомъ того поэтическаго настроенія, которое впослѣдствіи уже

никогда не покидало Володю. Иногда, рѣшая задачу, онъ былъ мыслями далеко: онъ путешествовалъ по тѣмъ неизвѣстнымъ, сказочнымъ странамъ, о которыхъ читалъ у Майнъ-Рида и Купера, онъ леталъ между планетами, какъ герой его любимаго Жюль-Верна, онъ участвовалъ въ тѣхъ безчисленныхъ приключеніяхъ, которыя наполняли его красивыя книжки. И сколько радости почерпнулъ бѣдный мальчикъ, лишенный удовольствій, свойственныхъ его возрасту!

Разъ въ годъ отецъ водилъ его на елку къ однимъ своимъ хорошимъ знакомымъ. О, что это было за день! Какой это было для него праздникъ! Тамъ впервые онъ испыталъ сладкое чувство любви, плѣнившись девятилѣтней дѣвочкой, которая была, по его мнѣнію, хороша, какъ ангелъ. Но проведя съ нею упоительный вечеръ, онъ принужденъ былъ разстаться съ нею на цѣлый годъ, такъ какъ не могъ нигдѣ раньше съ нею видѣться. Онъ не ходилъ ни въ церковь, ни на катокъ, ни въ городской садъ, однимъ словомъ, ни въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ мальчики и дѣвочки сходятся вмѣстѣ, чтобы поиграть и порѣзвиться.

Какая теперь цѣпь мученій открылась для него. Вѣчная разлука, вѣчное мученье послѣ одного мгновенья радости. Занятія пошли хуже. Володя сталъ блѣднѣть, хирѣть и грустить и дѣлался все печальнѣе и печальнѣе. Книги валились у него изъ рукъ, онъ засыпалъ надъ учебникомъ, перепутывалъ времена латинскихъ глаголовъ и дѣлалъ ошибки при извлеченіи корней. Отецъ выходилъ изъ себя, но не могъ понять причины и въ своемъ ослѣпленіи думалъ, что Володя лѣнится.

Такъ прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Подъ вліяніемъ своей любви Володя написалъ драму въ пяти дѣйствіяхъ, подъ многозначительнымъ заглавіемъ: „Ядъ“.

Она была написана стихами и рассказывала страданія молодыхъ влюбленныхъ, разлученныхъ строгими родителями, страданія, завершившіяся смертью обоихъ отъ принятаго яда. Нѣтъ сомнѣнія, что матеріаломъ для этой первой драмы ему послужило его первое глубокое, недѣтское чувство.

Вскорѣ Володя захворалъ. Встревоженный отецъ послалъ за докторомъ, который констатировалъ малокровіе отъ переутомленія и предписалъ полный отдыхъ на цѣлый годъ. Отецъ былъ въ отчаяніи. Всѣ его мечты рушились, его сынъ оказался не въ силахъ нести взваленную на него ношу...

Потомъ къ отцу пріѣхалъ его братъ и послѣ долгихъ споровъ и криковъ увезъ Володю съ собой въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ осенью въ первый классъ гимназіи, не смотря на то, что по своимъ знаніямъ былъ готовъ, по крайней мѣрѣ, въ третій.

Гимназія доставила много радости Володѣ. Она дала ему тѣхъ товарищей и друзей, объ отсутствіи которыхъ онъ такъ грустилъ, она избавила его отъ вѣчнаго уединенія, отъ вѣчнаго самоуглубленія, отъ скуки и, наконецъ, отъ тѣхъ усиленныхъ занятій, которыя съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлались ему ненавистны. Курсъ перваго класса онъ зналъ уже въ совершенствѣ, а потому ему нечего было дѣлать. Онъ ходилъ въ гимназію, какъ въ гости, съ легкимъ сердцемъ, точно зная, что тамъ его ожидаютъ не уроки, а веселыя игры. Онъ скоро сошелся съ товарищами, среди которыхъ пользовался большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, такъ какъ довольно замѣтно превосходилъ ихъ развитіемъ, въ особенности, въ младшихъ классахъ. Но за то столь долго сдерживаемая дѣтская веселость, склонность къ проказамъ и всякаго рода похождениямъ—проснулись теперь въ Володѣ съ удвоенной силой.

Онъ заслужилъ скоро славу перваго шалуна и отчаяннаго повѣсы. Учителя считали его коноводомъ и никогда не ошибались, если при отсутствіи явнаго виновника какой-нибудь каверзы подозрѣвали Володю. Тѣмъ не менѣе, въ гимназіи его любили, за исключеніемъ двухъ-трехъ педагоговъ, для которыхъ шаловливость является синонимомъ испорченности.

Такъ образовалась въ Раевскомъ эта странная смѣсь серіозности и необузданнаго мальчишества, глубокаго анализа и самой дѣтской поверхностности, любви къ гимназіи и ко всему ея режиму и, въ то же время, попираніе на каждомъ шагу этой любви и этого режима. Дружба съ Бѣльскимъ, начавшаяся со втораго класса, во многомъ походившимъ на него, еще больше укрѣпила это соединеніе противорѣчивыхъ элементовъ: черезчуръ ранняго умственнаго развитія и стремленія къ удовлетворенію своихъ дѣтскихъ инстинктовъ жизни и движенія.

Пока это мальчишество проявлялось въ младшихъ классахъ, педагоги и смотрѣли на это, какъ на явленіе заурядное и естественное, но Раевскій не могъ остановиться. Годы шли, онъ переходилъ изъ класса въ классъ, многому научился, многое прочелъ, но гимназія съ ея учителями по прежнему осталась ареной для его дикихъ выходокъ. Трудно сказать, что, именно, толкало его постоянно что-нибудь вытворять: не то это была извѣстная удаля, не то рискъ и сопряженная съ нимъ эмоція. Во всякомъ случаѣ, этотъ инстинктъ, толкавшій на шалости, былъ у всѣхъ, до самыхъ старшихъ воспитанниковъ настолько силенъ, что самыя мальчишескія, самыя возмутительныя по своей глупости выходки повторялись постоянно даже въ выпускныхъ классахъ; но Раевского этотъ инстинктъ положительно съѣдалъ, и онъ безсиленъ былъ

бороться съ нимъ. Сколько разъ, послѣ увѣщаній и разговоровъ директора и инспектора, онъ давалъ себѣ слово никогда больше не шалить. Все было напрасно. При малѣйшемъ удобномъ случаѣ онъ устраивалъ еще что либо болѣе ужасное. Такъ задержанные въ свое время дѣтскіе порывы вырывались изъ своей темницы, мстили теперь за свое заключеніе.

А близорукіе педагоги видѣли въ этомъ злую волю. Уже не разъ на совѣтѣ раздавались голоса, что Раевскій язва въ классѣ и всѣхъ портить, что его надо удалить. Но что-то, впрочемъ, шептало большинству изъ нихъ, что выгнать Раевского было бы незаслуженной несправедливостью. Они терпѣли. Только угрозы принимали все болѣе и болѣе интенсивный характеръ.

Когда Раевскій приходилъ домой и мечталъ, сидя на диванѣ, а онъ очень любилъ предаваться грезамъ, онъ раздумывалъ о своей минувшей жизни, о своемъ дѣтствѣ и шести годахъ гимназическаго ученія. Въ такія минуты сердце сжималось отъ тоски, и слезы выступали у него на глазахъ и, вотъ, изъ этихъ думъ и родилась та меланхолія, что частенько навѣщала его. Онъ видѣлъ себя одинокимъ ребенкомъ, скучающимъ и цѣлый день работающимъ, лишеннымъ всякихъ удовольствій, всѣхъ дѣтскихъ развлеченій. Потомъ любовь, которая и теперь иной разъ вызываетъ у него слезы и заставляетъ сердце биться сильнѣе обыкновеннаго, любовь безплодная, принесшая только одни долги страданія. Затѣмъ въ гимназіи онъ видѣлъ себя шалуномъ и забіякой, котораго учителя ненавидятъ, презираютъ и считаютъ злымъ. Онъ нарочно сгущаетъ краски и печаль становится еще сильнѣе. Что, въ самомъ дѣлѣ, есть или было въ его жизни свѣтлаго, на чемъ можно было бы съ облегченіемъ остановиться? Гдѣ у него тѣ минуты радости и беззаботнаго веселья,

что выпадаютъ на долю всѣхъ остальныхъ дѣтей? Каждому изъ нихъ есть что вспомнить, у каждого есть свои радости, только у него все пусто и темно. Ни позади, ни впереди нѣтъ ничего пріятнаго и утѣшительнаго. Вѣчное ученіе, скандалы въ гимназіи, разговоры дома... и больше ничего—ничего...

Какъ пуста и неинтересна жизнь...

Онъ продолжаетъ такими же мыслями растравлять свои раны. Глаза его дѣлаются мокры отъ слезъ, но онъ чувствуетъ въ этомъ горѣ, въ этомъ сожалѣніи, особое наслажденіе и начинаетъ перебирать всѣ свои неудачи.

Въ самомъ дѣлѣ, что ему удавалось въ жизни? Можно смѣло сказать, что ничего и что вся его, еще такая недолгая, жизнь была сплошной цѣпью мученій и страданій. Вѣчный неудачникъ, никому ненужный и никѣмъ нелюбимый—вотъ кто онъ.

Въ минуты меланхоліи Раевскій любитъ писать. Онъ беретъ перо и, находясь въ этомъ минорномъ настроеніи, быстро, быстро исписываетъ страницу за страницей, дышація сентиментальностью и романтизмомъ. Онъ пишетъ, пока меланхолическое настроеніе не покидаетъ его, и только убѣдившись, что его настроеніе сдѣлалось самымъ нормальнымъ, бросаетъ перо и перечитываетъ написанное. Ему очень нравится то, что онъ написалъ. Ему начинаетъ казаться, что въ немъ есть талантъ, и мечта, давнишняя мечта выступаетъ на первый планъ и застилаетъ собой все остальное—мечта сдѣлаться знаменитымъ писателемъ. Онъ видитъ себя взрослымъ, сидящимъ гдѣ-нибудь въ театрѣ. На него всѣ смотрятъ, и онъ слышитъ кругомъ восторженный шопотъ: Смотрите, смотрите! — это онъ, нашъ извѣстный поэтъ.

Ахъ, эта мечта! Сколько разъ онъ прогонялъ ее,

убѣждаясь въ своей бездарности, и сколько разъ она снова возвращалась, тревожа его дѣтскій умъ? Вѣроятно, жажда славы и извѣстности перешла къ нему въ кровь и въ плоть отъ матери. Всякій талантъ, въ какой бы сферѣ онъ ни проявлялся, производилъ всегда на него потрясающее впечатлѣніе и вызывалъ страстное желаніе быть такимъ же. Если онъ бывалъ въ театрѣ и слушалъ знаменитаго пѣвца, ему хотѣлось прославиться своимъ голосомъ, и онъ видѣлъ уже себя на сценѣ, привѣтствуемаго восторженными рукоплесканіями толпы; если онъ читалъ о подвигахъ какихъ-нибудь вождей и полководцевъ, онъ воображалъ себя во главѣ побѣдоносной арміи, покоряющимъ народы и вѣнчающимъ царей. Переводилъ ли онъ Цицерона, онъ ощущалъ страстное желаніе сдѣлаться знаменитымъ ораторомъ. Біографія какого-нибудь композитора вселяла въ немъ стремленіе прославиться на этомъ поприщѣ, а жизнеописаніе Фультона или Эдисона заставляло его сердце сладко трепетать при мысли, что, быть можетъ, онъ станетъ великимъ изобрѣтателемъ. Даже такіе таланты, какъ плясанье на канатѣ и жонглированье, поселяли въ немъ вождельнія славы. Однажды, вернувшись домой послѣ представленія жонглера, онъ втеченіе пяти дней учился жонглировать тремя яблоками и добился полного успѣха.

Но ни одинъ талантъ, конечно, не внушалъ ему столько надеждъ, какъ талантъ писателя. Какъ часто мучился онъ, стремясь совершенно безпристрастно опредѣлить, талантливъ ли онъ, или нѣтъ.

У Ломброзо онъ прочелъ, что большинство геніальныхъ людей испытали раннія страсти, и въ его сердцѣ воскресла надежда, такъ какъ онъ былъ страстно влюбленъ въ десять лѣтъ. Еще нѣсколько признаковъ ука-

зывали на геніальность, но тотчасъ же попадались такіе, которые разрушали всѣ предъидущіе, указывая на явную бездарность. И такъ надежда постоянно смѣнялась сомнѣніемъ и наоборотъ, но ни за что въ мірѣ Раевскій не рассказалъ бы кому-нибудь о тревожащихъ его мысляхъ. Не смотря на высокое мнѣніе о себѣ, онъ отлично понималъ, какъ непріятны и не-симпатичны люди, ставящіе себя высоко, а потому держался скромно, и никому никогда не могло бы придти въ голову, что этотъ мальчикъ страдаетъ изъ-за сомнѣній въ своей геніальности.

Товарищи считали его способнымъ и очень неглупымъ мальчикомъ. Многіе знали, что онъ занимается писательствомъ и, разумѣется, никто изъ нихъ не нашелъ бы ничего невѣроятнаго въ томъ, что онъ въ послѣдствіи сдѣлается знаменитостью, хотя, съ другой стороны, не преминули бы посмѣяться надъ его притязаніями, если бы онъ самъ вздумалъ высказывать подобныя предположенія. Въ гимназіи у нихъ, занимавшихся литературой, былъ свой тѣсный кружокъ, образовавшійся еще въ четвертомъ классѣ, когда одному изъ нихъ пришла мысль издавать гимназическій журналъ. Журналъ просуществовалъ недолго, но далъ случай проявиться поэтическимъ и писательскимъ талантамъ и сблизилъ между собою сотрудниковъ. Впрочемъ, ихъ было не очень много: Тиминъ, писавшій исключительно красивые, но довольно туманные стихи, Бѣльскій, оплакивавшій въ своихъ стихахъ несчастную любовь и выбиравшій постояннымъ сюжетомъ немногихъ произведеній въ прозѣ грустныя и тяжелыя событія жизни; Луганскій—авторъ шуточныхъ стихотвореній и эпиграммъ на учителей; Степановъ, основатель журнала, философъ, ведшій въ своемъ листкѣ публицистическій отдѣлъ и уже съ четвертаго класса

ярый послѣдователь идей Жанъ-Жакъ-Руссо и ненавистникъ дворянъ и кастовыхъ различій, и, наконецъ, Раевскій, прирожденный беллетристъ, дебютировавшій въ новомъ журналѣ нѣсколькими коротенькими разсказами, полными нѣжной мечтательности, тонкаго юмора, но довольно посредственной наблюдательности. Эти сотрудники журнала довольно часто собирались вмѣстѣ, пока издавался журналъ, и читали другъ другу свои произведенія, которыя затѣмъ подвергались всесторонней критикѣ. Эти часы, проведенные такимъ образомъ, навсегда оставались въ душѣ Раевского единственнымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ, когда онъ могъ сказать про себя, что онъ былъ счастливъ. Къ сожалѣнію все это скоро разстроилось. Наступили экзамены, къ которымъ Степановъ за неуспѣшность не былъ допущенъ, и такъ какъ онъ былъ второгодникомъ, то долженъ былъ оставить гимназію. Редакція перешла въ руки Тимина и Бѣльскаго, но они не были ни усидчивы, ни трудолюбивы, а для журнала требовалось и то, и другое. Къ тому же между Бѣльскимъ и Тиминымъ начались недоразумѣнія на почвѣ соперничества стихами. Это быстро повело къ охлажденію, составъ редакціи распался, журналъ прекратилъ свое существованіе, а съ нимъ вмѣстѣ и собранія его молодыхъ сотрудниковъ. Изрѣдка, впрочемъ, раза три въ годъ, они дѣлились плодами своего творчества, но прежней искренности въ оцѣнкѣ уже не было. Тиминъ косился на Бѣльскаго, какъ на своего соперника, а Бѣльскій находилъ остроты Луганскаго плоскими, когда онъ касался произведеній его музы. Вообще, какъ скоро появилась зависть другъ къ другу, исчезла прежняя задушевность. Только Раевскій, какъ единственный прозаикъ, совершенно не писавшій стиховъ, ладилъ со всѣми; поэты же постоянно грызлись между

собою, доказывая другъ другу превосходство своихъ стиховъ.

Иногда и теперь Раевскій съ удовольствіемъ вспоминалъ Степанова, его проповѣдь и погибнувшій журналъ, и ему хотѣлось снова начать издавать журналъ, но Тиминъ, съ которымъ онъ совѣтывался въ этихъ случаяхъ, всегда разубѣждалъ его, говоря, что это будетъ простой тратой времени, что они уже близки къ эпохѣ, когда надо будетъ помѣщать свои произведенія въ настоящихъ журналахъ и завоевать себѣ мѣсто среди настоящихъ писателей. Въ седьмомъ классѣ смѣшно издавать журналъ, подобный Степановскому. Если онъ попадетъ кому-нибудь въ руки изъ постороннихъ, ихъ подымутъ на смѣхъ. Тогда они были дѣтьми. Теперь они уже взрослые.

Раевскій раздумывалъ надъ этими словами и приходилъ къ тому заключенію, что лучше, дѣйствительно, не начинать никакого дѣла, а оставить все по прежнему. Продолжать жить и скучать.

Иногда, послѣ какой-нибудь глупой шалости, получивъ выговоръ и въ гимназій, и дома, онъ задумывался надъ тѣмъ, почему какая-то невѣдомая сила толкаетъ его на разныя бессмысленныя выходки, которымъ удивлялся бы всякій разумный человѣкъ. Онъ думалъ и рѣшалъ, что ему просто скучно. Его жизнь была такъ монотонна, такъ сѣра, что онъ непремѣнно долженъ былъ вносить въ нее хоть какой-нибудь элементъ разнообразія. Другіе товарищи пили водку и пиво, играли на билліардахъ и „рѣзались“ въ азартныя игры, или проводили свободное время въ веселыхъ домахъ, знакомясь съ шестнадцати лѣтъ съ самыми гнусными пороками и находя въ нихъ удовлетвореніе. Они называли такое времяпрепровожденіе—наслажденіемъ жизнью и смѣялись надъ такими, какъ Раевскій

и Немировъ, которые не принимали въ этомъ участія и сторонились отъ ихъ компаніи. Они дразнили ихъ бабами и съ насмѣшками спрашивали, для кого они берегутъ свою невинность. Напрасно Раевскій нѣсколько разъ съ пѣной у рта доказывалъ этой компаніи, во главѣ которой стоялъ Синявинъ и Водорослинъ, что дѣло вовсе не въ томъ, что онъ хочетъ сохранить невинность, или считаетъ ихъ образъ дѣйствій безнравственнымъ, а просто такая жизнь не можетъ ему доставить удовольствія. Ему противны и это пьянство, когда человѣкъ обращается въ животное, и эта продажная любовь, низвергающая самое святое, самое лучшее, самое возвышенное, что есть въ жизни, въ отвратительную грязную бездну. Чтобы доказать имъ, что это такъ, онъ нѣсколько разъ присоединялся къ ихъ компаніи и покидалъ всегда съ крайнимъ отвращеніемъ это ненавистное ему общество задолго до конца кутежа.

Онъ не могъ наслаждаться жизнью подобно многимъ изъ своихъ товарищей, какъ не могли наслаждаться ею Тиминъ, Бѣльскій, Немировъ, Флитъ и нѣсколько другихъ, оставшихся чистыми, юношей. Грубый порокъ внушалъ органическое отвращеніе ихъ нѣжной, мечтательной, поэтической натурѣ. Они грезили о любви, о возвышенной любви къ чистой и хорошей дѣвушкѣ, о той любви, которая захватываетъ все существо, заставляетъ забыть обо всемъ въ мірѣ и одна способна дать настоящее утѣшеніе въ жизни. Въ особенности объ этомъ мечталъ Раевскій.

Испытавъ въ девять лѣтъ чувство очень сильной любви къ своей маленькой подругѣ, онъ часто и послѣ того, уже будучи въ среднихъ классахъ гимназіи, лелѣялъ ея образъ въ своемъ сердцѣ, и ему казалось, что онъ любитъ ее съ прежней силой. Онъ лю-

билъ, конечно, не ее, а свою собственную мечту, которая замѣняла этому нѣжному и сентиментальному ребенку реальный объектъ.

Чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ жажда любви дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе, такъ что мечты уже не могли его удовлетворить, и онъ временами чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ и впадалъ въ меланхолическое настроеніе. Какъ часто онъ завидывалъ своимъ товарищамъ, у которыхъ были романы, хорошіе дѣтскіе романы съ знакомыми дѣвочками! Какъ ему хотѣлось быть на ихъ мѣстѣ, когда онъ видѣлъ ихъ возвращавшимися вмѣстѣ изъ гимназіи, весело разговаривающими и смотрящими другъ на друга глазами, полными любви! Какъ онъ сѣтовалъ на свою судьбу, лишившую его этихъ чистѣйшихъ радостей!

VII.

Будучи въ пятомъ классѣ, Володя однажды, изорвалъ классный дневникъ и былъ за это оставленъ послѣ уроковъ на два часа. Въ этотъ день отбывалъ свое наказаніе одинъ воспитанникъ шестого класса, Сенклеръ, котораго онъ зналъ только по наслышкѣ, какъ въ высшей степени любимаго своими одноклассниками, прекраснаго товарища и пользовавшагося славою силача. Въ теченіе двухъ часовъ они коротко познакомились, массу переговоровъ между собой о своихъ дѣтскихъ дѣлахъ и настолько понравились другъ другу, что съ этихъ поръ сдѣлались пріятелями и несмотря на то, что были въ разныхъ классахъ, каждую перемену ходили и разговаривали вмѣстѣ. Въ глубинѣ души Раевскій былъ очень гордъ сознаніемъ, что съ нимъ подружился одинъ изъ „самыхъ сильныхъ“ и проводить время съ нимъ, младшимъ по классу —

происшествіе, неслыханное въ гимназіи. Но, конечно, этой гордости онъ никому не позволялъ замѣтить, а, наоборотъ, дѣлалъ видъ, что ему рѣшительно все равно, кто такой Сенклеръ, пятиклассникъ или второклассникъ, сильный или слабый,—съ него достаточно, что онъ его другъ. Онъ познакомилъ Сенклера съ своими закадычными друзьями Бѣльскимъ и Немировымъ, и скоро эта компанія сдѣлалась настолько неразлучной, что вошла въ пословицу у учителей и гимназистовъ. Разумѣется, дружба съ Сенклеромъ принесла громадную пользу всѣмъ остальнымъ членамъ кружка, такъ какъ обезпечивала имъ полное уваженіе со стороны старшихъ классовъ, для которыхъ Сенклеръ былъ своего рода кумиромъ. Дѣйствительно, это былъ въ высшей степени симпатичный мальчикъ. Высокаго роста, прекрасно сложенный, онъ былъ бы очень красивъ, если бы не одинъ недостатокъ, который очень портилъ его прекрасное лицо: онъ былъ очень курносъ. При его ласкающихъ голубыхъ глазахъ, глубокихъ, какъ море, высокомъ лбѣ, точно выточенномъ изъ мрамора, красивыхъ чувственныхъ, но не очень полныхъ губахъ, тонко очерченномъ энергичномъ подбородкѣ, этотъ маленькій вздернутый носъ казался чѣмъ-то чуждымъ, посаженнымъ на этомъ мѣстѣ по недоразумѣнію или ради злой шутки неумолимою природою. Старинная французская кровь смѣшалась здѣсь, вѣроятно, съ кровью какихъ-нибудь некрасивыхъ славянъ или германцевъ, и эта смѣсь дала въ результатъ Аполлона съ носомъ Готтентота. Самъ Сенклеръ зналъ свой недостатокъ, и трудно повѣрить, до какой степени онъ сильно заставлялъ его страдать. Одно упоминаніе о его носѣ заставляло его краснѣть и чувствовать неловкость. Если же его пробовали имъ дразнить, онъ выходилъ изъ себя и въ гнѣвъ

могъ жестоко избить своего обидчика. Но это былъ единственный, кажется, пунктъ, по поводу котораго онъ могъ вообще сердиться. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ это былъ добрейшій въ мірѣ мальчикъ, готовый сдѣлать все для другихъ, не имѣющій ни малѣйшаго представленія объ эгоизмѣ, и потому любимый всѣми, кто только зналъ его. Онъ во многомъ сходился съ Раевскимъ, а потому такъ скоро и подружился. Сенклеръ былъ такъ же болѣзненно самолюбивъ, какъ и Раевскій. Такъ же, какъ онъ впечатлителенъ и сентименталенъ и такъ же взбалмошенъ и шаловливъ.

Эта дружба продолжалась уже около года, ограничиваясь, однако, бесѣдами въ стѣнахъ гимназіи и рѣдкими прогулками въ Лѣтній садъ, когда Сенклеръ однажды, грустный и печальный, объявилъ своимъ товарищамъ, что его берутъ изъ гимназіи и отдають въ Пажескій корпусъ. Отецъ Сенклера, старый боевой генералъ, предки котораго эмигрировали въ Россію во время первой французской революціи и съ тѣхъ поръ неизмѣнно подвизались на военномъ поприщѣ, достигая высокихъ должностей, не пожелалъ допустить, чтобы его единственный сынъ измѣнилъ этому правилу и семейнымъ традиціямъ. Если онъ отдалъ его въ гимназію, то только потому, что не хотѣлъ помѣщать его въ закрытое учебное заведеніе, что въ корпусѣ являлось почти неминуемымъ. Но теперь нѣжный возрастъ прошелъ, времени терять больше нельзя было, къ тому же генералъ находилъ, что въ гимназіи очень скверный духъ, нѣтъ никакой дисциплины, которая, по его мнѣнію, являлась однимъ изъ элементовъ хорошаго воспитанія, и гимназическая обстановка дѣйствуетъ развращающе на сына. Поэтому онъ рѣшилъ, не откладывая, перевести сына въ Пажескій корпусъ и, послѣ

непродолжительнаго спора съ женой, женщиной, превосходившей его по уму и развитію разъ въ десять, сторонницей мирной карьеры, рѣшеніе это вылилось въ окончательную форму и было сообщено Сережѣ. На него не произвело это особеннаго впечатлѣнія, такъ какъ отецъ всегда говорилъ, что гимназія — это временная станція, послѣ которой его ждетъ уже настоящая дорога, и чувство грусти появилось только при воспоминаніи о Володѣ Раевскомъ и другихъ гимназическихъ друзьяхъ. Однако, и эта грусть нѣсколько парализовалась мыслями о красивомъ мундирѣ, завидномъ положеніи пажа, которое, конечно, нельзя было сравнить съ положеніемъ гимназиста. Къ тому же, въ Пажескомъ корпусѣ воспитывался его большой пріятель, кузень, графъ Рибо, который много рассказывалъ ему о хорошихъ товарищахъ въ корпусѣ, о веселой жизни, которую они ведутъ и о томъ чувствѣ дружбы, которое всѣхъ ихъ связываетъ. Въ концѣ концовъ, тамъ могло быть и не такъ уже скверно. Пожалуй, лучше даже, чѣмъ въ гимназіи. И Сережа Сенклеръ совершенно примирился съ перемѣной мирной жизни на военную.

Его друзья, гимназисты, были опечалены гораздо больше и нисколько не скрывали этого. Раевскій сталъ уговаривать его, доказывая, что идти на военную службу глупо, безразсудно и недостойно порядочнаго человѣка.

— Ну, ты говоришь ерунду, — возразилъ ему Сенклеръ. — Почему же быть военнымъ такъ плохо? Значить, мой отецъ, по твоему, тоже непорядочный человѣкъ?

— Я не говорю ничего про твоего отца, но скажи пожалуйста, ты знаешь, для чего существуютъ военные?

— Какъ, для чего? для того, чтобы защищать отечество?

— Ну, да, а какими средствами?

— Ну, я не знаю, чортъ ихъ тамъ знаетъ... сражаться, воевать...

— Значить, убивать. Убивать другихъ совершенно неповинныхъ и незнакомыхъ тебѣ людей! Удивительно почтенная дѣятельность. Этакая подлость!

— Я могу не идти на войну... мало ли есть должностей. Наконецъ, могу изъ корпуса перейти въ какое-нибудь другое учебное заведеніе. Однимъ словомъ, это уже рѣшено. Худо ли, хорошо ли, но это такъ.

— Это досадно. Значить наша компанія разстроится.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—живо возразилъ Сенклеръ.— Вы будете приходить ко мнѣ по воскресеньямъ, и мы будемъ проводить цѣлый день вмѣстѣ. Я вовсе не хочу съ вами разставаться.

Но Раевскій смутно предчувствовалъ, что уже это будетъ не то. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ общность интересовъ и одно учебное заведеніе, и ничто до такой степени не отдѣляетъ, какъ отсутствіе общихъ интересовъ, несходство мнѣній и вкусовъ. Раевскій чувствовалъ отвращеніе ко всему военному, а для Сенклера все военное должно было скоро сдѣлаться роднымъ.

Въ концѣ апрѣля Сенклеръ держалъ повѣрочные экзамены по нѣкоторымъ предметамъ въ шестой классъ Пажескаго корпуса и былъ принятъ. Онъ былъ очень счастливъ и доволенъ и явился въ гимназію въ блестящемъ золотомъ мундирѣ. Товарищи тотчасъ же его обступили, съ завистью смотря на его бравый военный видъ и на то, какъ директоръ и инспекторъ пожали ему руку. Этой чести удостоивались только окончившіе или ушедшіе по какимъ-либо обстоятельствамъ изъ гимназіи воспитанники.

Сенклеръ пришелъ звать своихъ друзей въ это воскресенье къ себѣ въ гости.

— Приходите,—говорилъ онъ.—У насъ никого рѣшительно не будетъ. Мама съ папой уѣдутъ въ театръ, а я скажу сестрѣ, чтобы она пошла къ какой-нибудь подругѣ. Намъ никто не будетъ мѣшать.

— Нѣтъ, къ чему же это?—сказалъ поспѣшно Раевскій—пожалуйста, не дѣлай этого! Иначе я не пойду. Зачѣмъ же стѣснять твою сестру. Надѣюсь, вѣдь, мы не будемъ дѣлать ничего такого, что могло бы ее сконфузить.

— Ну, конечно,—засмѣялся Сенклеръ.—Во всякомъ случаѣ приходите, я васъ жду... Да пораньше, — прибавилъ онъ, уходя черезъ широко растворенную предъ нимъ швейцаромъ дверь и небрежно давая ему рубль.

— Сенклеръ начинаетъ пріобрѣтать уже пажескія замашки, — сказалъ Раевскій Бѣльскому, идя вмѣстѣ съ нимъ въ классъ.—Ты замѣтилъ тотъ видъ, съ которымъ онъ далъ швейцару на чай? Я боюсь, что онъ скоро испортится.

Но Бѣльскій о чемъ-то задумался и ничего не отвѣтилъ. Только когда они минутъ десять неподвижно просидѣли въ классѣ надъ книгами, Бѣльскій вдругъ сказалъ, какъ бы отвѣчая на занимавшую его мысль:

— Интересно будетъ познакомиться съ его сестрой.

— Представь себѣ, я тоже объ этомъ думалъ! — вскричалъ Володя.

— Моя сестра знакома съ ея подругами и говорила мнѣ, что она поразительно красива и добра, какъ ангелъ.

— Они помолчали, тяжело вздохнули, посмотрѣли другъ на друга и улыбнулись, угадывая, вѣроятно, тревожившія ихъ мысли.

— Когда же мы пойдемъ? въ которомъ часу? — спросилъ Раевскій.

— Приходи за мной въ семь и вмѣстѣ пойдемъ.

Оба друга ожидали назначеннаго дня съ одинако-

вымъ нетерпѣніемъ. Ихъ волновало и радовало, конечно, не посѣщеніе своего бывшего товарища само по себѣ, а связанное съ этимъ посѣщеніемъ знакомство съ его сестрой, гимназисткой четвертаго класса, о которой оба они много думали. Раевскій смутно рисовалъ себѣ ея воображаемый образъ и въ глубинѣ души надѣялся, что, быть можетъ, его мечтамъ суждено исполниться.

Когда настало воскресенье, Володя, надѣвъ свой чистенькій мундиръ съ серебряннымъ галуномъ и ослѣпительной бѣлизны воротникъ, зашелъ за Бѣльскимъ, котораго засталъ также за совершеніемъ своего туалета. Онъ стоялъ предъ зеркаломъ и старательно приглаживалъ волосы наверхъ жесткой щеткой. Но всѣ его усилія сдѣлать себѣ модный бобрикъ разбивались, какъ о каменную гору. Непонятная строптивость его короткихъ пепельныхъ волосъ была такова, что дѣлала его голову похожей на дикобраза. Онъ въ полномъ отчаяніи обратился къ вошедшему Володѣ:

— Послушай, я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я цѣлый часъ стараюсь ихъ пригладить, и ничего не выходитъ. Прямо противно смотрѣть.

— Да... согласился Раевскій. — Я тебѣ совѣтую не кокетничать и вернуться къ прежней прическѣ. И поторопись, потому что мы опаздываемъ. Неловко явиться первый разъ въ домъ въ десятомъ часу.

Бѣльскій засуетился, Раевскій насмѣшливо смотрѣлъ на него, и непріязненное чувство какой-то досады на это смѣшное стремленіе придать себѣ необыкновенный видъ, поднялась въ немъ противъ друга. Онъ сказалъ съ легкимъ раздраженіемъ:

— Что ты собираешься, словно на балъ? Смѣшно даже.

Бѣльскій внезапно остановился посреди комнаты удивленный его недружелюбнымъ тономъ, и, завязывая галстухъ, пристально посмотрѣлъ на него.

— Эге, голубчикъ! Да ты, кажется, уже ревнуешь. Чортъ возьми, какой ты ревнивый. Ну, кажется я не стану тебѣ поперекъ дороги. Я не люблю кисейныхъ барышень, ходячихъ невинностей, а m-ле Сенклеръ, кажется, именно, такая. Вѣроятно, я уступлю тебѣ поле битвы безъ боя.

Раевскій улынулся. „А, вѣдь, пожалуй, онъ правъ. Я золь, потому что начинаю ревновать. Какъ это глупо!“ И онъ сказалъ, громко смѣясь:

— Да, ты правъ. Какой я дуракъ.

Они вышли изъ подъѣзда при яркомъ свѣтѣ луны, смѣшивавшимся съ остатками еще не совсѣмъ угасшаго апрѣльского дня. Мостовыя и тротуары были сухи и чисты, на улицахъ сновала оживленная толпа, и они рѣшили пройти къ Сенклерамъ пѣшкомъ отчасти потому, что они жили очень близко, отчасти, руководствуясь желаніемъ отдалить на нѣсколько мгновений такъ долго ожидаемый моментъ. Они свернули съ Итальянской на Надеждинскую и прошли молча до Озернаго переулка, въ которомъ находился двухъ этажный домъ-особнякъ Сенклеровъ. Не безъ волненія Раевскій дернулъ ручку звонка у подъѣзда, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли каменные львы, оскаливъ зубы и грозно поднявъ правую лапу. Лакей отворилъ имъ двери, и, войдя въ переднюю, они сразу же почувствовали себя окруженными какою-то особою атмосферою роскоши, которая такъ страшно поражаетъ непривычныхъ къ ней людей, воспитанныхъ въ обыденной буржуазной обстановкѣ, заставляетъ ихъ робѣть и налагаетъ на нихъ отпечатокъ какой-то отчужденности. И Раевскій и Бѣльскій знали, что Сенклеры богаты, но ни тотъ, ни другой не ожидали встрѣтить ничего подобного и, разумѣется, какъ дѣти, мало бывшіе въ обществѣ, были очень непріятно поражены.

Однако, они оба хорошо понимали, что то общество богачей и аристократовъ, въ которое они вступали, не прощаетъ удивленія и восхищенія предъ непривычной обстановкой. Поэтому они старались скрыть свое волненіе и принять такой беззаботный видъ, какъ будто они родились и выросли среди подобной же роскоши. Оба мальчика поднимались по лѣстницѣ, убранной широкимъ ковромъ, когда слышали на верху нѣжный дѣтскій голосъ, говорившій:

— Сережа, иди встрѣчать. Къ тебѣ пришли твои товарищи.

И вслѣдъ за этимъ имъ навстрѣчу кинулся съ радостнымъ восклицаніемъ Сенклеръ. Онъ, дѣйствительно, былъ очень радъ товарищамъ, и мальчики сразу же почувствовали себя тепло и хорошо отъ этого радушія, несмотря на то, что отъ тяжелыхъ бархатныхъ портьеръ, шелковыхъ занавѣсей, тканыхъ обоевъ и драгоцѣнныхъ гобеленовъ на нихъ вѣяло холодомъ богатства.

— Какъ я радъ, что вы пришли, наконецъ!—говорилъ Сережа, обнявъ одной рукой Раевского, бывшего на цѣлую голову ниже его, а другой дружески похлопывая по спинѣ Бѣльскаго.—Только, что это вы такъ поздно? И къ чему вы нарядились такъ, въ мундиры?—Ну, пойдите ко мнѣ, а то тамъ у сестры собрались ея подружки. Онѣ намъ будутъ мѣшать. И онъ увлекъ ихъ черезъ великолѣпный кабинетъ и нѣсколько богато убранныхъ комнатъ въ свою комнату, гдѣ горѣла спускавшаяся съ потолка электрическая люстра и освѣщала большую комнату, стѣны которой были завѣшаны богатыми коврами съ блестящимъ на нихъ оружіемъ и большой круглый столъ, около котораго сидѣли два какихъ-то пажа, очевидно, новыхъ товарища Сенклера.

Одинъ изъ нихъ, высокій и неуклюжій, съ большимъ

мясистымъ носомъ и губами, съ глупыми на выкатѣ глазами, сидѣлъ въ разстегнутомъ мундирѣ и, откусывая своимъ громаднымъ, походившимъ на какую-то пещеру, ртомъ кусокъ яблока, дико гоготалъ, держась рукой за погонъ другого пажа, небольшого, изящнаго и красиваго блондина, съ нѣсколько утомленнымъ, пошлымъ выраженіемъ лица, носившаго уже явные слѣды безсонныхъ ночей и развратнаго образа жизни, но еще не имѣвшаго ни малѣйшихъ признаковъ растительности. Онъ слегка улыбался концами губъ тому, что рассказывалъ товарищъ, рассматривая своими холодными сѣрыми глазами свои выхоленные руки. Они не слышали шаговъ, вошедшихъ, заглушенныхъ мягкимъ пушистымъ ковромъ, и Раевскій могъ слышать конецъ разговора.

— Какой ты дурень,—говорилъ красивый, прерывая гоготаващаго товарища.—Неужели ты думаешь, что такъ трудно соблазнить вполнѣ порядочную женщину или дѣвушку. Охъ, эти порядочныя женщины! Я имѣлъ ихъ на своемъ вѣку по крайней мѣрѣ двадцать пять... Всѣ они невинны, какъ ангелъ, до поры до времени, но стоитъ только во время обнять ихъ хорошенько, или притиснуть въ темномъ углу и готово. Я готовъ на пари, что любую дѣвушку, вполнѣ невинную, изъ нашего общества, буду имѣть, если захочу, втеченіе двухъ недѣль.

Товарищъ съ мясистымъ носомъ снова дико загоготалъ въ отвѣтъ на это.

— Фу, какая пошлость... и гадость,—подумалъ Раевскій.—Конечно, онъ все вретъ... но какая скотина!

— Господа,—обратился Сенклеръ, слегка сконфуженный слышаннымъ отрывкомъ разговора.—Знакомьтесь. Это мои товарищи и друзья по гимназіи, а это по корпусу. Графъ Рибо, мой кузенъ,—назвалъ онъ

красиваго блондина,—и Эллъ,—указаль онъ на обла-
дателя мясистаго носа.

Пажи тотчасъ же приняли особый свойственный имъ
видъ гордости и необычайнаго превосходства. Они
вѣжливо встали и пожали руку гимназистамъ, но вся
фигура, весь видъ ихъ, казалось, говорилъ: Мы очень
хорошо воспитаны и только благодаря этому мы по-
даемъ вамъ руку и обращаемся съ вами, какъ съ рав-
ными. Но имѣйте въ виду, что вы неизмѣримо ниже
насъ.

Наступило принужденное молчаніе, которое прер-
валъ Эллъ, желая, вѣроятно, показаться остроумнымъ.

— Хотя я и „она“,—сказаль онъ по французски, дѣ-
лая изъ своей фамиліи каламбуръ и гогоча, какъ осель,
привязанный за шею къ дереву, но я не женскаго
рода. Ха-ха... Честное слово. Вы не думайте, господа!
Я мужчина. Ты можешь это подтвердить, Генрихъ,
чортъ возьми.

— А что, развѣ возникали сомнѣнія по этому по-
воду?— совершенно серіозно спросиль Раевскій, стараясь
этимъ дать понять, что онъ вовсе не расположенъ къ
шуткамъ въ этомъ родѣ.

— Да, мы думали, что онъ женщина и покушались
на его невинность,—сказаль, презрительно улыбаясь,
Рибо, и въ глубинѣ души считая этого гимназиста не-
способнымъ поддерживать разговоръ.

Дикій гоготь Элля снова заглушилъ остроту графа.
„Какая дурацкая фамилія! подумаль Раевскій,—
какіе они оба дураки!“

— Ну, господа, рассказывайте мнѣ про гимназію.
Мнѣ ужасно интересно. Мнѣ кажется, что я уже цѣ-
лую вѣчность не былъ тамъ,—сказаль Сережа, пони-
мая, какое непріятное впечатлѣніе должна произвести
подобная бесѣда на его товарищей, и стараясь пере-

вести разговоръ на что-либо болѣе интересное.—Что Кайзерлингъ все также оретъ? Геннингъ ставить двойки? Морда щиплетъ за щеки и за шею, а Каланча отпускаетъ отъ своихъ уроковъ? Замѣтно мое отсутствіе?

Друзья стали дѣлиться воспоминаніями и гимназическими новостями, не обращая никакого вниманія на пажей, хранившихъ по прежнему презрительный и недоступный видъ. Это увлекло ихъ. Раевскій забылъ о непріятномъ впечатлѣніи отъ глупаго разговора и мало-по-малу пришелъ въ самое хорошее настроеніе. Посыпались шутки, смѣхъ. Новоиспеченный пажъ оживлялся и нѣсколько разъ, во время разсказа о какихъ-нибудь похожденіяхъ, совершенно искренно восклицалъ:

— Ахъ, какъ жаль, что меня не было съ вами!

Пажи, видя, что на нихъ и на ихъ гордый видъ не обращаютъ вниманія, встали и сказали, обращаясь по французски къ Сережѣ:

— Мы пойдемъ къ твоей сестрѣ. Тамъ весело...

Дѣйствительно, чрезъ открытыя двери изъ гостиной доносился веселый смѣхъ нѣсколькихъ дѣвичьихъ голосовъ, и иногда Володя замѣчалъ, какъ мимо двери мелькало чье-то платье.

Пажи встали, и блестя своими расшитыми сзади мундирами, вышли изъ комнаты.

Едва они вышли, какъ Сережа прервалъ разговоръ и быстро сказалъ:

— Правда, какой осель этотъ Элль. Онъ гогочетъ, какъ десять тысячъ дураковъ и говорить такой вздоръ, что слушать тошно. Я его терпѣть не могу. Но отецъ его—посланникъ въ Сербіи, и папа просилъ непременно съ нимъ познакомиться.

— Да,—согласился Бѣльскій.—Они оба мнѣ не особенно нравятся.

— Нѣтъ, что ты!—горячо запротестовалъ Сенклеръ.— Генрихъ—милѣйшій господинъ. Настоящій джентлеменъ, веселый товарищъ и очень, очень умный. Ты его очень полюбишь, когда узнаешь поближе. Онъ немного развратенъ и циниченъ, но очень милый. Это мой лучший другъ. Я очень его люблю.

Раевскій почувствовалъ, какъ что-то острое и жгучее поднялось у него къ горлу при этой аттестаціи человѣка, соблазняющаго на пари невинныхъ дѣвушекъ, и ему страстно захотѣлось доказать Сенклеру, до какой степени онъ ошибается, и какъ противенъ его другъ, графъ Рибо, но онъ сдержался и вмѣсто этого спросилъ:

— Ну, что же, въ Пажескомъ корпусѣ лучше, чѣмъ въ гимназіи?

— Какъ тебѣ сказать, — нерѣшительно произнесъ Сенклеръ. Пожалуй, чувство товарищества тамъ развито больше, чѣмъ въ гимназіи, но тамъ всѣ кругомъ ведутъ слишкомъ широкой образъ жизни, швыряютъ деньгами, и всѣ очень развратны. Пажи съ третьяго класса начинаютъ уже ѣздить къ женщинамъ...

— Но ты, конечно, не измѣнишь своимъ принципамъ?

Сенклеръ махнулъ рукой.

— Ахъ, Раевскій, какіе тамъ принципы. Природа человѣческая подчиняется одному принципу — своему желанію.

— Ну, ужъ это разсужденіе Рибо,—сказалъ Бѣльскій.

— Вовсе нѣтъ,—возразилъ задѣтый Сенклеръ. — Я совершенно не придерживаюсь взглядовъ Генриха, но, конечно, думаю, что не останусь вѣчнымъ дѣвственникомъ... И онъ принужденно засмѣялся.

— Ты знаешь... я не ожидалъ этого отъ тебя,—сказалъ серіозно Раевскій.

Изъ залы слышался женскій визгъ и хохоть, вслѣдъ за которымъ раздалось безсмысленное гоготанье Элля. Мимо открытой двери, какъ молнія, промчалась дѣвочка лѣтъ четырнадцати, а слѣдомъ за ней неуклюже и тяжело пробѣжалъ Эллъ, крича что-то ей вслѣдъ.

— Вотъ-то гогочетъ этотъ идиотъ, — промолвилъ Сережа и, вставъ со стула, сердито захлопнулъ дверь.

— Да что у васъ тамъ, какое-нибудь собраніе? — спросилъ Раевскій, въ глубинѣ души начинавшій беспокоиться, что ему такъ и не удастся познакомиться съ сестрой Сенклера и надѣясь, что этотъ вопросъ заставитъ Сережу предложить имъ пойти туда, гдѣ было, по видимому, такъ весело.

— Нѣтъ, просто, собрались у сестры подруги. Ну, и играютъ въ какую-то глупую игру.

Въ эту минуту дверь отворилась и въ комнату вошла дама, которую друзья приняли сначала за м-ме Сенклеръ, но которая оказалась просто гувернанткой. Дама обратилась къ Сережѣ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Сережа, что же вы тутъ сидите одни? Идите ко всѣмъ остальнымъ. Подруги Ани скучаютъ тамъ. Вѣдь это же неловко, — прибавила она шопотомъ. — Запольская обидится на тебя.

— Пускай обижается. Она, надѣюсь, не ко мнѣ пришла.

— Ахъ, Сережа, нельзя же такъ обращаться съ гостями.

Раевскій рѣшилъ, что насталъ подходящій моментъ вмѣшаться и сказалъ:

— Дѣйствительно, неловко, Сережа. Что же мы тебя отняли отъ всѣхъ другихъ и сидимъ здѣсь от-

дѣльно. Это неудобно. Пойдемъ туда. Они встали и пошли въ сопровожденіи гувернантки, шептавшей что-то на ухо Сережѣ.

Въ большой залѣ съ великолѣпнымъ росписнымъ потолкомъ и тяжелыми шелковыми занавѣсками на окнахъ, прекраснаго золотистаго оттѣнка, подъ цвѣтъ маленькихъ мягкихъ стульевъ, стоявшихъ по стѣнамъ все общество играло въ фанты. На стулѣ по срединѣ комнаты сидѣла дѣвочка лѣтъ четырнадцати, лицо и голова которой были закрыты небольшимъ шелковымъ платкомъ, позволявшимъ видѣть, однако, прелестную округленность плечей и ея еще дѣтскій, но граціозный станъ. Она громко смѣялась, болтала ногами, по-видимому, искренно веселясь и придумывая, что надо дѣлать толстоносому пауку, державшему у нея на головѣ свой безобразный палецъ съ отгоченнымъ треугольнымъ ногтемъ и бросавшему на дѣвочку плотоядные взгляды. Какъ только Володя вошелъ въ залъ и увидѣлъ сидѣвшую на стулѣ дѣвочку, онъ почувствовалъ, какъ сердце у него остановилось, и онъ по какому-то необъяснимому свойству своей натуры узналъ, что эта и есть сестра его товарища, о которой онъ такъ мечталъ. Отъ волненія онъ не могъ замѣтить присутствія остальныхъ гостей, которыхъ было еще двое. Одна изъ нихъ, подруга сестры Сенклера по гимназіи, Лина Герцъ, очень красивая дѣвушка съ близкимъ лбомъ, сладострастными глазами вакханки, прекрасно развитая для своихъ пятнадцати лѣтъ, увѣренная въ своей красотѣ и уже вкусившая сладость сознанія могущества своихъ чаръ надъ мужчинами. Она стояла, небрежно опершись рукою о спинку стула такимъ образомъ, что ея плечо касалось руки Элля, замиравшаго отъ этого прикосновенія и, по-видимому, совершенно не замѣчая того дѣйствія, какое

оказывала ея поза на пылкаго носатаго человѣка, готоваго млѣть и сгорать при видѣ всякой женщины. Другая—дѣвица лѣтъ восемнадцати, кузина Сенклера, Софія Николаевна Запольская, въ низко вырѣзанномъ платьѣ, открывавшемъ ея слишкомъ полныя грудь и плечи, съ красной розой, приколотой въ томъ мѣстѣ на груди, которое наиболѣе нуждалось въ прикрытіи отъ нескромныхъ взглядовъ. Она собиралась ѣхать черезъ часъ на балъ и теперь, стоя около рояля съ Генрихомъ и не принимая участія въ игрѣ малышей, какъ она ихъ называла, быстро говорила ему что-то по французски съ тѣмъ особеннымъ неестественнымъ видомъ, которыя имѣютъ глупыя женщины, когда онѣ хотятъ нравиться мужчинамъ. Она громко смѣялась, показывая свои острые, какъ у кошки, бѣленькіе зубы, метала молніи своими большими, но недобрыми глазами и, казалось, наслаждалась тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производила на Генриха. Онъ пожиралъ глазами ея открытую шею и грудь, нисколько не стараясь скрыть направленія своихъ взглядовъ и иногда затѣвалъ возню, пробуя вырвать у нея вѣеръ, только для того, чтобы при этомъ коснуться нѣсколько разъ своими руками ея рукъ. При этихъ прикосновеніяхъ огонекъ пробѣгалъ въ холодныхъ глазахъ Софіи Николаевны, и отъ ея неособенно красиваго лица вѣяло нескрываемой чувственностью. Генрихъ былъ въ нее влюбленъ, она знала это и теперь нарочно разжигала его.

Ну, господа,—обратился Сенклеръ, входя. — Прервите на минутку игру и примите насъ. Аня, иди знакомься съ моими друзьями.

Сидѣвшая на стулѣ дѣвочка быстрымъ движеніемъ откинула платокъ, и Раевскій увидѣлъ живое воплощеніе всѣхъ своихъ самыхъ затаенныхъ, самыхъ лучшихъ мечтаній. Нѣжное, мечтательно-грустное вы-

раженіе лица, олицетвореніе самой невинности, небольшой носъ съ маленькой горбинкой, цѣлая волна золотистыхъ, какъ у Гетевской Маргариты, волосъ, рассыпавшихся въ безпорядкѣ по плечамъ, и прелестные голубые глаза, глубокіе, какъ море, въ которыхъ, казалось, свѣтилась сама душа, чистая, какъ кристалъ, нетронутая и неиспорченная. Онъ смотрѣлъ, какъ очарованный на это видѣніе, застывъ на своемъ мѣстѣ, и ему казалось, что, именно, такой образъ онъ лелѣялъ въ своихъ мечтахъ, когда думалъ о своей будущей романической любви.

Въ общемъ Аня Сенклеръ напоминала своего брата, но, къ счастью, не обладала его недостаткомъ: уродливымъ носомъ. Напротивъ, ея носу могли бы позавидовать богини, вышедшія изъ подъ рѣзца Фидія.

— Здравствуйте, — сказала она Володѣ, — протягивая ему руку съ непринужденной граціей существа, незнающаго еще всей своей прелести. — Какъ мило, что вы пришли къ намъ. Сережа такъ много намъ о васъ рассказывалъ. Но теперь вы будете у насъ часто бывать, всегда. Правда? — Она наивно посмотрѣла своими прекрасными глазами въ глаза Володѣ. Онъ почувствовалъ, какъ что-то сладкое прокрадывается съ этимъ взглядомъ въ его душу. Ему сдѣлалось вдругъ такъ хорошо, такъ тепло. Онъ искренно воскликнулъ:

— О, да, да! Непремѣнно... Я такъ радъ. Если вы только позволите...

Сенклеръ представилъ ихъ другимъ барышнямъ. Лина окинула Бѣльскаго, какъ болѣе красиваго, взглядомъ куртизанки, мысленно обѣщая себѣ испробовать на немъ силу своихъ чаръ, а м-лле Запольская небрежно протянула руку гимназистамъ, едва взглянувъ на нихъ и совершенно не считая ихъ достойными какого либо вниманія.

Игра продолжалась. Толстоносому Эллю Аня приказала спѣть какойнибудь комическій куплетъ, и онъ, нисколько не смущаясь, заоралъ дикимъ воплемъ французскую шансонетку:

Au clair de la lune
Mon ami Pierrot...

Лина и гувернантка въ ужасѣ зажали уши, а Сережа шепнулъ Бѣльскому:

— Этакій дуракъ, онъ воображаетъ, что забавенъ...

— Что дѣлать этому фанту?—спросилъ Сережа въ то время, какъ Володя приложилъ свой палецъ къ милой головкѣ. Руки дрожали у него, и онъ боялся, что его волненіе будетъ замѣтно. Онъ чувствовалъ подъ своимъ пальцемъ теплоту ея головы и смотрѣлъ на маленькую ручку съ розовыми ногтями, лежавшую на колѣняхъ и мысленно прижималъ ее къ губамъ.

— Этому фанту,—сказала Аня,—быть исповѣдникомъ.

Быть исповѣдникомъ было очень весело и пріятно. Исполняющій эту роль уходилъ въ темную комнату, и къ нему туда по очереди приходили исповѣдываться всѣ участники игры.

Съ бьющимся сердцемъ онъ ушелъ въ другую комнату и сѣлъ въ темнотѣ на какой-то диванъ. „Сейчасъ сюда придетъ она,—думалъ онъ,—что ей сказать, чтобы не показаться глупымъ и смѣшнымъ? Боже мой, какая она прелесть! Можно ли быть такой прекрасной!.. Послышались легкіе шаги. „Это она“,—подумалъ Володя. Кто-то вошелъ и спросилъ шопотомъ: „Гдѣ вы, святой отецъ?“ „Да, это—она“, подумалъ еще разъ Володя и отвѣчалъ въ томъ же тонѣ: „Я здѣсь, дитя мое. Приблизься и Расскажи твои грѣхи“. Рядомъ съ нимъ кто-то сѣлъ, и онъ различилъ въ темнотѣ свѣтлыя

кудри Ани. Она сѣла такъ близко, что онъ чувствовалъ ея дыханіе и нѣжный запахъ, исходящій отъ нея. Сердце у него билось страшно. Онъ не зналъ, что сказать.

— Мы не будемъ съ вами играть,—сказала Аня.— Давайте просто поговоримъ здѣсь. Вамъ нравится Сережа?—спросила она вдругъ.

— Да, я его очень люблю. Онъ хорошій товарищъ... Я очень жалѣю, что онъ ушелъ изъ гимназіи.

— Мнѣ тоже ужасно жалко. Въ гимназіи такъ хорошо... Такіе товарищи хорошіе. Мама тоже очень хотѣла, чтобы онъ остался. Это все папа виноватъ. А въ корпусѣ такъ скверно. Товарищи какіе-то у него нехорошіе. Терпѣть не могу этого Элля. А вамъ онъ нравится?

— Нѣтъ, мнѣ онъ не нравится. Онъ, по моему, очень грубъ и... не уменъ.

— Мы, кажется, сходимся съ вами во вкусахъ. Я думаю, что мы будемъ съ вами друзьями. Мнѣ почему-то такъ кажется... А вамъ?

Непонятное волненіе стѣснило грудь Володи, и онъ проговорилъ коснѣющимъ языкомъ:

— О, если бы вы знали, какъ вы мнѣ нравитесь! Какъ бы мнѣ хотѣлось быть съ вами друзьями! Вы такая хорошая, милая...

— Нѣтъ, я вовсе не хорошая и не милая. Это не правда: вы меня плохо еще знаете. И мама, и папа говорятъ, что я хорошая до тѣхъ поръ, пока меня плохо знаютъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ быть,—вскричалъ Володя, самъ удивляясь своей горячности.

— Нѣтъ, я вамъ говорю серіозно... Такъ, смотрите-же, вы теперь должны приходить къ намъ часто, часто и мы съ вами подружмся. Хорошо? У меня мало

друзей, — продолжала она болтать, совершенно безопасно въ своей невинности опираясь плечомъ о плечо Володи. — Вотъ, моя лучшая подруга Лина Герцъ, которую вы видѣли, а потомъ еще Катя Кускова... Только я съ ними часто ссорюсь... А съ вами, если мы подружимся, мы не будемъ ссориться.

Въ эту минуту слышались шаги и грубый голосъ Эллы, который говорилъ:

— Господа, нельзя такъ долго... Это можетъ навести на подозрѣнiе.

Володя вспыхнулъ и готовъ былъ сказать какую-нибудь дерзость, но сдержался и только подумалъ: „какая грязная свинья“.

Аня проворно выбѣжала и на ея мѣсто пришелъ Элль. Володѣ сдѣлалось противно видѣть эту фигуру послѣ такой нѣжной сцены, и онъ довольно холодно спросилъ:

— Ну-съ, въ чемъ вы грѣшны, мой сынъ?
Элль отвѣчалъ:

— Я грѣшенъ, мой отецъ, въ... — и, нагнувшись къ самому уху Володи, онъ прошепталъ самую циничную мерзость.

Это было слишкомъ. Володя всталъ и сказалъ рѣзко:

— Я прошу васъ оставить эти шутки. Я не люблю говорить пошлости. Будьте приличны.

— Что такое, что такое! — бормоталъ растерянно Элль. — Что съ вами? Скажите, какая невинность! — прибавилъ онъ, уходя и, по обыкновенiю, гогоча, какъ осель.

Исповѣдь не была кончена, потому что всѣхъ позвали пить чай. Володя вошелъ, щурясь отъ свѣта, въ длинную, отдѣланную каштаномъ столовую, украшенную северскимъ фарфоромъ и серебромъ. На столѣ

лежала ослѣпительной бѣлизны скатерть и дымился самоваръ. Гувернантка сѣла разливать чай. Генрихъ сѣлъ рядомъ съ М-ле Запольской, по прежнему говоря съ ней по французски и кидая наглые взгляды за корсажъ. Бѣльскій довольно оживленно говорилъ съ Линой, обжигавшей его своими чудными глазами, а Аня рассказывала брату о томъ, какой симпатичный его товарищъ Раевскій.

Раевскій взялъ машинально предложенный ему стаканъ и сидѣлъ задумавшись, опьяненный разговоромъ съ Аней, въ которомъ онъ видѣлъ смутный залогъ будущей любви.

— Тотъ, кто меня любитъ,—говорила М-ле Запольская по французски,—обращаясь къ Генриху и откусывая своими острыми зубами тартинку съ ветчиной,—долженъ всюду за мной слѣдовать и исполнять всѣ мои прихоти. Онъ долженъ быть моимъ рабомъ.

— Онъ будетъ вашимъ рабомъ, — отвѣчалъ Генрихъ.—И въ доказательство этого онъ отправится съ вами сегодня на балъ. Хорошо?

— Это его дѣло,—кокетливо отвѣтила она, дѣлая послѣдній глотокъ чаю и вставая изъ-за стола.

— Вы меня простите, М-ле Луиза,—обратилась она къ гувернанткѣ,—но мнѣ уже пора ѣхать. Прощай, Аня!

Она простилась со всѣми и, шурша шелковыми юбками, спустилась внизъ. Пажи тоже стали прощаться.

— А вы куда собрались? — спросилъ Сережа, не особенно, впрочемъ, сожалѣя объ ихъ уходѣ.

— Я ѣду на балъ,—отвѣтилъ Генрихъ, — а куда Элли ѣдетъ,—я не знаю.

— Какъ не знаешь? Я тоже съ тобой... Вмѣстѣ.

Выраженіе неудовольствія промелькнуло на лицѣ

Рибо, но онъ отвѣтилъ довольно равнодушно: — Какъ хочешь. Поѣдемъ, пожалуй...

Они ушли. Изъ передней еще раза два донесся дикій хохоть Элля, а потомъ все смолкло.

Какъ только они уѣхали, Володя почувствовалъ себя почему-то замѣчательно хорошо. Ему показалось, что что-то, стѣснявшее его, удалено, теперь онъ совсѣмъ свободенъ. Чувство неловкости совсѣмъ пропало, и ему казалось, что онъ уже давнымъ давно знакомъ и съ Аней, и съ Линой, и съ гувернанткой, и съ этой столовой. Онъ взглянулъ на Аню и подождалъ, пока она замѣтила этотъ взглядъ. Ея лучистые глаза обратились на него и опять проникли до глубины его души. Она улыбнулась и слегка покраснѣла. Тогда Володя сейчасъ-же отвелъ глаза и завелъ какой-то пустѣйшій разговоръ. Ему страстно хотѣлось послѣ того взглянуть на дорогое лицо, но онъ не рѣшился это сдѣлать, опасаясь еще разъ вызвать на немъ краску стыда.

Взглянувъ нѣсколько разъ на Бѣльскаго, Раевскій замѣтилъ, что онъ былъ очень оживленъ. Щеки его покраснѣлись, онъ громко и весело смѣялся, и въ его глазахъ Володя могъ прочесть искреннее удовольствіе и восхищеніе. Не будучи въ такой мѣрѣ поэтомъ и романтикомъ, какъ Раевскій, онъ, однако, тоже мечталъ о нѣжной любви, сладкихъ вздохахъ, милыхъ глазахъ и дружескихъ пожатіяхъ рукъ, хотя и подсмѣивался иногда надъ сентиментальными грезами своего друга. Теперь хорошенькая пятнадцатилѣтняя Лина совсѣмъ его очаровала, и онъ, замѣчая пыливый взглядъ Володи, устремленный на него, загадочно улыбался ему одними глазами. Съ чуткостью всѣхъ влюбленныхъ Володя сейчасъ-же сообразилъ, что Лина произвела большое впечатлѣніе на Бѣльскаго. Они весело разговаривали, сидя за столомъ. Гувернантка ушла къ себѣ

въ комнату, гдѣ погрузилась въ чтеніе романа Марлита и они остались, не стѣсненные больше ничѣмъ присутствіемъ, свободные, радостные этой свободѣ,—неиспорченные, милые дѣти.

Сперва разговоръ вертѣлся на обыкновенной темѣ всѣхъ учащихся: на гимназіяхъ и учителяхъ. Всѣ ученики обладаютъ всегда страстнымъ любопытствомъ ко всему тому, что такъ или иначе касается ихъ воспитателей и учебного персонала. Володя, очень остроумный и веселый юноша,—когда былъ увѣренъ, что всѣ собесѣдники относятся къ нему хорошо,—разсказывалъ разныя исторіи изъ гимназической жизни. Бѣльскій по его просьбѣ передразнивалъ учителей, заставляя Сережу, Аню и Лину покатываться отъ смѣха. Поились воспоминанія изъ совмѣстнаго времяпрепровожденія въ гимназіи. Дѣвочки тоже замѣтно оживились и съ жадностью прислушивались къ разсказамъ объ этой столь интересной для нихъ жизни мальчиковъ, которой они совершенно не знали, и о которой, быть можетъ, думали хуже, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Потомъ Сережа перешелъ на корпусъ, и въ его разсказахъ о товарищахъ, дежурныхъ офицерахъ и учителяхъ проскальзывала нотка недовольства и разочарованія. Въ концѣ концовъ, когда они совсѣмъ уже развеселились и чувствовали себя такъ, какъ будто были уже знакомы Богъ знаетъ сколько времени, Сережа хлопнулъ по плечу Володю и, вставая изъ-за стола, сказалъ въ порывѣ откровенности:

— Ахъ, Володя, я все-таки ужасно жалѣю, что ушелъ изъ гимназіи. Тамъ было гораздо лучше.

— Еще бы!—горячо воскликнула Аня.—Въ гимназіи у тебя были такіе хорошіе товарищи... И она посмотрѣла на Володю своими прекрасными глазами.

— Пойдемте, господа, въ залу,—сказалъ Сережа.

Вся молодежь перешла въ залу. Сережа, хорошо игравшій на роялѣ, открылъ крышку и взялъ нѣсколько вступительныхъ меланхолическихъ аккордовъ къ „Временамъ года“ Чайковского.

Эти грустные, полные нѣги звуки подѣйствовали удивительнымъ образомъ на Володю, который смотрѣлъ на Аню, сидѣвшую неподвижно около брата, и теперь уже не спускалъ съ нея глазъ, пользуясь тѣмъ, что никто кромѣ нея не могъ ихъ замѣтить. Бѣльскій съ Линой сидѣли у небольшого круглаго столика и смотрѣли какой-то альбомъ. По ихъ лицамъ видно было, однако, что ихъ мысли далеко отъ картинъ и альбома. Музыка будила въ нихъ лучшія чувства.

Володя чувствовалъ, какъ какое-то неизъяснимое блаженство созерцанія чистоты и невинности охватываетъ его и овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. Онъ не могъ оторваться отъ лица своей новой маленькой подруги, изучая малѣйшую черточку, каждую линію, которыя онъ находилъ совершенными.

„Можно ли быть такой прекрасной, такой чистой... такой доброй, думалъ онъ, по обыкновенію начиная влюбляться въ созданную имъ мечту, — могъ ли я думать, что здѣсь, въ этой аристократической обстановкѣ я найду такой цвѣтокъ! И эта дѣвушка, этотъ ангелъ мнѣ симпатизируетъ, она предлагаетъ мнѣ дружбу и, кто знаетъ, можетъ быть, полюбить!“

Какое это высшее и недостижимое счастье! Какими безконечно низкими казались ему теперь любовныя похожденія его товарищей, которыми они не разъ пытались его соблазнить. Какихъ чистѣйшихъ радостей они были лишены навсегда. И онъ отъ души жалѣлъ ихъ, считая себя счастливейшимъ человѣкомъ, вкусившимъ, наконецъ, настоящаго счастья.

Мелодія лилась. Минорные звуки внезапно смѣнились

веселымъ напѣвомъ, и вмѣстѣ съ нимъ, сладкія надежды вспыхнули въ груди у Володи, все еще смотрѣвшаго на нѣжное личико Ани. Она быстро обернулась и онъ не успѣлъ отвести глазъ. Она посмотрѣла на него долгимъ, ласкающимъ взглядомъ и привѣтливо улыбнулась. Блаженство достигло своего апогея, и Володя почувствовалъ, какъ все его существо растворилось въ этомъ блаженствѣ, которое одно замѣнило на минуту всѣ остальные чувства.

Кто любилъ чисто, горячо и искренно въ пятнадцать лѣтъ, тому знакомы эти блаженные минуты, когда сердце готово разорваться отъ радости.

— Ну, господа, давайте что нибудь дѣлать, — вскричалъ Сережа, взявъ послѣдній аккордъ и захлопывая крышку рояля.

Но ему никто не отвѣчалъ. Володѣ хотѣлось сидѣть такимъ образомъ и смотрѣть на Аню, ни о чемъ не думать, всегда, вѣчно.

Сережа заигралъ внезапно какой-то бравурный вальсъ и предложилъ потанцевать, ошибочно предполагая, что гости его скучаютъ и не знаютъ, чѣмъ заняться.

Аня подошла къ Володѣ съ слегка покраснѣвшими щеками и спросила:

— Вы танцуете? Пройдемтесь одинъ туръ.

Володѣ не хотѣлось танцевать. Онъ танцевалъ плохо, и къ тому же во время танцевъ трудно было разговаривать и нельзя было такъ безмятежно любоваться глазками и личикомъ Ани. Однако онъ согласился. Его правая рука трепетно обвила стройную талію и, ощущая близость этого милаго существа, онъ снова почувствовалъ приливъ счастья.

Бѣльскій съ Линой тоже пошли танцевать, и по лицу товарища Раевскій видѣлъ, что они очень до-

вольны своей судьбой. Лина наклонила къ его плечу свою головку и, кокетливо заглядывая ему въ глаза, говорила что - то такое, что заставляло его улыбаться и краснѣть.

Скоро Сережа, которому надоѣло играть, присоединился къ нимъ. Они составили хороводъ и носились по всѣмъ комнатамъ уже безъ музыки, чувствуя себя во власти какого - то особеннаго, заставляющаго забыть обо всемъ, веселья.

Они начали играть въ прятки, подняли такой шумъ и возню, что испуганная гувернантка, бросивъ на самомъ чувствительномъ мѣстѣ своего Марлита, прибѣжала ихъ увѣщевать. Всѣ они раскраснѣлись и разгорячились и не хотѣли слушаться.

— Давайте убѣжимъ отъ нихъ и спрячемся, — шепнула Аня Раевскому, въ порывѣ шаловливости, таща его за руку. Пусть ищутъ насъ.

— Пойдемте, пойдемте, — согласился онъ, и они, быстро пробѣжавъ нѣсколько комнатъ и коридоровъ, шмыгнули въ ванную и притаились здѣсь за дверью.

— Какъ это весело, — шептала дѣвочка, порывисто дыша, — Господи, какъ я устала. Попробуйте, какъ у меня сердце бьется. — Она взяла его руку и приложила къ своей груди. — Воображаю, какъ разсердилась бы fräulein, если бы увидала насъ здѣсь! Она и такъ говорить, что я совсѣмъ не умѣю вести себя, какъ подобаетъ барышнѣ. Правда вѣдь?

Володя не зналъ, что сказать. Ему хотѣлось крикнуть ей: „я люблю васъ“, и покрыть поцѣлуями ея руки, но онъ зналъ, что это будетъ глупо и смѣшно. Но онъ испытывалъ такое волненіе отъ этой близости милаго существа, что рѣшительно не зналъ, что отвѣтить. Онъ пробормоталъ:

— О, нѣтъ, вовсе нѣтъ.

— Нѣтъ, я, правда, не умѣю себя держать. Вѣдь, вы подумайте: мнѣ уже четырнадцать лѣтъ. Я совсѣмъ старая. Я должна быть серіозна и молчалива. Такъ, по крайней мѣрѣ, всегда говорить *fräulein*.

— Нѣтъ, будьте всегда такой, какая вы теперь, — сказалъ Володя.

Мимо нихъ пробѣжала Лина, крича: Да гдѣ же вы, Аня? куда вы дѣвались?..

— Замѣчательно милая дѣвочка Лина. Она вамъ нравится? — спросила Аня, какъ - то особенно плутовски смотря на него сбоку и улыбаясь.

— Нѣтъ, вы мнѣ гораздо больше нравитесь, — серіозно сказалъ Володя.

— Аня сдѣлалась вдругъ тоже серіозной и проговорила:

— Спасибо вамъ. Какой вы добрый! Я люблю тѣхъ людей, которые меня любятъ... Однако, пойдите отсюда, они насъ никогда не найдутъ. И она, схвативъ его за руку, быстро побѣжала въ гостиную, крича торжествующе:

— Не нашли, не нашли!..

Было уже двѣнадцать часовъ, когда Раевскій и Бѣльскій, несмотря на упрашиванья Сережи и Ани, рѣшились, наконецъ, уйти.

— Такъ смотрите же, говорила Аня, прощаясь съ Володей, въ то время, какъ онъ держалъ ея руку и нѣжно смотрѣлъ на нее. — Вы дали мнѣ слово придти въ слѣдующее воскресенье, непременно. Не обманите, смотрите!

— Я приду непременно, — серіозно сказалъ Володя, вкладывая въ эти слова все свое обожаніе.

— Конечно, приходи, — сказалъ Сережа. Проведемъ вечеръ, можетъ быть, и не весело, но все-таки пріятно, какъ сегодня. До свиданья.

Они сходили по лѣстницѣ, и Володя не спускалъ

глазъ съ верхней площадки, гдѣ стояла Аня и провожала ихъ глазами до самаго конца лѣстницы. Когда дверь за ними захлопывалась, они слышали еще сверху ея звучный голосокъ: „до воскресенья“.

Это былъ, кажется, первый день въ жизни Володи, когда онъ положительно захлебывался отъ счастья и восторга и твердилъ все время: „Боже, Боже, какъ я счастливъ. Могъ ли я надѣяться, что меня ожидаетъ такое счастье!“

Они возвращались тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ пришли къ Сенклерамъ, по улицамъ, залитымъ меланхолическимъ свѣтомъ луны, создававшимъ въ этотъ поздній часъ иллюзію заснуваго, мертваго города. Нѣсколько десятковъ шаговъ они прошли молча, такъ какъ каждый былъ погруженъ въ свои мысли. Володя прервалъ молчаніе:

— Правда, было весело? Какіе они славные люди.

— Да, дѣйствительно. Я рѣдко чувствовалъ себя такъ хорошо и тепло, какъ у нихъ... Но ты, кажется, палъ безъ выстрѣла? прибавилъ онъ, насмѣшливо глядя на своего друга.

Володя ждалъ этого вопроса, такъ какъ ему страстно хотѣлось говорить съ кѣмъ - нибудь теперь о ней, говорить безъ конца. Онъ отвѣтилъ:

— Почему - то всѣ смѣются надъ чувствами, которыя вспыхиваютъ сразу, по первому взгляду и считают ихъ непрочными. У меня въ этомъ отношеніи какая-то глупая натура. Я влюбляюсь обыкновенно до безумія съ перваго же взгляда. Ты знаешь, — прибавилъ онъ, беря подъ руку Бѣльскаго и начиная говорить съ страстною горячностью, — тебѣ можетъ показаться смѣшнымъ, считай, если хочешь, меня сумасшедшимъ, но я чувствую, что я люблю ее страстно, люблю больше жизни, больше всего на свѣтѣ...

— Нѣтъ, отчего же, — проговорилъ серьезно Бѣльскій, — я не вижу здѣсь ничего смѣшного. У тебя увлекающаяся натура. — Ты поэтъ. Поэтому то, что ты такъ страстно влюбленъ, вовсе не удивительно. Но меня удивляетъ, какъ могла на тебя произвести впечатлѣніе Аня, когда тамъ была такая прелесть, какъ Лина, въ сравненіи съ которой твоя Аня, конечно, блѣдна и неинтересна.

— Неужели ты говоришь это серьезно? Развѣ можно сравнивать ихъ? Аня — это воплощенная невинность, совершенная красота, искренность! Это — лучшее, что можетъ изобрѣсти человѣческая мечта, а Лина — самая обыкновенная смазливенькая барышня, какихъ можно встрѣтить цѣлую бездну.

— Ты говоришь, какъ влюбленный, засмѣялся Бѣльскій, — а то я заставилъ бы тебя взять твои слова обратно. По твоему, конечно, Аня это — собраніе всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ совершенствъ, а Лина — олицетвореніе пороковъ и скверныхъ качествъ.

-- Нѣтъ, я вовсе этого не говорю. Но, разумѣется, сравнивать ихъ нельзя. Неужели тебѣ Лина нравится больше Ани?

— Ну, разумѣется, Лина — живая, славная, интересная, кокетливая барышня... сложена какъ Венера...

— Фу, какія ты пошлости говоришь... ради Бога замолчи.

— Ахъ, скажите, пожалуйста! А ты, что же, влюбленъ въ чрезвычайныя душевныя качества m-lle Сенклеръ, что ли? Повѣрь, что на тебя произвелъ впечатлѣніе прежде всего и только физическій ея обликъ. Посмотрѣлъ бы я на твою фizioномію, если бы Аня вдругъ оказалась горбатой, хромою или кривою. Считалъ ли бы ты ее совершенствомъ тогда, или нѣтъ? Я думаю, что твоя любовь вылетѣла бы мгновенно, какъ

приметѣла. Да, голубчикъ, какъ это ни грустно и ни непріятно, но ты влюбленъ въ тѣло m-lle Сенклеръ, точно такъ же, какъ я влюбленъ въ тѣло Лины. Пускай это будетъ пошло, гадко, но лучше храбро сознаться въ этомъ, чѣмъ морочить себя и другихъ и видѣть святость и невинность тамъ, гдѣ есть одна чувственность.

— Что ты за гадость говоришь... Ради Бога, довольно этого! Если бы это говорилъ Синявинъ или Фельдманъ, я бы не удивился, но отъ тебя я этого не ожидалъ. Ты знаешь, даю тебѣ слово, что ни одной грязной мысли не просыпается у меня при воспоминаніи объ Анѣ. Напротивъ, мнѣ кажется, что я становлюсь лучше и чище. Я люблю ее, но люблю ее чисто, какъ можно любить ангела.

Бѣльскій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но искренность тона, которымъ были произнесены послѣднія слова, тронула его, и онъ сказалъ:

— Скажи мнѣ откровенно, тебѣ хотѣлось бы поцѣловать ее?

— Володя не ожидалъ этого прямого вопроса, который засталъ его врасплохъ. Онъ подумалъ, хотѣлъ ли бы онъ поцѣловать Аню, или нѣтъ. Да, еще бы! Это было бы высшимъ счастьемъ, которое представляется ему недосыгаемымъ блаженствомъ. Но, чтобы спасти свое чистое и хорошее чувство отъ критическихъ оцѣнокъ и переоцѣнокъ друга, онъ рѣшилъ солгать и поспѣшно произнесъ:

— Нѣтъ, вовсе не желалъ бы.

— Въ такомъ случаѣ я вѣрю тебѣ, что ты любишь чисто и духовно, хотя отказываюсь понять тебя. Я, напримѣръ, страстно хотѣлъ бы поцѣловать Лину и буду всѣмъ существомъ стремиться къ этому. Она мнѣ чертовски нравится,—прибавилъ онъ, улыбаясь. Какая у нея милая улыбка, какіе глаза. Ахъ, Володя, хорошо

любить. И какъ въ то же время это мучительно, если вспомнить, что на цѣлую недѣлю всю эту любовь надо забыть, а засѣсть за учебники, переводить разныхъ Вергиліевъ, Цицероновъ, учить Домострой и прочую ерунду.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча. Потомъ Бѣльскій, вдругъ, сказалъ:

— А знаешь, я все это ерунду поролъ про чувственность, тѣло и такъ далѣе. Любовь всегда одна и та же и всегда одинаково хороша. Вотъ ты говорилъ, что тебя любовь возвышаетъ и облагораживаетъ. Представь себѣ, что я чувствую тоже самое.

— Ну, вотъ видишь!—радостно вскричалъ Володя.

— Мнѣ хотѣлось бы теперь совершить какой-нибудь хорошій поступокъ... благородный, чтобы всѣ обо мнѣ говорили и чтобы она тоже узнала... Вытащить что ли кого-нибудь изъ воды, рискуя собственной жизнью, или спасти изъ пламени. А вмѣсто этого изволь ходить въ гимназію и дрожать надъ подстрочникомъ. Какъ это глупо и скучно...

— Да, а подумай, какъ хорошо было бы,—мечталъ Володя,—если бы мы учились вмѣстѣ съ ними. Пришли бы завтра въ гимназію, помогали бы имъ учить уроки, заботились бы о нихъ, защищали ихъ, въ перемѣны всегда гуляли бы съ ними и разговаривали. И почему это у насъ мальчики и дѣвочки учатся отдѣльно. Какъ бы это было хорошо и для насъ и для нихъ!..

— Никогда этого не будетъ,—убѣжденно сказалъ Бѣльскій,—да и не можетъ быть. У насъ слишкомъ мало учениковъ, уважающихъ женщину и смотрящихъ на нее такъ, какъ мы съ тобой. Представь себѣ только Аню или Лину на одной скамейкѣ съ Синявинымъ или съ Водорослинымъ. Чтобы изъ этого вышло?

— Да, но мы защищали бы ихъ...

Они продолжали мечтать такимъ образомъ, не останавливаясь, однако, надолго ни на чемъ, а всегда возвращаясь къ тому, что занимало болѣе всего ихъ мысли: къ своей любви. Мечты ихъ были свѣтлы и ясны, но съ оттѣнкомъ меланхоліи, которая являлась вслѣдствіе того, что они оба хорошо понимали всю несбыточность этихъ мечтаній.

Такъ начался этотъ, второй въ жизни Володи Раевского, романъ, сдѣлавшійся для него впослѣдствіи источникомъ глубочайшихъ страданій. Пожалуй, „глубочайшій“ можетъ показаться нѣсколько сильнымъ словомъ въ примѣненіи къ чувствамъ шестнадцатилѣтняго гимназиста, но не надо забывать, что сила страданій и чувствъ прямо пропорціональны впечатлительности, а въ дѣтствѣ и въ юношескомъ возрастѣ натура бываетъ во много разъ впечатлительнѣе, чѣмъ въ болѣе зрѣлые годы. Страданія дѣтства—по большей части ужасныя страданія, несмотря на то, что причины, вызывающія ихъ, кажутся взрослымъ людямъ пустыми и ребяческими...

Знакомство съ Сенклерами продолжалось и усердно поддерживалось обоими друзьями. Они познакомились съ m-me Сенклеръ, очень красивой и симпатичной дамой, нѣсколько напоминавшей выраженіемъ глазъ и прелестными линіями рта и носа свою дочь, и съ самимъ Сенклеромъ, боевымъ генераломъ, господиномъ недалекаго ума, но довольно добраго сердца. Впрочемъ, взрослые мало касались жизни дѣтей и маленькій кружокъ, составившійся изъ подругъ Ани и товарищей Сережи, былъ предоставленъ всецѣло самому себѣ. Это отозвалось въ высшей степени благотѣльно на дѣтяхъ, которыя такимъ образомъ встрѣчались другъ съ другомъ въ сторонѣ отъ всякихъ условностей, нала-

гаемыхъ присутствіемъ взрослыхъ, въ особенности когда они еще имѣютъ несчастье принадлежать къ высшему обществу. Въ короткое время дѣти такъ подружились, что трудно было найти болѣе согласную и живущую одинаковыми интересами семью. Эта хорошая дѣтская дружба была еще опоэтизирована тѣми наивными романами, которые завязались между Аней и Володей съ одной стороны и Сашей Бѣльскимъ и Линой съ другой. Эта любовь вносила еще болѣе теплоты, еще болѣе задушевности въ ихъ взаимныя отношенія. Володя чувствовалъ себя очень счастливымъ и только присутствіе Генриха и Эллы нѣсколько стѣсняло его и даже подчасъ коробило. Однако, въ концѣ-концовъ, онъ привыкъ и къ нимъ, а съ Генрихомъ даже, по просьбѣ Сенклера, перешелъ на ты, хотя, впрочемъ, не чувствовалъ все же къ нему особой симпатіи.

Они проводили время, какъ проводятъ его всѣ въ ихъ годы, когда соберутся вмѣстѣ. Играли въ разныя игры, танцевали, иногда читали вслухъ что-нибудь, а чаще всего бесѣдовали подолгу такъ искренно, такъ задушевно, какъ могутъ бесѣдовать только дѣти. Они любили эти, полныя прелести, недоговоренныя фразы, и всю ту атмосферу, которая окружала ихъ, атмосферу невинности и поэзіи.

И Генрихъ, и Элла плохо гармонировали съ этой компаніей и потому не особенно охотно посѣщали Сенклеровъ по воскресеньямъ. Если бывала m-ле Запольская, то Генрихъ уходилъ съ нею въ какую-нибудь полутемную гостиную и просиживалъ съ нею цѣлый вечеръ, причемъ оттуда все время доносился ея крикливый смѣхъ и французская рѣчь. Иногда, къ великому неудовольствію Генриха, къ нимъ присоединялся и Элла, гоготавшій на цѣлую квартиру.

Послѣ того объясненія въ любви, или скорѣе въ

дружбѣ, которое произошло въ первый же день знакомства между Аней и Володей, между ними никогда не было сказано ни одного слова о любви. Володя чувствовалъ наединѣ съ Аней какую-то непонятную робость, являвшуюся, конечно, слѣдствіемъ крайняго обожанія. Сколько разъ онъ хотѣлъ заставить себя сказать нѣсколько словъ любви, но не могъ принудить себя къ этому. Онъ кидалъ только на нее взгляды исполненные самой глубокой нѣжности, взгляды, которые, казалось, ей были понятны. Но все же онъ не могъ съ увѣренностью сказать, любить ли она его, или только считаетъ его своимъ товарищемъ и другомъ. Онъ предпочиталъ находиться въ такомъ сладкомъ невѣдѣніи, причемъ каждый фактъ заставляетъ его переходить отъ отчаянія къ той мысли, что онъ любимъ, или наоборотъ.

И онъ, казалось, былъ счастливъ, очень счастливъ...

Такъ шло время, счастливѣйшее время въ жизни Раевского. Меланхолія его исчезла, и онъ самъ удивлялся своему счастью. Въ гимназіи дѣла его шли превосходно. Онъ сдѣлался серіозенъ, хорошо занимался и удивлялъ учителей необычайной перемѣной.

Однажды Сенклеръ устраивалъ небольшой танцевальный вечеръ и пригласилъ на него еще нѣсколькихъ товарищей по гимназіи. Въ числѣ ихъ пришелъ къ Сенклерамъ и Барановъ, пріятель Володи, постоянно проводившій съ нимъ большія перемѣны. Онъ не отличался ни красотой, ни изящными манерами, ни особеннымъ умомъ, но по странной случайности обратилъ на себя вниманіе Ани, которой очень понравился.

Нечего и говорить, что онъ былъ отъ нея безъ ума.

Весь вечеръ онъ танцевалъ почти съ нею одной, не смотря на замѣчанія гувернантки, желавшей внести на этотъ дѣтскій праздникъ струю фальши и притвор-

ства, и, уходя вмѣстѣ съ Володей, который былъ слегка разстроенъ, разгоряченный и взволнованный говорилъ:

— Володя, Володя! Какой ты счастливецъ! Неужели она тебя любитъ?

Володя довольно холодно отвѣтилъ:

— Ахъ, Боже мой, я же право не знаю. Кажется, не больше, чѣмъ тебя.

Въ слѣдующее воскресенье Аня все время спрашивала про Баранова и очень просила брата пригласить его. Володя сдѣлался грустенъ, и даже нѣжные взгляды Ани не могли его развлечь. Онъ чувствовалъ, что его счастье приходитъ къ концу, что теперь придется скоро страдать.

Весь вечеръ онъ былъ молчаливъ и, первый разъ за все свое знакомство съ Сенклерами, вернулся домой въ подавленномъ настроеніи духа.

Сквозь слезы онъ видѣлъ дорогой образъ милой дѣвочки съ голубыми глазами, золотистыми кудрями, которую онъ, какъ онъ думалъ, долженъ былъ навсегда потерять. Онъ протягивалъ къ ней руки. Ему хотѣлось, чтобы она осталась здѣсь съ нимъ, навсегда, и никому другому не принадлежала. Но онъ сознавалъ, что все это однѣ несбыточные мечты, что на самомъ дѣлѣ она для него недоступна и недостижима. Его отвергнули, когда настала пора замѣнить другимъ.

Между тѣмъ, Сережа исполнилъ неоднократно повторенную настойчивую просьбу сестры и позвалъ какъ-то въ воскресенье Баранова. Онъ сидѣлъ все время около Ани, которая была очень весела, очень возбуждена и весело смѣялась, какъ тогда, когда въ первый разъ познакомилась съ Володей, только теперь, порой, въ ея смѣхѣ было что-то другое... Володя смотрѣлъ на нихъ, сердце его обливалось кровью, и онъ сидѣлъ печальный, какъ на похоронахъ. Аня почти

совсѣмъ не обращала на него вниманія, а только изрѣдка взглядывала на него, улыбаясь... Но и эта улыбка не могла его обрадовать... Онъ старался улыбнуться, но вмѣсто улыбки выходила какая-то гримаса.

— Что съ тобой?—спрашивалъ его Сережа.—Отчего ты такой скучный?

— Нѣтъ, я не скучный,—отвѣчалъ Володя, чтобы только что-нибудь отвѣтить.

При прощаньи Аня спросила его тихонько:

— Отчего вы такой нехорошій? Отчего вы сердитесь на меня?

Но онъ не нашелъ силы въ себѣ отвѣтить, такъ какъ боялся, что разрыдается, и только посмотрѣлъ на нее съ мольбой.

Когда Бѣльскій увидѣлъ его на слѣдующій день, онъ сказалъ ему:

— Послушай! А, вѣдь, дѣло - то дрянъ. Барановъ отобьетъ у тебя Аню.

— Ахъ все равно,—отвѣтилъ Володя.—Я знаю теперь, что она меня не любитъ, да и никогда не любила. Ея сердце было свободно, и очень можетъ быть, что его займетъ теперь Барановъ.

Съ этого дня счастье его закатилось и страданья начались, понемногу дѣлаясь все сильнѣе и сильнѣе, заставляя его забывать о быломъ счастьѣ. Да и было ли когда-нибудь это счастье!?

VIII.

Наступилъ мартъ. Въ сыромъ, холодномъ Петербургскомъ воздухѣ повѣяло тепломъ и весною. По улицамъ побѣжали ручьи, пролагая себѣ дорожки среди полужидкой грязной массы снѣга, смѣшанной съ лошадинымъ навозомъ. Дворники проявляли признаки лихо-

радочной дѣятельности, усиленно скалывая кирками съ мостовыхъ толстую корку смерзшагося снѣга, который они наваливали въ безобразныя кучи по бокамъ тротуаровъ, издававшія отвратительный запахъ. Но несмотря на эти внѣшнія неудобства, все-таки все радовалось веснѣ и возвращающемуся теплу.

Въ гимназіи всѣ тоже находились въ радостномъ настроеніи, глядя въ открытыя окна, въ которыя вливались потоки солнечнаго свѣта. Ученики предчувствовали приближеніе каникулъ и связанныхъ съ ними лѣтнихъ развлеченій, учителя и воспитатели предвкушали сладостный лѣтній отдыхъ гдѣ-нибудь на лонѣ природы, вдаль отъ этихъ сѣрыхъ казенныхъ стѣнъ, которыя они должны были бы очень любить, но, на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе различныхъ ненормальностей, созданныхъ ими же самими, ненавидѣли всей душой. И тѣ, и другіе подъ влияніемъ веселыхъ мыслей и хорошаго настроенія сдѣлались добрѣе и уступчивѣе. Monsieur ходилъ смѣлѣе, рѣже записывалъ въ журналъ и даже какъ будто немного порозовѣлъ, утративъ нѣсколько свое разительное сходство съ покойникомъ; Кайзерлингъ совсѣмъ пересталъ кричать и все чаще и чаще возвращался на урокахъ къ бесѣдамъ о творествѣ Вергилія, иллюстрируя эпизоды Энеиды длинѣйшими періодами. Ученики скучали, но старались вести себя лучше, и улыбка не сходила съ лица учителя. Беригъ не былъ такъ строгъ и мирился даже съ незнаніемъ отличій іоническаго и дорическаго нарѣчій. Даже Трегубовъ и тотъ сталъ ласковѣе и доходилъ даже до того, что иногда милостиво шутилъ съ своимъ исконнымъ врагомъ, Раевскимъ, забывъ всѣ его зимнія продѣлки. Впрочемъ, и гимназисты стали вести себя много лучше. Въ особенности, ученики седьмого класса,

которые были поглощены заботами и приготовлениями къ ежегодному балу, устраиваемому въ пользу бѣдныхъ товарищей. Обыкновенно всѣ хлопоты принимали на себя воспитанники VII и VIII класса, находившіе въ этомъ для себя громадное наслажденіе. Разговоры о балѣ, обыкновенно происходившемъ въ Мартѣ, начинались еще съ самой осени и служили предметомъ всевозможныхъ пререканій, иногда переходившихъ въ бурные дебаты. Этотъ балъ въ сѣрой гимназической жизни былъ солнечнымъ лучемъ, на цѣлый годъ разсѣивавшимъ скуку обыденнаго времяпрепровожденія. За мѣсяцъ же до бала начиналась уже настоящая распорядительская горячка. Гимназисты распредѣляли между собою различныя должности, сопряженныя съ устройствомъ вечера, оспаривая другъ у друга право ѣздить за артистками и отказываясь отъ обязанности продавать и контролировать билеты и показывать публикѣ мѣста.

Обыкновенно дѣло улаживалось бросаніемъ жребія.

Флитъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ и уваженіемъ среди своихъ товарищей, игралъ здѣсь видную роль и чувствовалъ себя во главѣ всего дѣла. Теперь онъ стоялъ на кафедрѣ и говорилъ классу своимъ обыкновеннымъ, дѣловымъ, спокойнымъ тономъ о необходимости выхлопотать у начальства разрѣшеніе устроить одинъ кіоскъ для продажи шампанскаго.

— Не знаю, господа, согласны ли вы, но я предлагаю объявить директору категорически, что ввиду того, что мы беремъ на себя всѣ хлопоты по устройству концерта, мы имѣемъ право на проявленіе собственной инициативы...

Флитъ говорилъ витіеватыми фразами, очень гладко, и любилъ блеснуть своимъ ораторскимъ талантомъ.

— А по моему,—быстро перебилъ его Раевскій,

вскакивая со своего мѣста, гдѣ онъ до тѣхъ поръ переводилъ Тита Ливія,—по моему, всѣ эти затѣи съ шампанскимъ совершенно излишни! У насъ бываетъ такая публика, которая вовсе не привыкла къ шампанскому, никто не будетъ его пить, и мы только потерпимъ убытокъ.

Въ глубинѣ души Раевскому было рѣшительно все-равно, будетъ у нихъ шампанское или нѣтъ, но его возмущала та покорность, съ какой съ одной стороны были принимаемы всякія предложенія Флита, и то самовластіе и увѣренность въ собственномъ превосходствѣ, которыя сквозили въ каждомъ словѣ, въ каждой фразѣ Флита. Поэтому, онъ постоянно нарушалъ гармонію въ классѣ своими протестами и тотчасъ же устраивалъ расколъ.

Точно также и теперь тотчасъ же поднялся шумъ. Гимназисты, не отдавая себѣ яснаго отчета, что, собственно говоря, лучше и выгоднѣе: имѣть шампанское на вечерѣ или нѣтъ, громко кричали, одни выражая свое презрѣніе Флиту, другіе Раевскому.

Флитъ покраснѣлъ и, посмотрѣвъ презрительно на Раевского, застучалъ пюпитромъ и крикнулъ:

— Господа, невозможно говорить всѣмъ вмѣстѣ. Выходить какой-то кабакъ. Я вовсе не настаиваю на шампанскомъ, въ особенности,—прибавилъ онъ ядовито,—если Раевскій такъ хорошо освѣдомленъ о вкусахъ той публики, которая будетъ у насъ на вечерѣ. Я замѣтилъ только, что что-бы я ни предложилъ, Раевскому все не нравится. Это, по моему, вносить расколъ и вредить дѣлу, тѣмъ болѣе такіе пустяки, будетъ шампанское или нѣтъ.—Смѣшно...

— Къ чорту шампанское!—заоралъ неистово Водорослинъ, покрывая своимъ могучимъ голосомъ крикъ и шумъ и потрясая въ воздухъ огромными кулаками.

— Къ чорту Флита!—съ громкимъ смѣхомъ закричалъ Синявинъ, всегда умѣвшій во всѣхъ эпизодахъ находить комическую сторону и какой-нибудь шуткой улаживать недоразумѣнія.

Всѣ расхохотались послѣ этого восклицанія, и даже Флитъ кисло улыбнулся и сказалъ:

— Какъ хотите, господа...

Потомъ онъ сошелъ съ кафедры, сохраняя увѣренный и гордый видъ и, подойдя къ циничному юношѣ Петрову, съ которымъ онъ былъ въ большой дружбѣ, началъ ему что-то говорить, искоса поглядывая на Раевского...

— Смотри, сказалъ ему Бѣльскій,—Флитъ тебя ругаетъ...

— А, пускай ихъ. Мнѣ рѣшительно все равно,—солгалъ Раевскій, которому было очень непріятно скверное къ нему отношеніе нѣкоторыхъ товарищей, считавшихъ его мальчишкой, безобразникомъ и неразвитымъ гимназистомъ. Къ этой партіи его ненавистниковъ, всегда прекрасно знавшихъ уроки, бывшихъ на отличномъ счету у начальства, принадлежали Флитъ, Черниловъ—маленькій быстроглазый брюнетъ, скрытный и несообщительный, и Петровъ, который, хотя и велъ себя отвратительно, но всегда какъ-то умѣлъ выходить сухимъ изъ воды. Въ рукахъ этой компаніи, считавшей себя взрослыми людьми, сосредоточивалось, главнымъ образомъ, распорядительство концертомъ, такъ какъ они еще въ началѣ года были избраны главными распорядителями.

Поэтому, когда въ классъ вошелъ Кайзерлингъ и, по обыкновенію, принялся въ длинныхъ, тягучихъ фразахъ комментировать какое-то замѣчаніе Ливія, Бѣльскій шепнулъ своему другу:

— Они злы теперь на насъ за то, что ты провалилъ

шампанское. Ты увидишь, они дадутъ намъ какія-нибудь самыя скверныя должности. Но я предупреждаю, что быть лакеемъ на концертѣ, устраиваемомъ господами Флитомъ и Петровымъ, я не желаю. Концертъ устраиваемъ всѣ мы... Правда?

Такія сцены повторялись очень часто. Изъ-за малѣйшихъ пустяковъ, касавшихся той или другой детали будущаго концерта, вспыхивала цѣлая война, всегда, однако, улаживавшаяся къ общему удовольствію.

Одинъ только разъ произошла крупная сцена между вспыльчивымъ юношей Журавлевымъ и хитрымъ и мстительнымъ полякомъ Конисскимъ, который послѣ бурныхъ дебатовъ относительно того, подносить-ли артисткамъ бутоньерки или букеты, разсердился и, выйдя изъ класса, произнесъ:

— Сволочной классъ...

Никто, конечно, не обратилъ на эту выходку особеннаго вниманія, только Конисскій, не пользовавшійся и безъ того особенно хорошей репутаціей, окончательно подорвалъ къ себѣ расположеніе, но мнительный Журавлевъ счелъ себя оскорбленнымъ въ лицѣ класса и рѣшилъ потребовать объясненій. Напрасно Раевскій, Флитъ и многіе другіе убѣждали его оставить Конисскаго въ покоѣ. Журавлевъ, желая разыграть героя, защищающаго честь класса, догналъ Конисскаго и затѣялъ съ нимъ ссору.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось-бы дѣло, если-бы ихъ разгоряченныхъ лицъ не увидалъ Инспекторъ и не развелъ-бы ихъ въ разныя стороны.

Съ тѣхъ поръ Журавлевъ и Конисскій не разговаривали.

Но это былъ единственный случай, вообще же, частые споры и несогласія не нарушали товарищескихъ

отношеній и добраго расположенія другъ къ другу гимназистовъ, жизнь которыхъ текла по прежнему среди лихорадочнаго зубренія переводовъ, списыванія въ классъ передъ урокомъ невыученныхъ словъ, рѣшенія въ перемѣну непрigотовленныхъ задачъ, подсказываній, мошенничества, обмановъ, прикрытыхъ собственной, совершенно особой, гимназической этикой.

Раевскій ожидалъ концерта съ особеннымъ, страстнымъ нетерпѣніемъ, такъ какъ съ мыслью о немъ соединялось у него воспоминаніе о самомъ дорогомъ, о самомъ близкомъ, что, какъ казалось ему въ то время, существовало на свѣтѣ, о его подругѣ дѣтства, о славной хорошей Анѣ, которую онъ любилъ и которая уже столько времени терзала его сердце, переполненное однимъ чувствомъ, одной мечтою.

Однако, чѣмъ онъ становился старше, тѣмъ яснѣе ему была вся безнадежность его стремленій и вся безвыходность его положенія.

Уже два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые познакомился съ сестрой своего друга. Мѣсяцъ за мѣсяцемъ, день за днемъ, часъ за часомъ чувство, которое внушила ему эта кудрявая головка, съ задумчивыми голубыми глазами и мягкими, какъ шелкъ волосами, укрѣплялось въ немъ, пріобрѣтая непонятную силу, порой мѣшая ему заниматься и наполняя его умъ фантастическими грезами о возможномъ счастіи; порой заставляя его глубоко страдать, отъ сознанія всей несбыточности этихъ мечтаній. Сначала онъ очень часто бывалъ у Сенклера, подолгу бесѣдуя въ кругу своихъ друзей о ничего не значащихъ, пустыхъ вещахъ, затѣмъ онъ сталъ приходить даже въ будни, когда Сережа былъ въ корпусѣ и сумѣлъ сдѣлать тѣ нѣсколько часовъ, которые онъ проводилъ вдвоемъ съ Аней, пріятными не только для себя, но и

для нея. Вотъ во время-то этихъ бесѣдъ, во время этихъ разговоровъ въ полусумракѣ надвигающагося октябрьскаго вечера, когда Аня своимъ немного грустнымъ голосомъ рассказывала ему разные эпизоды изъ своей жизни, когда она дѣлилась съ нимъ своими дѣтскими впечатлѣніями отъ прочитанныхъ книгъ, когда она порой, называя его своимъ другомъ, просила ей помочь совѣтомъ въ какомъ-нибудь ея дѣвическомъ дѣлѣ, наивномъ и откровенномъ, когда ея чистая и нетронутая душа, такая-же чистая и нетронутая, какъ синева ея глазъ, стыдливо развѣртывалась передъ нимъ, впервые предоставляя ему заглянуть въ ея формирующійся обликъ,—тогда онъ только оцѣнилъ всю прелесть этой цѣлой наивной натуры, этого нѣжнаго распускающагося цвѣтка, стыдящагося красоты своихъ ароматныхъ лепестковъ; тогда это дитя свѣта и салоновъ, оставшееся простымъ и безхитростнымъ ребенкомъ, внушало ему еще болѣе нѣжную, еще болѣе глубокую, неискоренимую любовь — одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя возникаютъ только между родственными по духу натурами, и которыя могутъ существовать только въ пору ранней юности, когда сердце открыто для всего добраго, святаго, хорошаго; тогда только къ очарованію физическому присоединялось очарованіе во много разъ сильнѣйшее, очарованіе духовное.

Въ эти немногіе, но памятные часы онъ чувствовалъ себя счастливымъ и довольнымъ и думалъ, что его лучшія мечты сбываются.

И никогда ни одного слова о любви не позволилъ себѣ произнести Володя: онъ смотрѣлъ на нее глазами полными любви, онъ старался на каждомъ шагѣ сказать ей что нибудь пріятное и какъ-нибудь выразить свою преданность. Онъ былъ счастливъ, когда

она обращалась къ нему съ какой-нибудь просьбой. Однажды, Аня просила его написать сочиненіе для одной ея подруги и дала ему маленькій клочекъ бумаги, на которомъ ея мелкимъ почеркомъ была написана тема. Съ какой радостью онъ исполнилъ это порученіе! Съ какимъ удовольствіемъ онъ работалъ цѣлый день надъ сочиненіемъ и съ какой трогательной любовью онъ спряталъ маленькій клочекъ бумаги съ ея автографомъ, на которомъ покоились ея маленькія ручки, покрывъ его передъ тѣмъ долгими поцѣлуями. Аня благодарила его, называя своимъ другомъ, и пожимала ему руку при разставаніи теплѣе и дружественнѣе, чѣмъ другимъ, а Володя долго жилъ этимъ пожатіемъ.

Но никогда онъ ничего не говорилъ ей о своей любви.

Сидя теперь, наканунѣ концерта, въ своей комнатѣ, Володя, по обыкновенію, предавался грустнымъ мыслямъ по поводу своей несчастной судьбы. Онъ мысленно перебиралъ все случившееся за послѣдній годъ.

Барановъ, этотъ довольно красивый мальчикъ, ничѣмъ особеннымъ не отличавшійся, очень часто говорившій глупости и воображавшій при этомъ, что глупость эта—чрезвычайно остроумна,—за нѣсколько часовъ заинтересовалъ Аню настолько, что она совершенно забыла своего старого друга и все вниманіе сконцентрировала на немъ. „За что же?“ предлагалъ себѣ вопросъ Раевскій, „что она въ немъ нашла? Какъ могла такая умная, такая добрая и вдумчивая барышня такъ быстро измѣнить своимъ вкусамъ?..“ И, ослѣпленный своимъ чувствомъ влюбленного, онъ готовъ уже былъ нѣсколько разъ обвинить Аню въ измѣнѣ и легкомысліи. Потомъ, онъ видѣлъ какъ съ

каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ свиданьемъ онъ отходилъ на задній планъ, а Барановъ выдвигался все больше и больше. Когда они оставались вдвоемъ, у нихъ не было уже задушевныхъ бесѣдъ, Аня просила его рассказать что-нибудь, а сама молчала или спрашивала его о Барановѣ. Ея мысли, если только онъ были вообще заняты юношами, скорѣе были заняты Барановымъ, чѣмъ Раевскимъ. И Раевскій чувствовалъ это, и каждый разъ рыданія подступали ему къ горлу, ему хотѣлось крикнуть ей:

-- За что же?

Но онъ чувствовалъ, что это будетъ глупо и смѣшно и ограничивался тѣмъ, что сидѣлъ грустный.

Потомъ невеселыя мысли стали посѣщать его чаще и чаще.

Онъ пересталъ почти совсѣмъ бывать у Сенклеровъ и на всѣ приглашенія отвѣчалъ отказомъ. Бѣльскій, продолжавшій бывать тамъ, тщетно уговаривалъ его нѣсколько разъ, но ничто не помогало.

Онъ говорилъ, что Аня скучаетъ о немъ и просить его придти, что Сенклеръ обижается на него, но самолюбивый мальчикъ, уязвленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, упрямо держался своего.

Бѣльскій рассказывалъ ему, что у Сенклеровъ догадываются о причинахъ его отсутствія и смѣются надъ нимъ, а для толстоносаго пажа все это служить неисчерпаемымъ источникомъ глупыхъ шутокъ.

Это еще болѣе укрѣпило Володю въ намѣреніи не бывать у Сенклеровъ.

Но какія мученія въ то же время онъ переживалъ отъ этой добровольной разлуки. Какъ хотѣлось ему хоть мелькомъ полюбоваться на дорогой образъ, хотя одинъ часъ побыть съ ней и поговорить, какъ прежде.

Барановъ разсказывалъ ему о своихъ встрѣчахъ съ ней, когда она возвращалась изъ гимназіи, и какимъ трепетомъ и въ то же время тоскою наполняли эти рассказы ему сердце! Уже шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ въ послѣдній разъ Аню и вотъ, теперь онъ долженъ былъ встрѣтиться съ ней на гимназическомъ концертѣ, куда она собиралась пріѣхать съ матерью и братомъ. Тамъ онъ снова ее увидить, будетъ съ ней танцовать, будетъ съ ней говорить, и кто знаетъ, быть можетъ, прошлое заговорить въ ней сильнѣе настоящаго. Быть можетъ, вновь вернется прежнее, и онъ будетъ счастливъ.

И, смотря на рисунокъ гигрометрическихъ приборовъ въ открытой передъ нимъ физикѣ Краевича, онъ мыслями былъ далеко и думалъ:

— Неужели любовь взрослыхъ, о которой говорятъ съ такимъ почтеніемъ, которую описываютъ въ тысячахъ романовъ и на тысячахъ страницъ, болѣе глубока, болѣе интенсивна, чѣмъ та, которую переживаю я и которую всѣ съ презрѣніемъ называютъ: „гимназической“, надъ которой смѣются и на которую смотрятъ, какъ на проявленіе испорченности. И какой-то внутренній голосъ говорилъ ему: „нѣтъ“.

IX

Наступилъ день концерта. Онъ долженъ былъ происходить въ залѣ Благороднаго Собранія, гдѣ уже съ давнихъ поръ всегда веселились и танцовали гимназисты въ пользу своихъ недостаточныхъ товарищей, или какъ любили шутить между собою устроители концерта „недостающихъ воспитанниковъ“. Флитъ и Петровъ, чувствовавшіе себя хозяевами вечера и распредѣлявшіе роли, поручили тремъ друзьямъ: Раевскому, Бѣль-

скому и Немирову продавать при входѣ билеты и программы. Сами же они должны были ѣздить за артистами и артистками, угощать ихъ въ артистической, пить пиво съ баритонами, рейнвейнъ съ тенорами и мускатъ люнель съ сопрано, переворачивать ноты и исполнять всѣ тѣ высокія и изящныя обязанности, для которыхъ, по ихъ мнѣнію, болѣе всего подходили именно они. Синявинъ долженъ былъ дирижировать танцами, а Фельдманъ сидѣть рядомъ съ балериной, приглашенной продавать бутонерки и цвѣты и стараться не давать ей скучать. Распорядители условились быть на мѣстѣ ровно въ 7 часовъ, и потому Володя, тотчасъ же послѣ обѣда сталъ собираться на балъ, отъ котораго ожидалъ для себя столь многого.

Онъ не любилъ никогда смотрѣться въ зеркало, потому что каждое такое созерцаніе своего изображенія укрѣпляло его въ грустной увѣренности, что онъ некрасивый мальчикъ. Онъ предпочиталъ подолгу не видѣть своего лица и, даже причесываясь, смотрѣлъ только на волосы, стараясь не увидѣть остальной части головы. Ему не нравились его губы, которыя ему казались слишкомъ толстыми, его приводилъ въ отчаяніе носъ. — неправильный и довольно большихъ размѣровъ. Глаза казались ему слишкомъ малыми и невыразительными, цвѣтъ лица черезчуръ блѣднымъ и пробивающіеся усы рѣдкими и некрасивыми. Волосы тоже не слушались его и торчали безпорядочно въ разныя стороны. Однако, теперь надо было поправить галстухъ и воротникъ мундира. Бросивъ мимолетный взгядъ на себя въ большое трюмо, стоявшее въ гостиной, онъ былъ непріятно пораженъ всей своей фігурой въ смѣшномъ куцомъ мундирѣ и какимъ то особеннымъ растеряннымъ взглядомъ. Тогда онъ надѣлъ форменную черную куртку, приколотъ на

грудь распорядительскій значекъ и, взявъ свѣчу, принялся пристально осматривать себя въ зеркало, стараясь найти такое освѣщеніе, при которомъ лицо его можно было бы назвать не безобразнымъ.

Черный цвѣтъ безусловно шелъ больше къ его матовому блѣдному лицу и его выраженіе имѣло даже какой то особый благородно суровый оттѣнокъ при освѣщеніи сбоку. Перемѣщая свѣчу налѣво и направо и слѣдя за тѣнями, измѣнившими выраженіе и блескъ глазъ, онъ приходилъ къ заключенію, что вовсе уже не такъ дуренъ, какъ это думалъ раньше. Потомъ онъ съ облегченнымъ сердцемъ потушилъ свѣчу и, надѣвъ пальто, вышелъ на улицу.

„Разумѣется, думалъ онъ, это будетъ гораздо оригинальнѣе — явиться на балъ въ черной блузѣ. Это просто и изящно и не обратитъ на себя вниманія.. Я буду стараться сохранить все время грустное и суровое выраженіе лица. Безъ сомнѣнія, Аня замѣтитъ это и, если хотя немного любитъ меня, ей станетъ жалко меня“.

Но теперь при мысли объ Анѣ ему самому стало жалко себя. Проходя мимо освѣщеннаго подъѣзда, онъ увидѣлъ тамъ барышню, лѣтъ шестнадцати, въ открытомъ голубомъ платьѣ, поправлявшую передъ зеркаломъ прическу. Около нея стоялъ студентъ и, держа въ рукѣ ея накидку, что-то говорилъ ей, улыбаясь и краснѣя. Володѣ почему-то стало еще грустнѣе при видѣ этой картины. „Почему я такъ несчастливъ, что лишенъ возможности разговаривать, вотъ такъ, съ тѣмъ, кого люблю, какъ этотъ студентъ? Почему ни одна барышня не причесывается при мнѣ въ швейцарской и не даетъ мнѣ держать своей накидки?. Боже, какъ все на землѣ не прочно!“

Ровно въ восемь часовъ трое друзей заняли свои мѣста за длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ

сукномъ, на которомъ въ красивомъ. безпорядкѣ лежали художественныя программы и афиши, нарисованныя гимназистами, и оставшіеся не проданными билеты. На серебряномъ блюдѣ Бѣльскій для приманки публики положилъ свой собственный золотой и нѣсколько серебряныхъ рублей, какъ имѣющихъ цѣлью намекнуть покупателямъ афишъ, какими, именно, монетами слѣдовало расплачиваться за программы.

На площадкахъ при каждомъ поворотѣ широкой входной лѣстницы стояло нѣсколько семиклассниковъ, которымъ, въ виду ихъ непопулярности и малаго значенія въ классѣ, была предоставлена неинтересная обязанность: контролировать билеты. Вниманіе всѣхъ обращалъ на себя своей необъятной фигурой, въ готовомъ лопнуть по всѣмъ швамъ новенькомъ мундирѣ, представитель физической силы седьмого класса, Водорослинъ. Здѣсь же стояли Ляпуновъ и Комаровъ, на лицахъ которыхъ было написано сознаніе всей важности возложенной на нихъ миссіи. Въ освѣщенномъ и красиво декорированномъ зеленомъ залѣ ожидали Крамской, Черниловъ, Конисскій и Журавлевъ, изучая номера рядовъ и стульевъ съ тѣмъ, чтобы безъ замедленія и безъ излишней суетливости отводить гостей на ихъ мѣста. Другіе товарищи были въ артистической и на сценѣ, дѣлая послѣднія распоряженія и приготовленія, устанавливая вина и закуски на столѣ въ ожиданіи артистовъ и артистокъ, которые должны были пріѣхать съ минуты на минуту въ сопровожденіи корифеевъ великосвѣтскости и изящества: Синявина, Фельдмана, Петрова и другихъ.

— Однако, господа,—сказалъ Раевскій, смотря на часы,—уже восемь часовъ, время, когда концертъ по росписанію долженъ уже начаться, а между тѣмъ нѣтъ еще ни души.

— Раньше девяти никогда не начнется... отвѣтилъ Немировъ, поднимаясь со стола и разсматривая широкую трехцвѣтную ленту съ цѣлымъ султаномъ бѣлыхъ шелковыхъ тесемокъ и серебрянымъ значкомъ.— Что это за штука и какъ она попала сюда?

— Это Синявинъ изобрѣлъ себѣ знакъ своего дирижерскаго отличія,—объяснилъ Бѣльскій,—и просилъ меня побережъ, пока онъ вернется, чтобы не помяли. Они чуть было не поссорились изъ за этой штуки съ Фельдманомъ. Въ это время къ нимъ подошелъ Баясинъ, приглашенный въ качествѣ распорядителя седьмымъ классомъ и замирающимъ отъ восторга голосомъ произнесъ:

— Пріѣхалъ Трегубовъ съ дочкой... прелесть какая хорошенькая. Я видѣлъ ее разъ въ гимназіи на лѣстницѣ...

— Я тебѣ совѣтую приударить за ней, — сказалъ Бѣльскій, смѣясь.

На лѣстницу, между тѣмъ, восходилъ величественной походкой Трегубовъ, кивая слегка на почтительные поклоны встрѣчавшихъ его гимназистовъ. Дочь его, хорошенькая черноглазая шатенка лѣтъ восемнадцати, улыбаясь, поглядывала на распорядителей, видимо стѣсняясь тѣми знаками подобострастнаго вниманія, которыми они окружали его отца. Увидѣвъ, что они явились на балъ первыми, они тотчасъ же почувствовали неловкость, какую всегда испытываютъ люди, боящіеся, что ихъ могутъ заподозрить въ отсутствіи знанія свѣтскихъ привычекъ. Дойдя до стола, гдѣ сидѣлъ Раевскій съ своими друзьями, онъ чувствовалъ необходимость сказать что-нибудь ласковое и привѣтливое и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить причину своего ранняго появленія.

— Здравствуйте, здравствуйте,—обратился онъ къ

Раевскому, протягивавшему ему одной рукой программу. Какой у васъ сегодня солидный видъ, продолжалъ онъ, улыбаясь и воображая, что говоритъ нѣчто въ высшей степени пріятное и остроумное. Вотъ, если бы и въ гимназіи вы вели себя также...

Никто ничего ему не отвѣтилъ, но всѣ лица ласково улыбнулись.

— Позвольте васъ познакомить, господа, съ моей дочерью. Любитъ танцовать. Вы ужъ позаботьтесь, чтобы она не скучала. Это ужъ я вамъ поручаю, — обратился онъ къ Водорослину, задыхавшемуся въ своемъ узкомъ мундирѣ отъ жары и собственной толщины, — вы, вѣдь, навѣрное отлично танцуете.

При этой безтактной шуткѣ нѣкоторые хихикнули. Барышня пожала протянутую руку и дала согласіе Раевскому танцовать съ нимъ вальсъ.

— Это опасный мужчина — продолжалъ острить Трегубовъ, — указывая взглядомъ дочери на Раевского, — ты будь съ нимъ осторожна.

Но и эта начальственная острота не вызвала одобренія.

— Желаете программу? — спросилъ Немировъ.

— Программу... мм... — отвѣчалъ Трегубовъ, разсматривая рисунокъ. — Это кто же рисовалъ? Вы? — промолвилъ онъ, указывая перстомъ на Немирова.

— Нѣтъ, не я... это Бѣльскій...

Ахъ, такъ вы талантъ?! а я и не зналъ этого. Сколько же это стоитъ?

— Сколько вамъ угодно, — отвѣтилъ Раевскій, по-сматривая искоса на блюдо съ золотымъ Бѣльскаго.

Инспекторъ порывлся въ кошелекъ и послѣ нѣкотораго раздумья положилъ три рубля. Потомъ онъ удалился въ залъ, считая, вѣроятно, себя въ глубинѣ души самымъ щедрымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Гимназисты переглянулись съ улыбкой, когда они ушли.

— Три рубля далъ—сказалъ Бѣльскій. — Кто бы могъ подумать. Скажите пожалуйста!

— А, правда, дочка его недурненькая? — сказалъ со сладострастной улыбкой сатира Балясинъ, обнаруживая своимъ грязноватымъ лицомъ признаки крайняго восхищенія.

— Да, ничего... грудь только слишкомъ плоска...

— Но за то какая хорошенькая ножка. Какая бѣлая шейка...

— Это ничего не значить, промолвилъ своимъ басомъ Водорослинъ. — Первое въ женщинѣ, по моему, это фигура. Не надо мнѣ красиваго лица, а пусть только она будетъ... во!—и онъ сдѣлалъ жестъ руками, долженствовававшій показать, какая, именно, должна была быть женщина, удовлетворяющая его идеалу.

Всѣ разсмѣялись. Балясинъ сообщилъ сейчасъ же нѣсколько свѣдѣній о домашней жизни, такъ что Раевскій, мысли котораго были настроены на совершенно другой ладъ, выругался даже и сказалъ:

— Что вы, господа, за пошлости городите!.. А въ особенности, ты, Балясинъ, всякую мерзость рассказываешь. Ну, откуда, ты все это знаешь?..

Между тѣмъ, публика начала съѣзжаться... Сперва появились учителя съ ихъ женами и взрослыми дѣтьми, у которыхъ такія имѣлись, потомъ явился директоръ съ супругой, встрѣченный инспекторомъ и прибывшими раньше педагогами съ умиленіемъ и восторженностью. Затѣмъ замелькали прелестныя фигуры гимназистокъ въ платьяхъ всѣхъ оттѣнковъ и цвѣтовъ съ радостными лицами, возбужденными и сіяющими при мысли о предстоящемъ весельѣ. За ними шли гимназисты всѣхъ возрастовъ въ мундирахъ съ раз-

вязнымъ видомъ хозяевъ, лицеисты, только что перешедшіе въ золотой лицей и заботливо несшіе свои высокія „собственныя треуголки“ и ослѣплявшіе зеленью своихъ „собственныхъ мундировъ“, безобразныхъ и нелѣпыхъ, лишенныхъ всякаго изящества, но считаемыхъ своими хозяевами перлами красоты. Студенты прошлогодняго выпуска, явившіеся возбуждать зависть своихъ недавнихъ говарищей восьмиклассниковъ и отбивать у нихъ дамъ и дѣвицъ, въ узкихъ гвардейскаго образца мундирахъ съ высокими воротниками, препятствовавшими совешенно повороту головы, и расходящимися, какъ у улановъ, пуговицами, со столь длинными шпагами, что онѣ задѣвали за каждую ступеньку лѣстницы и доставляли этимъ обладателямъ ихъ величайшее удовлетвореніе. Были тутъ и статскіе въ сюртукахъ и даже во фракахъ съ цвѣтами въ петлицахъ.

Цѣлая толпа маменекъ и тетушекъ явилась сопровождать сюда молодыхъ дѣвицъ, послушать концертъ и посмотреть, какъ онѣ будутъ веселиться. Многія изъ нихъ были одѣты въ некрасивыя кричащія платья, совершенно не шедшія къ нимъ и выставляющія еще больше на показъ ихъ безобразіе. Многія лица были напудрены и носили слѣды запоздалаго желанія нравиться. Дѣвицы въ открытыхъ платьяхъ съ возбужденными и раскраснѣвшимися лицами привлекали всеобщее вниманіе и подвергались всесторонней детальной критикѣ со стороны молодыхъ людей, старавшихся подойти поближе, нагло взглянуть въ лицо или прикоснуться къ обнаженному плечу. Цѣлая волна людей, одѣтыхъ въ самые разнообразные, но по большей части, безобразные костюмы, подвигалась по лѣстницѣ, храня на своихъ лицахъ соотвѣтственное случаю выраженіе, за исключеніемъ нѣсколькихъ дѣ-

вичьихъ наивныхъ фізіономій, производившихъ отрадное впечатлѣніе чего-то простого и искренняго въ этомъ собраніи неестественнаго и кривляющагося свѣта.

Володя Раевскій съ бьющимся сердцемъ слѣдилъ за каждымъ бѣлымъ платицемъ, за каждой женской головкой, появлявшейся внизу лѣстницы, надѣясь узнать въ ней ту, которая заполняла всѣ его мысли. Онъ разсѣянно принималъ деньги за билеты и программы, забывая даже иногда благодарить щедрыхъ гостей, жертвовавшихъ деньги бѣднымъ товарищамъ своихъ дѣтей полтинники и рубли и производившихъ эту операцію съ видомъ чрезвычайно самоотверженныхъ людей, отрывающихъ у себя послѣднюю копѣйку, чтобы помочь ближнему. Народу было уже такъ много, что Водорослинъ просилъ нѣсколько разъ публику не останавливаться передъ столомъ съ афишами, чтобы не мѣшать свободно входить гостямъ.

Находившіеся въ залѣ гимназисты едва успѣвали исполнять свою обязанность, указывая мѣста зрителямъ. Они проворно подбѣгали къ тучнымъ старухамъ съ толстыми животами и глупымъ выраженіемъ лица и, предложивъ имъ руку, тащили ихъ къ ихъ мѣстамъ, гдѣ онѣ въ изнеможеніи опускались на кресла и тотчасъ же начинали лорнировать публику. Они склонялись предъ молоденькими барышнями, глаза которыхъ не опускались предъ ихъ исполненными покорностью взорами и прокладывали для нихъ дорогу среди тѣсной толпы, образовавшейся въ проходахъ между стульями, и получали въ награду обворожительную улыбку, говорившую уже о нѣкоторой опытности въ общеніи съ молодыми людьми. Мужчинамъ предоставлялось самимъ находить свои мѣста, и исключеніе было сдѣлано только для директора и товарища министра, которыхъ Черниловъ торжественно провелъ

въ первый рядъ на почетное мѣсто, за которое они заплатили по пятнадцати рублей.

Около девяти часовъ среди публики, стоявшей еще на лѣстницѣ, раздались восклицанія „пріѣхала Рябинцева“ и тотчасъ же появился во всемъ своемъ великолѣпнѣи Фельдманъ, въ мундирѣ, фасонъ котораго могла измыслить только его болѣзненная франтовская фантазія, ведя подъ руку извѣстную и любимую всѣми артистку Рябинцеву, плѣнявшую публику въ продолженіе пятнадцати лѣтъ великолѣпными руладами своего восхитительнаго голоса, создавшая нѣсколько ролей въ своемъ обширномъ репертуарѣ, очаровывавшая своею красотой и изяществомъ рѣшительно всѣхъ, начиная съ гимназистовъ и кончая министрами, одно появленіе которой обезпечивало благотворительному вечеру полный сборъ.

Фельдманъ несъ въ одной рукѣ великолѣпный букетъ, приподнесенный ей гимназистами, ея ноты и легкую накидку, тогда какъ другую предоставилъ ей, на которую она слегка опиралась воздушная, граціозная, ласковая и привѣтливая. Ее привѣтствовали аплодисментами, она поблагодарила и, улыбнувшись, быстро прошла, сопровождаемая своимъ кавалеромъ въ артистическую, исчезнувъ въ узкомъ коридорѣ. Вся публика, оставшаяся еще на лѣстницѣ, ринулась поспѣшно въ залъ, гдѣ она должна была сейчасъ появиться съ нотами въ рукахъ, готовая пѣть „Voggei morig“ Тости, ея любимый романсъ, въ который она вкладывала всю прелесть своего дивнаго голоса, все очарованіе своего сильнаго и прекраснаго чувства.

Площадка, гдѣ находился столъ съ афишами, гдѣ сидѣли друзья и стояли гимназисты - контролеры, — опустѣла и воцарившаяся тишина возвѣстила начало концерта.

— Какой счастливецъ Фельдманъ, — сказалъ Бѣльскій — познакомился съ такой очаровательной женщиной!

Но Раевскій сравнилъ мысленно эту роскошную красоту оранжерейнаго цвѣтка съ нѣжнымъ изяществомъ Ани, и ему тотчасъ же стало ясно, насколько ему безразличны всѣ красавицы въ мірѣ, кромѣ одной. Ея отсутствіе беспокоило его, заставляло почти страдать, и онъ чувствовалъ, что если бы она почему-нибудь совсѣмъ не пріѣхала на балъ, онъ близокъ былъ бы къ тому, чтобы разрыдаться. Онъ жадно всматривался въ полутемную дверь швейцарской, которая была видна съ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ. Изрѣдка она еще отворялась и пропускала закутанныя въ шубы фигуры, которыя потомъ преображались въ изящныхъ барышень въ легкихъ платьяхъ, но это были все не тѣ, кого такъ жадно ждало его сердце. Наконецъ, онъ не выдержалъ и спросилъ у Бѣльскаго, стараясь придать своему голосу небрежный оттѣнокъ.

— Ты, кажется, говорилъ мнѣ, что Сенклеръ соби-
рались къ намъ на вечеръ?

— Да, — отвѣтилъ Бѣльскій, улыбаясь, — я вижу уже давно, какъ ты страдаешь. Я не понимаю, что это значить, что они не пріѣзжаютъ. Впрочемъ, вѣдь у свѣтскихъ людей считается неприличнымъ явиться куда-нибудь во время. Это, видишь ли, по ихъ мнѣнію, *mauvais ton*. Разумѣется, надо заставить себя подождать... Я думаю, что они рассуждаютъ именно такъ, и чрезъ полчаса ты ихъ увидишь.

— Ты не справедливъ, Саша, къ нимъ. Они не похожи на свѣтскихъ людей... то-есть ,вѣрнѣе, у нихъ нѣтъ смѣшныхъ недостатковъ всѣхъ свѣтскихъ людей... Неужели Аня по твоему свѣтская дѣвушка?

— Какой вздоръ, — перебилъ его Бѣльскій — повѣрь,

что Сенклеръ прежде всего, именно, свѣтскіе люди въ самомъ худшемъ смыслѣ слова. И это ихъ громадный минусъ. Я не говорю про твою Аню, но отецъ и мать любятъ чрезвычайно задавать тонъ, разыгрывать изъ себя аристократовъ...

— Послушай, Раевскій,—произнесъ молчавшій до тѣхъ поръ Немировъ, ты будешь сегодня танцевать?

— Немного придется, вѣроятно. Вотъ, прежде всего съ дочкой Трегубова.

— Постарайся понравиться ей,—сказалъ Бѣльскій—и Трегубовъ навѣрное совершенно измѣнитъ къ тебѣ отношеніе.

— Я тоже думаю... рискнуть...—продолжалъ Немировъ въ первый разъ въ своей жизни, потанцевать...

— Конечно, танцуй, убѣдительно подтвердили оба его друга. Ты себѣ представить не можешь — сказалъ Бѣльскій, подмигивая, до какой степени пріятно обнимать хорошенькую дѣвушку за талію.

— Ну, что ты за ерунду говоришь, — отвѣтилъ, засмѣявшись, Немировъ, причемъ щеки его слегка покраснѣли, и самъ онъ сконфузился.

— Господа,—произнесъ Раевскій, сосчитавъ деньги, мы набрали уже за однѣ программы больше двухсотъ рублей...

Но онъ не кончилъ фразы, такъ какъ, поднявъ глаза, увидалъ на лѣстницѣ въ десяти шагахъ отъ себя то, что ждалъ съ такимъ трепетомъ и нетерпѣніемъ. Аня шла по ступенькамъ лѣстницы въ бѣломъ открытомъ платьѣ, отдѣланномъ розовыми цвѣтами, немного не доходившемъ до полу и позволявшемъ видѣть ея красивыя ступни въ атласныхъ туфляхъ нѣжно голубого цвѣта. Но это была не та Аня, которую онъ видѣлъ полгода тому назадъ, не застѣнчивая и скромная, хотя и красивая, гимназистка въ темномъ

форменномъ платьѣ, сохранившая еще обликъ и фигуру ребенка, а блестящая свѣтская барышня во всемъ всеоружіи своей расцвѣтшей красоты, пышной и роскошной. Бѣлоснѣжная шейка, красиво отѣнен-ная золотистыми волосами, заплетенными въ двѣ косы, тонкія пропорціональныя руки, словно выточенные изъ мрамора, прелестная округленность плечей, мягкія очертанія тонкой таліи,—все это было для него неожиданностью и новостью, все это поразило его, непривыкшаго видѣть своего друга, Аню, въ такомъ пышномъ нарядѣ. Только глаза ея, голубые и глубо-кіе, какъ море, были все тѣ же добрые и привѣтли-вые, та же шаловливо-грустная улыбка свѣтилась въ нихъ и тою же святою и искреннею невинностью вѣяло отъ этой фигуры, въ которой, казалось, вопло-тилась совершеннѣйшая Маргарита.

Володя почувствовалъ, что у него потемнѣло въ глазахъ. „Что онъ скажетъ сейчасъ? что онъ сдѣла-етъ?—мелькнуло у него въ головѣ.—Что онъ будетъ отвѣчать ей, когда единственнымъ подходящимъ отвѣ-томъ съ его стороны, гармонировавшимъ вполнѣ съ его чувствомъ, было бы броситься къ ея ногамъ и цѣловать край ея платья.

Между тѣмъ, Бѣльскій пошелъ уже къ нимъ на встрѣчу и спрашивалъ m-me Сенклеръ, красивую, молодую еще женщину о причинѣ опозданія.

— Вы много потеряли, Марія Федоровна, могу васъ увѣрить. Какъ разъ поетъ теперь Рябинцева, и вы рискуете не услышать ее.

— Никакъ не могли, голубчикъ, — отвѣчала она низкимъ груднымъ голосомъ, протягивая ему для поцѣлуя руку.—Вы знаете, вѣдь, съ барышнями бѣда, въ особенности, когда онѣ ѣдутъ на вечеръ. Сегодня первый Анинъ выѣздъ... такое торжественное событіе...

Ага, вотъ и нашъ злой мальчикъ, который насъ совсѣмъ знать не хочетъ,—обратилась она къ Раевскому, дѣлая видъ, что только теперь замѣтила его. — Какъ же это вамъ не стыдно, сударь,—продолжала она, здороваясь съ нимъ.—Сереза и Аня такъ васъ ждали, такъ просили васъ придти. Какой вы злой. Я не ожидала, что вы такой злой...

Володя краснѣлъ и блѣднѣлъ подъ этими безразличными свѣтскими фразами, которыми встрѣчаютъ въ свѣтѣ самыхъ неинтересныхъ людей и говорятъ ихъ только для того, чтобы что-нибудь сказать, и глупо молчалъ, не зная, что отвѣтить.

Но предъ нимъ, смущеннымъ и жалкимъ, уже стояла Аня, протягивала ему руку и говорила:

— Здравствуйте... Почему вы на насъ разсердились? Мнѣ такъ грустно было, что вы у насъ не бываете. Какъ это не хорошо и какъ вы обидѣли своего стараго друга.

И она прибавила такъ тихо, что только онъ одинъ могъ слышать:

— Значить, вы меня совсѣмъ не любите...

Потомъ, въ сопровожденіи Бѣльскаго, предложившаго Анѣ руку, мать и дочь быстро прошли въ залу, гдѣ звучали полныя страсти и тоски звуки божественнаго сопрано Рябинцевой.

Володя сидѣлъ на своемъ стулѣ почти безъ сознанія, не понимая, что вокругъ него происходитъ. Не ослышался ли онъ? неужели, дѣйствительно, Аня только что была здѣсь, его милая ненаглядная Аня и сказала ему съ сожалѣніемъ въ голосѣ такъ, что только ему одному было слышно: „Вы меня совсѣмъ не любите“? Неужели это не сонъ, и неужели его мечты сбываются?

Внезапно волна самой бурной радости прихлынула

къ его сердцу. Значить, она его помнитъ, значить она его любитъ. Значить, все можно будетъ вернуть, и его жизнь потечетъ по прежнему.

Онъ всталъ съ своего мѣста съ блестящими глазами, съ веселымъ раскраснѣвшимся лицомъ и ему неудержимо захотѣлось чѣмъ-нибудь проявить свою веселость и радостное настроеніе.

Онъ подкрался осторожно къ Немирову и ударилъ его по затылку, потомъ подошелъ къ Бѣльскому и задулъ у него подъ носомъ свѣчку, на которой тотъ топилъ клей для марокъ благотворительнаго сбора, и крикнулъ имъ:

— Ну, старые хрычи, сидите здѣсь и караульте деньги, а я пойду слушать Рябинцеву. Потомъ онъ подбѣжалъ къ Немирову и сказалъ ему:

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ я счастливъ, Коля!.. Скажи, нравится она тебѣ или нѣтъ?..

— Да, иди, иди скорѣе,—перебилъ его иронически Бѣльскій. Мы и такъ видимъ, что ты влюбленъ, какъ кошка.

Раевскій пошелъ въ залъ, но было уже поздно. Номеръ окончился и Рябинцева удалилась, сопровождаемая бурными аплодисментами. Онъ прошелъ между рядами гимназистовъ, толпившихся въ проходахъ, раскраснѣвшихся и потныхъ съ красными отъ усерднаго хлопанья руками. Выбравшись, наконецъ, на болѣе свободное мѣсто, онъ началъ осматривать первые ряды, надѣясь найти тамъ Сенклеръ. Однако, съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, плохо было видно: большую часть второго и третьяго рядовъ скрывалъ отъ него своей массивной фигурой какой-то лысый генераль съ Андреевской лентой черезъ плечо.

Въ это время въ залѣ раздались снова аплодисменты, такъ какъ на сцену вышелъ извѣстный баритонъ

Вецъ, по профессіи докторъ, но промѣнявшій ее сначала на карьеру драматическаго артиста, а впослѣдствіи пѣвца. Къ сожалѣнію небольшой ростъ и отсутствіе сценической внѣшности помѣшали этому талантливому пѣвцу занять подобающее ему мѣсто, и онъ пѣлъ по преимуществу на маленькихъ частныхъ сценахъ.

Въ этотъ разъ онъ былъ особенно въ голосѣ, что было замѣтно по первымъ взятымъ имъ нотамъ романса Вольффрама изъ Тангейзера. Володя облокотился о колонну и не спускалъ глазъ съ пѣвца, упиваясь прекрасными звуками его голоса. „Вечерняя звѣзда“ какъ нельзя больше подходила къ его настроенію, и онъ весь проникся какимъ-то особеннымъ экстазомъ, когда Вецъ, подъ звуки нѣжнаго аккомпанеента, пропѣлъ эту фразу:

„Восходишь ты, звѣзда любви золотая“...

— Какая глупость, — подумалъ онъ, когда пѣвецъ кончилъ, и публика, какъ одинъ человѣкъ, начала хлопать, — я, кажется, готовъ расплакаться. Неужели музыка дѣйствуетъ на меня такъ сильно?

Вецъ спѣлъ еще нѣсколько романсовъ съ прежнимъ успѣхомъ. Затѣмъ его смѣнилъ какой-то художничій юноша во взятомъ на прокатъ фракѣ, прочитавшій слабымъ голосомъ нараспѣвъ, съ большими паузами, какое-то стихотвореніе, „о блѣдныхъ лепесткахъ на груди у возлюбленной“, которому тоже слегка похлопали. Это былъ непризнанный поэтъ и декламаторъ, приглашенный участвовать въ концертъ по просьбѣ окружнаго инспектора, приходившагося ему дядей и желавшаго помочь племяннику выступить публично.

Стало скучно и жарко.

Племянникъ окружнаго инспектора вышелъ и про-

челъ еще стихотвореніе собственнаго сочиненія, повидимому, очень страшнаго содержанія, такъ какъ въ концѣ его авторъ дико вращалъ глазами, билъ себя въ грудь, прыгалъ назадъ и потомъ бросался на публику, нагнувъ голову, какъ быкъ, собирающійся поразить тореадора.

Наконецъ, онъ ушелъ и на его мѣсто вышла старая дѣва въ черномъ платьѣ, впереди которой несли столикъ и стулъ, съ книгой въ рукѣ и кроткимъ выраженіемъ на лицѣ.

„Опять читать“, — подумалъ съ тоской Володя. Ему захотѣлось уйти изъ залы, чтобы присоединиться къ своимъ друзьямъ и поболтать съ ними, и онъ уже сталъ пробираться къ выходу, но въ это время генералъ съ андреевской лентой, желавшій, вѣроятно, тоже избавиться отъ чтенія старой дѣвы, всталъ и открылъ такимъ образомъ Володѣ тѣ два ряда, которые раньше закрывалъ своей фигурой.

Володя тотчасъ же нашелъ знакомую бѣлокурую головку съ двумя толстыми косами и слегка подвитыми на вискахъ волосами. Скользнувъ взглядомъ дальше, на сосѣднія мѣста, онъ замеръ отъ непріятнаго чувства, замѣтивъ рядомъ съ Аней и съ ея матерью Баранова, который что-то съ увлеченіемъ рассказывалъ внимательно слушавшей его дѣвчкѣ съ улыбкой на губахъ.

Онъ сразу почувствовалъ, какъ все его недавнее радостное настроеніе куда-то исчезло, мгновенно испарилось и замѣнилось ноющимъ тоскливымъ чувствомъ. „Онъ опять здѣсь“ — подумалъ Володя, пробираясь къ выходу, — „очевидно, она гораздо дружнѣе и ближе съ нимъ, чѣмъ со мною. Къ чему же однако она сказала мнѣ эту фразу? Неужели это кокетство?“ И чувство горечи проснулось въ немъ. „Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ,

онъ такъ глупо велъ себя. Зачѣмъ пересталъ бывать у Сенклеровъ и далъ возможность сопернику, такому ничтожному сопернику, восторжествовать надъ собою. Разумѣется, онъ виноватъ самъ во всемъ. Нельзя все уступать и уступать.“

Назойливый голосъ старой дѣвы, читавшей что-то о голодающихъ крестьянахъ, давно всѣмъ извѣстное и не интересное, мѣшало его мыслямъ и раздражало его, пока онъ пробирался черезъ толпу. „Зачѣмъ она читаетъ эту глупость, чортъ бы ее подралъ? Лучше бы сидѣла дома и не заставляла бы всѣхъ скучать“, подумалъ онъ, выбравшись, наконецъ, изъ жаркаго зала на свѣжій, сравнительно, воздухъ.

Здѣсь было веселѣе. Водорослинъ рассказывалъ какой-то неприличный анекдотъ, и Бѣльскій весело смѣялся, смотря на Немирова, который краснѣлъ и улыбался.

— Ну, что, хорошій концертъ?—обратился онъ къ Раевкому.

— Какой тамъ хорошій! Чортъ знаетъ, какая скука. Насилу простоялъ тамъ полчаса. Какіе-то дураки читаютъ свои глупости. Я ушелъ, мнѣ надоѣло слушать. Это Флитъ пригласилъ ихъ для увеселенія публики.

И онъ мрачно сѣлъ на свое мѣсто, даже не улыбувшись на какую-то сальность, сказанную Водорослинымъ.

Друзья его оставили теперь его стеречь выручку и продавать билеты и отправились слушать концертъ. Уходя, Бѣльскій сказалъ своему другу:

— Пойду посмотрю, гдѣ сидитъ моя Линочка, а то я видѣлъ, какъ къ ней подошелъ какой-то лицеистъ и боюсь, какъ бы не очутиться въ такомъ же положеніи, какъ ты. И повернувшись къ Немирову, онъ хлопнулъ его по плечу и, смѣясь, прибавилъ:

— Женщинъ нельзя ни минуты оставлять однѣхъ безъ надзора, если только хочешь, чтобы онѣ тебя не разлюбили. Правда, вѣдь, Коля?

Но Володя слабо улыбнулся на эту шутку и, опустивъ голову на руки, задумался, совершенно забывъ объ окружающемъ. Онъ понималъ, что всѣ его надежды на возвращеніе прежнихъ отношеній съ Аней—однѣ несбыточные мечты, что онъ для нея вовсе недорогъ и не нуженъ, она его любить не болѣе, чѣмъ любить разныхъ Элль, Рибо и другихъ товарищей брата, къ которымъ она обращается съ такою же привѣтливою улыбкою, какъ къ нему, которыхъ она съ такою же ласкою убѣждаетъ навѣщать ихъ, и о которыхъ она перестаетъ думать тотчасъ же, какъ они скрываются съ ея глазъ. Ахъ, все это только старая и извѣстная исторія, общая исторія всѣхъ романовъ, которыхъ онъ такъ много читалъ въ своей жизни. Юноша, воображающій, что его любятъ только потому, что ему ласково пожали руку и сказали „мой другъ“, и строящій на этихъ эфемерныхъ признакахъ картины будущаго счастья! Теперь Аня сидитъ съ Барановымъ, лицо ея улыбается, глаза горятъ и уже, конечно, мысли ея наполнены не воспоминаніями о немъ, смѣшномъ и не красивомъ гимназистѣ. Она перестала о немъ думать тотчасъ же, какъ перевернулась къ нему спиной и исчезла за дверьми зала. Она, навѣрно, даже не замѣтила ни его убитаго вида, ни его смущенія, потому что мысли ея совершенно не заняты имъ, потому что затѣ шесть мѣсяцевъ, что они не видѣлись и въ продолженіе которыхъ онъ столько перестрадалъ и переживалъ, она ни разу даже не вспомнила о немъ, а если и вспомнила, то безъ особеннаго сожалѣнія, какъ вспоминала о знакомыхъ, отсутствіе которыхъ не оставляетъ пустого мѣста на сердцѣ. Ея слова, ея

сожалѣнія о томъ, что онъ не былъ у нихъ — лишь свѣтскій пріемъ, который она, безъ сомнѣнія, по указаніямъ матери, примѣняетъ одинаково ко всѣмъ безъ исключенія. Какъ онъ былъ наивенъ и не проницателенъ, когда думалъ, что Аня питаетъ къ нему что-нибудь больше, чѣмъ симпатію хорошей знакомой къ довольно не глупому мальчику! Развѣ она слушала его когда-нибудь съ такимъ вниманіемъ, какъ Баранова, развѣ глаза ея свѣтились когда-нибудь такимъ блескомъ, какъ теперь, когда она слушала тотъ вздоръ, который, по всей вѣроятности, рассказывалъ ей Барановъ? Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ она старается ввести его въ заблужденіе и воскрешаетъ въ немъ надежду загадочными фразами? Или все это не болѣе, какъ свѣтскіе пріемы, оправдывающіе всякую фальшь и неискренность въ угоду приличіямъ? Но неужели Аня, это чистое и безхитростное существо, можетъ не возмущаться противъ этой лжи и фальши?

— Послушай, Раевскій,—раздался вдругъ около него голосъ.—Да ты спишь, кажется, мой другъ! Мы тебя привлечемъ къ отвѣтственности за нерадивое отношеніе къ своимъ обязанностямъ.

Раевскій очнулся и поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ веселый и улыбающійся Синявинъ и примѣривалъ себѣ свою необыкновенную ленту съ султаномъ и со значкомъ. Первое отдѣленіе окончилось. Изъ открытыхъ дверей выходила публика, а изъ зала доносились бурные аплодисменты и крики.

— Что это ты, дядя, такой грустный?—продолжалъ онъ, взглянувъ на Володю.—Скучно тебѣ здѣсь сидѣть?

— Нѣтъ, я не грустный.—отвѣтилъ, улыбнувшись Володя.

— Какой не грустный! на тебѣ лица нѣтъ. Можно

подумать, что ты не на балу сидишь, въ ожиданіи танцевъ съ хорошенькими дѣвицами, а по крайней мѣрѣ, на поминкахъ, схоронивъ жену и четверыхъ дѣтей. Ну, дядя, съ какой я дѣвицей только что познакомился!.. просто прелесть... Меня Фельдманъ познакомилъ съ ней.

При всемъ своемъ грустномъ настроеніи, Раевскій не могъ удержаться отъ улыбки, зная, что сейчасъ Синявинъ начнетъ рассказывать о своихъ аристократическихъ знакомствахъ и необыкновенныхъ успѣхахъ въ любви.

— Кто такая,—спросилъ онъ—графиня или баронесса?

— Княгиня Долгова... восемнадцати лѣтъ, божественная талія, глаза, какъ два черныхъ алмаза, интересна и образована. Вчера я провожалъ ее на репетицію въ консерваторію и объяснился ей въ любви...

— Ну, и что же?

— Ну, разумѣется, она меня тоже любитъ. Завтра я приглашенъ къ нимъ на *petite soirée*. Да, дядя, пріятно быть любимымъ, хотя, чортъ возьми, еще пріятнѣе любить... но только по настоящему.

И онъ громко засмѣялся, смакуя тонкій смыслъ своего послѣдняго замѣчанія.

Ихъ бесѣда была прервана появленіемъ Кайзерлинга, въ сопровожденіи краснолицей гимназистки небольшого роста, которую онъ представилъ Раевскому и Синявину, какъ свою дочь. Она была очень похожа на своего отца, также застѣнчиво улыбалась и была также некрасива.

— Я ужъ васъ попрошу, Раевскій, — сказалъ онъ, криво улыбаясь, и отчеканивая слова точно также, какъ онъ это дѣлалъ при скандированіи латинскихъ стиховъ,—позаботьтесь, чтобы моя дѣвочка не скучала.

Она въ первый разъ сегодня на общественномъ вечерѣ, никого не знаетъ и очень стѣсняется. Такъ ужъ вы будьте ея кавалеромъ.

„Вотъ несчастье“ — подумалъ Володя, взглянувъ на неинтересную дѣвицу, но однако, учтиво отвѣтилъ:

— Ахъ, я буду очень рады!

Потомъ онъ собралъ со стола всѣ деньги, афиши и билеты, заперъ все это въ шкатулку и, передавъ ее Водорослину, предложилъ руку дочери Кайзерлинга и отправился съ ней въ залъ.

Онъ разсѣяннo занималъ шаблонными и давно надѣвшими ему разговорами свою маленькую даму, выслушивалъ съ улыбкой ея отвѣты, читалъ смущеніе въ ея открытыхъ, честныхъ, какъ у отца, глазахъ, но мыслями былъ по прежнему около бѣлокурой и хорошенькой Ани.

— Посмотрите, нашъ рыцарь печальнаго образа нашелъ наконецъ свою героиню и ухаживаетъ за ней, — услышалъ онъ около себя насмѣшливый голосъ.

Проворно оглянувшись, онъ замѣтилъ Лину Герцъ, стоявшую у колонны рядомъ съ Бѣльскимъ. Въ двухъ шагахъ отъ нихъ сидѣла Аня, обернувшаяся при словахъ, сказанныхъ Линой, и съ улыбкой смотрѣвшая на Володю.

Володя почувствовалъ, какъ кровь прилила къ его щекамъ, и какъ его снова охватило то знакомое, почти невыносимое волненіе, которое всегда овладѣвало имъ при внезапныхъ встрѣчахъ съ Аней. Однако онъ поборолъ себя и, кивнувъ головой Линѣ Герцъ, съ которой еще не видался, прошелъ мимо, продолжая разговаривать съ дочкой Кайзерлинга.

— Кто эта барышня, которая что-то вамъ сказала? спросила она его.

— Это одна гимназистка. Хорошая знакомая моего хорошаго знакомаго.

— Вы ее любите?— спросила, вдругъ, некрасивая дѣвочка, вѣроятно, думая, что этимъ вопросомъ неизбежно должно начинаться ухаживанье молодого человека за барышней.

„Какая она глупая“.—подумалъ Володя и кратко отвѣтилъ:

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ.

Онъ подумалъ, какъ бы ему отвязаться отъ своей дамы. Ему захотѣлось пойти къ Линѣ и Анѣ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ онѣ не подумали, что онъ ухаживаетъ за этой дѣвицей.

Въ это время прозвучалъ звонокъ, возвѣщавшій начало второго отдѣленія, публика начала стекаться въ залъ, и Володя, доведя m-lle Кайзерлингъ до ея мѣста, расстался съ нею, пригласивъ на туръ вальса, на что получилъ поспѣшное согласіе.

Онъ оглянулся и, увидавъ, что Лина, Бѣльскіи и Аня сидѣли на прежнемъ мѣстѣ, пошелъ къ нимъ, пробираясь между узкими рядами стульевъ, задѣвая за длинныя шпаги сидѣвшихъ студентовъ, наступая на ноги дѣвицамъ, протискиваясь съ трудомъ между колѣнями тучныхъ дамъ и ежеминутно извиняясь. Публика провожала его недовольными взглядами, но видя на его груди маленькій серебряный значекъ распорядителя, стѣснялась идти дальше этого выраженія своего неудовольствія.

— Поздравляю васъ съ одержанной побѣдой! — встрѣтила его Лина, насмѣшливо смотря на него своими глубокими глазами вакханки. Ваша новая симпатія прелестна.

Аня вскинула на него свои чудные глаза, повидимому, съ интересомъ ожидая, что онъ отвѣтитъ.

Бѣльскій, видя, что его другу непріятна насмѣшка въ присутствіи Ани, которая можетъ ее принять въ серіозъ, поспѣшилъ выручить его и сказалъ:

— Володя сегодня очень печаленъ и навѣрное не думаетъ о побѣдахъ. Къ тому же побѣды бываютъ иногда очень тяжелы и непріятны по своимъ послѣдствіямъ. А Володя знаетъ это по собственному опыту.

— Да, — отвѣтилъ Володя — могу васъ увѣрить, что ваши подозрѣнія совершенно не основательны...

— Ну, ладно, рассказывайте, — весело прервала его Лина — я видѣла, какими глазами она на васъ смотрѣла и какъ слушала то, что вы говорили.

— Признайтесь откровенно, Володя... — вмѣшалась Аня, особенно нѣжно и отчетливо называя его по имени.

— Даю вамъ слово, — горячо отозвался Володя — болѣе горячо, чѣмъ этого требовали обстоятельства, — даю вамъ слово, что никакого чувства я не питаю къ этой барышнѣ. Это дочь нашего учителя. Я только что съ ней познакомился. Онъ просилъ меня занять ее. Не могъ же я отказать. Но вы, Аня, могли бы знать — прибавилъ онъ грустно, съ особенною теплотою въ голосъ, — и безъ моего объясненія, что это такъ...

Она притворилась удивленной.

— Почему? Вы совсѣмъ забыли своихъ друзей; я, даже не знаю, остались ли вы такимъ, какимъ были раньше. Вѣдь, прошла цѣлая вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись. За это время вы могли перемѣниться. Полгода тому назадъ я не стала бы вамъ предлагать такого вопроса, но теперь другое дѣло...

Володя пробормоталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ — я не перемѣнился. Какъ вы можете думать это, Аня. Но вы...

— Я—нисколько,—возразила она живо.

Въ это время раздались аплодисменты. На эстраду вышелъ скрипачъ въ элегантномъ фракѣ съ длинными, какъ у поэта, волосами и раскланивался съ публикой. Надо было идти на свое мѣсто.

Аня вынула изъ своихъ волосъ маленькій стебелекъ ландыша и, кивнувъ головой Раевскому, незамѣтно бросила ему его. Затѣмъ она скрылась, направляясь къ своему мѣсту.

Володя такъ былъ пораженъ всѣмъ происшедшимъ, что сперва даже не имѣлъ силы радоваться. Потомъ только онъ, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ изъ залы, задѣвъ по дорогѣ какого-то генерала, и, очутившись одинъ, въ темномъ коридорѣ, принялся покрывать безумными поцѣлуями маленькій стебелекъ, къ собственному запаху котораго еще примѣшивался ароматъ ея волосъ...

Концертъ кончился около двѣнадцати часовъ и начались дѣятельныя приготовленія къ танцамъ. Вся публика на нѣкоторое время разсѣялась по коридорамъ и гостиннымъ, освободивъ залъ, гдѣ тѣмъ временемъ убирались стулья, открывались окна, и музыканты настраивали свои инструменты, приготовляясь ласкать слухъ танцующихъ извѣстными, но все же сладостными мелодіями. Только теперь дѣвичьи лица расцвѣли по настоящему, нескрываемой радостью. Для большинства изъ нихъ концертъ, продолжавшійся до сихъ поръ, былъ только обузой, извѣстной повинностью, которую надо было выполнить для того, чтобы имѣть затѣмъ возможность вкусить уже настоящаго веселья. Танцы! Для всѣхъ собравшихся здѣсь дѣвочекъ и барышень, въ бѣлыхъ, голубыхъ, розовыхъ платьяхъ и въ такихъ же атласныхъ туфелькахъ, для всѣхъ этихъ гимназистовъ и студентовъ, напаяливавшихъ на руки теперь съ

озабоченнымъ видомъ узкія перчатки и самодовольно покручивавшихъ свои усы, съ этимъ магическимъ словомъ соединялось представленіе о чемъ-то въ высшей степени соблазнительномъ и пріятномъ. Здѣсь дозволенное и вполнѣ узаконенное, поощряемое обществомъ и людьми сближеніе двухъ половъ въ періодъ пробужденія въ нихъ стремленія къ этому сближенію, сближеніе, которое, при другихъ условіяхъ и обстановкѣ, рассматривается, какъ чудовищное нарушеніе всякихъ приличій, сближеніе, лишенное какой бы то ни было чувственности и грубой окраски, но поэтически-граціозное и поэтически-прекрасное.

Даже для мамашъ и тетусекъ, явившихся сюда вывозить своихъ питомицъ, какъ какой-то товаръ, и для тѣхъ танцы являлись чѣмъ-то милымъ и пріятнымъ: во время танцевъ голова становится горячѣе, сердце бьется усиленнѣе, языкъ развязывается и мало ли къ какимъ весьма желательнымъ развязкамъ, съ точки зрѣнія мамашъ, можетъ привести случайное прикосновеніе рукъ и ихъ особенно нѣжное и пылкое пожатіе. Мамаши плотными рядами засѣли вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ зала, ухмыляясь заранѣе при мысли объ этихъ танцахъ, такъ умѣло превращенныхъ ими въ ярмарку и базаръ съ живымъ товаромъ.

Оркестръ пожарной команды, по знаку, данному Синявинымъ, гордо расхаживавшимъ по залу въ своей лентѣ, заигралъ прелестный меланхолическій вальсъ, столь любимый одно время петербуржцами: „Надъ волнами“, и тотчасъ же нѣсколько паръ плавно закружились, идя по кругу вдоль мѣста, гдѣ сидѣли зрители, въ нескоромъ и граціозномъ движеніи вѣнскаго вальса, изящнѣйшаго танца, когда либо придуманнаго людьми. Къ нимъ быстро присоединились другіе танцующіе, и скоро ихъ оказалось такъ много, что можно было лишь

съ трудомъ двигаться въ этомъ морѣ паръ, совершающихъ гармонично-размѣренныя, однообразныя движенія. Это было красивое зрѣлище... Оно привлекало своею жизненностью, своимъ оживленіемъ, этою массою раскрысѣвшихся, веселыхъ женскихъ лицъ, этими Пестрыми одеждами, дѣлавшими обладательницъ ихъ похожими на полевые цвѣты.

Молодежь увлекается очень быстро, и чрезъ десять минутъ можно было подумать, что балъ продолжается уже нѣсколько часовъ.

Въ дверяхъ стоялъ маленькій Птичкинъ, смѣшно растопыривъ руки въ бѣлыхъ перчаткахъ, которыя его, видимо, стѣсняли. Сегодня онъ первый разъ въ жизни долженъ былъ танцевать, что служило для него источникомъ и величайшей радости и гордости, и величайшаго волненія. Пользуясь правомъ всѣхъ гимназистовъ приглашать барышень на танцы безъ предварительнаго знакомства, онъ намѣтилъ себѣ одну высокую брюнетку въ красномъ платьѣ съ тонкой открытой шеей, которую никто не приглашалъ, и теперь боролся между нерѣшительностью и страхомъ уронить свою даму или оборвать ей платье, или, что еще хуже, и о чемъ онъ не могъ подумать безъ содроганія, сбиться съ такта,—и страстнымъ желаніемъ произвести все-таки первый опытъ и стяжать себѣ среди товарищей славу танцора.

— Иди же, иди скорѣе... Не трусь!..—подзадоривали его его пріятели, еще недавно игравшіе съ нимъ въ перья и дравшіеся въ первыхъ рядахъ, когда они мстили за какую то обиду „пансіонерскому классу“.

Но только что злополучный Птичкинъ ринулся къ дѣвицѣ съ длинной шеей, бережно неся свои руки въ бѣлыхъ перчаткахъ, какъ вдругъ какой-то правовѣдъ подошелъ къ ней и увлекъ ее въ вихрѣ вальса.

Тогда другіе товарищи Птичкина, такіе же маленькіе, какъ онъ, отважно ринулись въ самую середину зала и, пригласивъ первыхъ попавшихся дѣвицъ, принявшихъ ихъ предложеніе съ улыбкой, принялись добросовѣстно и съ величайшимъ усердіемъ выдѣлывать выученное па, съ красными отъ напряженія лицами, какъ будто они производили непосильную работу, наталкиваясь поминутно на другихъ танцующихъ, смущенно улыбаясь и наступая своимъ дамамъ на ноги и обрывая имъ платья. Улыбки ихъ дамъ становились все печальнѣе и печальнѣе и послѣ одного, только одного тура, кончались короткимъ „merci“ и замѣчаніемъ, сказаннымъ вполголоса своимъ мамашамъ:

— Не понимаю, зачѣмъ это позволяютъ дѣтямъ танцовать.

А дѣти уходили смущенно, недоумѣвая, какое, вообще, могли находить удовольствіе взрослые въ такой трудной и отвѣтственной работѣ, какъ танцы. Впрочемъ, скоро, очень скоро они измѣнили это мнѣніе...

Между тѣмъ, Володя Раевскій, ощущая въ сердцѣ тоже очень сильное волненіе, внимательно осматривалъ рядъ сидящихъ дѣвочекъ, стараясь найти среди нихъ Аню. Онъ очень скоро замѣтилъ ея изящную фигурку и красивую головку, обрамленную золотистыми волосами. Ея лицо раскраснѣлось, она обмахивалась вѣеромъ и, повидимому, только что танцевала. Володя поспѣшно бросился къ ней, лавируя между танцующими парами, и очутился передъ Аней какъ разъ въ одно время съ Барановымъ, направлявшимся къ ней изъ противоположнаго конца зала. Они оба наклонились къ ней и въ одно время сказали:

— Можно васъ пригласить на туръ вальса?

Аня съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ посмотрѣла на Володю и спросила:

— Я уже не знаю, какъ же быть. Если бы можно было танцовать съ обоими сразу...

— Я васъ просилъ еще раньше,—серіозно сказалъ Володя.

— Нѣтъ, нѣтъ, Володя, — запротестовалъ Барановъ,—Анна Константиновна обѣщала мнѣ еще раньше... Я ни за что не уступлю!—прибавилъ онъ, смѣясь...

Володя не былъ расположенъ шутить и холодно отвѣтилъ:

— Пусть рѣшитъ сама Аня... Кто изъ насъ правъ. Съ кѣмъ она хочетъ танцовать.

Нѣсколько секундъ протекли въ молчаніи. Аня съ улыбкой поглядывала то на одного, то на другого. Володя былъ увѣренъ, благодаря инциденту съ цвѣткомъ, что Аня выберетъ его и спокойно дожидался, заранѣе приготовляясь торжествовать надъ Барановымъ.

Но Аня встала и, протягивая руку Баранову, сказала Володѣ:

— Вы добрый, Володя, и вы не будете на меня сердиться. Я это знаю. А Николай Михайловичъ злой,—прибавила она шутливо, и я хочу лишить его возможности быть мною недовольнымъ... Держите мой вѣеръ...—обратилась она къ Баранову, слегка придерживая одной рукой платье, а другой опираясь на плечо своего кавалера.

— Можно васъ, по крайней мѣрѣ, пригласить на кадрили?—спросилъ упавшимъ голосомъ Володя, умоляюще смотря на нее.

— Нѣтъ, Володя, я уже приглашена... Какая досада, что вы не пригласили меня немного раньше... Мнѣ такъ жалко...

— Неужели и на мазурку вы уже приглашены?..

— Да, Володя, бѣдный мой,—отвѣтилъ вмѣсто нея Барановъ,—представь себѣ! Я пригласилъ уже Анну Константиновну на мазурку.

Видя, что Володя продолжает стоять неподвижно съ дрожащими отъ досады и горя губами, Аня шепнула ему:

— Ну, полно, не будьте злымъ... У васъ совсѣмъ нѣтъ терпѣнья.

Но Володя ничего не отвѣтилъ ей на это и, прослѣдивъ глазами нѣкоторое время за ея нѣжной фигурой, увлекаемой въ вихрь вальса, уныло поплелся изъ залы, никого и ничего не замѣчая, не помня, гдѣ онъ находится, куда и зачѣмъ идетъ. Все кругомъ потеряло для него всякій интересъ и заволокло какой-то дымкой.

Третій разъ въ этотъ вечеръ онъ уже переходилъ отъ надежды къ отчаянію.

„Какъ, неужели она надъ нимъ смѣется! Неужели эта наивная и добрая Аня, это голубоглазое правдивое и искреннее существо уже научилось лукавить и забавлялось теперь самымъ безпечнымъ образомъ тѣмъ, что терзала по частямъ его сердце?! Откуда же эта бездна кокетства, это умѣнье говорить одно, а чувствовать другое? Кто научилъ ее всему этому? Какъ измѣнилась за это время его милая Аня, и какъ жестоко онъ въ ней ошибся!“

Прислонившись къ стѣнѣ въ коридорѣ и прислушиваясь къ доносившимся до него звукамъ музыки, онъ старался чѣмъ нибудь оправдать свою подругу, чѣмъ нибудь объяснить ея странное поведеніе съ нимъ. Но чѣмъ больше онъ раздумывалъ, тѣмъ яснѣе для него становилось, что его заставляли играть жалкую и смѣшную роль, пользуясь его безграничной слѣпой любовью. Тогда чувство гордости оскорбленнаго самолюбія внезапно проснулось въ немъ. „Хорошо же! Если такъ, онъ сумѣетъ за себя постоять. Онъ покажетъ, что съ нимъ нельзя обращаться, какъ съ собакой, которую

можно приласкать и потомъ прогнать пинкомъ ноги, когда она надоѣстъ. Онъ выдержать характеръ и чего бы ему это ни стоило, онъ не подойдетъ во весь вечеръ больше къ Анѣ и даже, если она сама попроситъ съ нею танцевать, онъ откажетъ. Мало того, этотъ цвѣтокъ, этотъ ландышъ—орудіе ея кокетства онъ вручить Баранову для передачи Анѣ. Онъ попроситъ его отдать цвѣтокъ, который дали ему поддержать и о которомъ забыли. Пусть онъ знаетъ, что даже изъ любви къ ней онъ никогда не согласится играть жалкую и унижительную роль“.

— Боже мой, боже мой! Отчего я такъ безумно ее люблю?..—прошепталъ онъ, сжимая себѣ голову руками.

Мимо него проходили гимназисты и гимназистки, уединявшіеся здѣсь въ этомъ узкомъ коридорѣ послѣ упоительнаго вальса. Кто-то окликнулъ Раевского. Балясинъ бѣжалъ красный съ восторженнымъ лицомъ и, задыхаясь отъ волненія, проговорилъ ему:

— Геннингъ только что прошелъ съ женой. Пойду здороваться.

И онъ исчезъ, стремясь всѣмъ своимъ существомъ къ этой желанной цѣли. Раевскій тихонько пошелъ по коридору съ страннымъ ощущеніемъ человѣка, которому хочется уйти куда-нибудь отъ собственныхъ мыслей. Онъ надѣялся встрѣтить кого-нибудь изъ товарищей, чтобы поговорить немного и посмѣяться но Бѣльскій ухаживалъ за Линой Герцъ, а Немировъ давно куда-то исчезъ и не показывался.

Уныло онъ переходилъ изъ коридора въ коридоръ, изъ гостинной въ гостинную, поднимался безцѣльно по лѣстницамъ и также безцѣльно опускался. Мимо него мелькали веселыя оживленные лица, на которыхъ свѣтилась улыбка счастья и довольства. Всѣ они были счастливы, кромѣ него. Онъ одинъ, среди всѣхъ этихъ

веселыхъ и довольныхъ людей, бродилъ, какъ тѣнь, несчастный, преслѣдуемый неотвязными мыслями. Володя не зналъ хорошенько сколько, именно, времени онъ проходилъ такимъ образомъ, никого не замѣчая и не обращая ни на кого вниманія. Должно быть прошло часа два или полтора, когда онъ снова вошелъ въ танцевальный залъ, судя по тому, что первое отдѣленіе бала уже окончилось и музыканты играли ригурнель къ кадрили. Синявинъ и Фельдманъ бѣгали по залу и приставивъ руки къ губамъ на подобіе рупора, кричали во всю силу своихъ легкихъ:

— *Messieurs, engagez vos dames pour la première contredanse.*

— Что привело Раевского снова въ этотъ залъ, гдѣ онъ недавно былъ такъ жестоко оскорбленъ и куда далъ себѣ слово больше не входить? Зачѣмъ скрывать, что это было желаніе, съ которымъ онъ напрасно боролся нѣкоторое время, но которое мало по малу завладѣвало всѣмъ его существомъ, желаніе снова увидѣть милую дѣвочку, такъ дѣтски, но глубоко имъ любимую, еще разъ услышать ея голосъ, быть можетъ, предъ долгой разлукой. При самомъ входѣ онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Бѣльскимъ и Линой Герцъ, которые шли подъ руку, оживленно о чемъ-то разговаривая.

— А, вотъ, нашъ Володя Раевскій,—сказала Лина, замѣтивъ его.—Скажите, пожалуйста, куда вы исчезли? Ваша героиня искала васъ, спрашивала о васъ вашего друга, который не могъ ей дать рѣшительно никакихъ указаній. Она боялась, что вы на нее разсердились.

— Какая героиня? — спросилъ довольно сурово Володя.—Неужели вы дѣйствительно думаете, что эта краснолицая особа...

— Не притворяйтесь, пожалуйста,—весело перебила

его Лина.—Вы отлично знаете, про кого я теперь говорю, и кто ваша дѣйствительная героиня. Ага, вот видите... я права... вы покраснѣли. Идите скорѣе къ Анѣ,—прибавила она серьезно, а то будетъ поздно.

— А гдѣ она, вы не знаете?..

— Она только что прошла въ зеленую гостинную съ Барановымъ. Идите скорѣе туда и нарушьте ихъ tête-à-tête.

Раевскій пошелъ въ зеленую гостиную, не зная хорошенько, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ и что онъ будетъ говорить, и какъ держать себя, если дѣйствительно найдетъ тамъ Аню и Баранова.

Но въ зеленой гостинной ихъ не было. Своимъ появленіемъ Володя спугнулъ только Петрова, сидѣвшаго въ темномъ углу на диванѣ рядомъ съ какой-то подозрительной дѣвицей въ необыкновенно вырѣзанномъ платьѣ и слабыми слѣдами краски на лицѣ. При его появленіи они отскочили другъ отъ друга въ разныя стороны, какъ бы отъ дѣйствія какой-то невидимой пружины и стали громко и принужденно смѣяться. Въ слѣдующей крайней гостинной тоже было только нѣсколько влюбленныхъ парочекъ въ столь же непринужденныхъ позахъ, указывающихъ на нѣкоторую интимность отношеній. Эти гостинныя въ благородномъ собраніи всегда пользовались славой свидѣтельница многихъ и многихъ интересныхъ вещей.

Не найдя здѣсь тѣхъ, кого онъ искалъ, Володя снова вошелъ въ коридоръ, по которому теперь публика двигалась сплошнымъ потокомъ. Володя по необходимости долженъ былъ отдаться его теченію или повернуть обратно. Онъ уже рассчитывалъ сдѣлать послѣднее, когда услышалъ хорошо ему знакомый смѣхъ. Оглянувшись, онъ увидалъ въ двухъ шагахъ впереди себя Аню, шедшую рядомъ съ Барановымъ.

Володѣ страстно захотѣлось услышать, о чемъ они говорятъ, что заставляетъ Аню такъ весело смѣяться. Онъ приблизился къ нимъ почти вплотную такъ, что могъ слышать все, что они говорили, но въ то же время былъ скрытъ отъ нихъ за широкой спиной какого-то лейбъ-улана.

— Я боюсь,—говорила Аня,—что Володя серьезно на меня разсердится. Я, дѣйствительно, кажется, поступила съ нимъ скверно.

— Ахъ, какое вамъ дѣло?—возразилъ Барановъ — развѣ вы обязаны танцовать именно съ нимъ? Мнѣ кажется, что вы поступили вполне правильно. Вы помните наше условіе?

— Конечно, помню. Какъ вы можете спрашивать объ этомъ?

— Ну, вотъ, видите... я хочу сказать, что Раевскій принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, къ которымъ нельзя питать довѣрія. Ихъ надо держать вдалекѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ...—горячо возразила Аня, — вы къ нему совершенно не справедливы. Вы его совершенно не знаете. Нѣтъ, не смѣйте бранить Володю, а то я разсержусь... Онъ—мой другъ.

— Не знаю, можетъ быть, я и ошибаюсь, но будьте увѣрены, что я никогда не сталъ бы скверно отзываться о своемъ другѣ, если бы не былъ твердо убѣжденъ въ справедливости своихъ словъ. Даю вамъ слово, что у меня есть основательныя причины для того, чтобы такъ говорить о немъ.

— Что это за причины?

— Причины эти факты... факты, которыхъ я былъ свидѣтелемъ...

— Вы можете мнѣ ихъ сказать?

— Мнѣ не хотѣлось бы говорить о нихъ вамъ. Потому что выйдетъ такъ, какъ будто я сплетничаю.

Оставимъ лучше этотъ разговоръ... Будьте о немъ прежняго мнѣнія. Къ тому же намъ надо торопиться. Слышите, уже играютъ второй ригурнель...

— Нѣтъ, нѣтъ—живо сказала Аня—вы мнѣ скажете, какіе это факты. Вы мнѣ должны это сказать. Кого касаются, по крайней мѣрѣ, эти факты?

— Они касаются васъ и заключаются въ нѣкоторыхъ словахъ и отзывахъ, которые позволялъ себѣ дѣлать Раевскій въ гимназіи, въ присутствіи чуть ли не всего класса съ неприличными насмѣшками по нашему поводу, которые заставляли меня возмущаться до глубины души.

— Но это не можетъ быть... Вы шутите... Какъ это гадко!..

Да, да я шучу—поспѣшилъ ее увѣрить Барановъ, но такимъ тономъ, который ясно указывалъ, что все сказанное имъ вовсе не было шуткой.

Въ это время они дошли до двери зала и скрылись изъ глазъ потрясеннаго и оскорбленнаго этой низкой клеветой Раевского. Еще одною непріятностью больше, чѣмъ было до сихъ поръ. Такъ вотъ, значитъ, что за человѣкъ Барановъ, вотъ какими путями и средствами онъ пользуется для своего успѣха у Ани и вотъ, какимъ человѣкомъ способна увлекаться его Аня, едва вышедшая изъ дѣтскихъ лѣтъ.

Ему стало невыносимо горько и обидно. Онъ почувствовалъ, что не въ силахъ больше оставаться здѣсь, среди всѣхъ этихъ людей послѣ того, что только что слышалъ. Всѣ присутствовавшіе здѣсь казались ему теперь такими низкими, гадкими и фальшивыми. Онъ рѣшилъ сейчасъ же ѣхать домой.

— Какъ это грустно и мерзко! Боже, какъ это гадко!—думалъ онъ, спускаясь по лѣстницѣ и отыскивая въ прихожей свое пальто.

Когда онъ одѣлся и собирался уже выйти изъ подъѣзда, кто-то назвалъ его громко по фамиліи и, обернувшись, онъ замѣтилъ Тимина, спускавшагося съ лѣстницы. Его грустное и мечтательное лицо по чему-то особенно пріятно было увидѣть теперь Раевскому, который инстинктивно чувствовалъ въ этой поэтической натурѣ нѣчто хотя неизмѣримо превосходившее его самого, но все же родственное.

— Отчего вы такъ рано уходите? — спросилъ Тиминъ, одѣваясь.

— Скучно, — отвѣтилъ Володя. — Нечего дѣлать... А вы?

— Если вамъ скучно, вамъ, который любить танцевать и ухаживать за гимназистками, если вы не находите, что здѣсь дѣлать, то что же я могу для себя найти здѣсь интереснаго? Я выполнилъ обязанность распорядителя и достаточно съ меня. Мнѣ стоило большого труда досидѣть здѣсь до двухъ часовъ. Смотрѣть на эти глупыя и фальшивыя лица, которые улыбаются тогда, когда имъ хочется плакать и плачутъ, когда имъ хочется смѣяться?! Видѣть эту тьму людей, говорящихъ другъ другу любезности и готовыхъ въ то же время утопить въ ложкѣ воды? Нѣтъ, это слишкомъ, слишкомъ противно. Я не люблю свѣта и его развлеченій. Съ юныхъ лѣтъ флиртъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ лживость и лицемѣріе, а всегда и во всякое время самодовольная глупость... Нѣтъ, Раевскій, я не люблю этого... Пойдемте...

Они вышли изъ дверей подъѣзда и пошли по Мойкѣ, по направленію къ Невскому. Было довольно холодно въ эту сѣверную весеннюю ночь, готовящуюся перейти въ ясное раннее утро.

Пустынные улицы, окутанныя сѣровой дымкой разсвѣта, на которыхъ только тамъ и сямъ копоши-

лись голуби и воробьи, имѣли какой-то странный меланхолическій оттѣнокъ и придавали городу мертвенный характеръ. Какъ-то не вѣрилось, что эта глубокая тишина, это полное отсутствіе оживленія на улицахъ—явленіе обыкновенное и чрезъ нѣсколько часовъ замѣнится обычнымъ шумомъ и суетой. Казалось, что жизнь уснула навѣки, погребенная подъ сѣрымъ покровомъ удаляющейся ночи.

И слова Тимина, и эта обстановка гармонировали съ печальнымъ настроеніемъ Володи. Онъ взялъ Тимина подъ руку и сказалъ ему:

— Вы знаете, Тиминъ, я глубоко несчастенъ. Мною овладѣваетъ ужасная тоска. Не знаете ли вы способа развеселиться?

— Нѣтъ, мой другъ; есть способъ развеселиться и быть счастливымъ, я глубоко увѣренъ въ этомъ, но вамъ едва-ли онъ придется по вкусу. Надо умереть для этого. Я не вѣрю въ возможность счастья на землѣ. Горе подкарауливаетъ людей на тысячахъ перекрестковъ и является къ нимъ во всевозможныхъ, самыхъ неожиданныхъ видахъ. Страданье, только одно страданье — настоящій удѣлъ человѣческой жизни. То, что мы называемъ счастьемъ, не есть дѣйствительно счастье; оно отравлено постоянными заботами и тревогами о томъ, что вотъ-вотъ оно прекратится и разсѣется, какъ дымъ. Говорятъ, что для того, чтобы быть счастливымъ, надо страдать. Не вѣрьте этому, Раевскій. Страданье отравляетъ всякое счастье, смущаетъ всякое наслажденіе. Оно ожесточаетъ сердца и заставляетъ бѣжать отъ нихъ лучшія чувства людей. Для того, чтобы быть счастливымъ, надо перестать совсѣмъ чувствовать что-либо, что-либо ощущать. Надо перестать страдать и удовлетвориться хотя этимъ относительнымъ счастьемъ. Взгляните на эти звѣзды—

развѣ онѣ страдаютъ, развѣ онѣ подвержены той мучительной смѣнѣ всевозможныхъ мыслей и чувствъ, какой подвергаются мыслящія существа? Посмотрите на эти каменные дома, на эти тротуары, по которымъ мы идемъ, на эти гранитныя набережныя, развѣ они не счастливы во много разъ насъ, томящихся постоянно тоскою и неудовлетворенностью. Человѣкъ созданъ съ страстнымъ стремленіемъ къ наслажденіямъ и съ страстнымъ отвращеніемъ къ страданіямъ и въ силу какихъ-то невѣдомыхъ соображеній жестокая судьба лишила его совершенно первыхъ и усыпала въ изобиліи его жизненный путь вторыми. Да, въ свинцовомъ ящикѣ, плавно покачивающемся на погребальныхъ дрогахъ, осѣненныхъ черными страусовыми перьями при блѣдномъ желтоватомъ блескѣ свѣчей—вотъ гдѣ начинается для насъ истинное блаженство; на глубинѣ шести футовъ подъ землею мы, наконецъ, избавляемся отъ коварства судьбы, подкарауливающей насъ на каждомъ шагу.

Володя слушалъ его, затаивъ дыханіе. Эти мрачныя, полныя отчаянія слова, исходившія изъ устъ полного силъ и здоровья юноши, неотразимо дѣйствовали на него, который считалъ себя въ эту минуту самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

— Но, вы проповѣдуете Нирвану, Тиминъ. Неужели же блаженство ожидаетъ насъ въ небытіи?

— Да, какъ это ни грустно, но это такъ. Можетъ быть, когда-нибудь, когда наступитъ какой-нибудь особенный, лучезарный вѣкъ, люди будутъ добры, а главное порядочно, исчезнутъ войны и многія другія отвратительныя вещи — быть можетъ тогда и можно будетъ мириться съ участью человѣка, но.. теперь—нѣтъ! Пока люди такіе, какіе они теперь:

лживые, фальшивые, пустые и нетерпимые — счастья не можетъ быть, и лучше умереть...

Тиминъ замолчалъ, опустивъ голову, и нѣсколько минутъ они прошли молча. Потомъ онъ продолжалъ:

— Странно, не правда ли, въ семнадцать лѣтъ имѣть такіе безнадежные взгляды? Мнѣ не вѣрять, а потому я очень рѣдко ихъ высказываю. Мнѣ говорятъ, что я разыгрываю изъ себя разочарованнаго и Чайльд-Гарольда, потому что это интересно и красиво. Мои родители, напримѣръ, убѣждены, что мои мысли не могутъ идти дальше греческихъ и латинскихъ *extempore* или филиппикъ Цицерона, что мои интересы должны сосредоточиваться и поглощаться гимназическимъ міркомъ. Они не могутъ понять, откуда у гимназиста, у мальчика, можетъ являться отрицательное отношеніе къ жизни. Вѣдь, по ихъ мнѣнію, единственныя и доступныя намъ „гимназистамъ“ горести — это двойки и записи въ журналъ. Когда я жалуюсь на тоску и съѣдающую меня меланхолію, моя мать беретъ меня подъ руку и говоритъ: „Зачѣмъ ты напускаешь на себя эту глупую разочарованность? Чего тебѣ не хватаетъ? въ гимназіи все, слава Богу, благополучно, чего же тебѣ еще?“ Вы видите, что гимназія, по ихъ мнѣнію, это — все, что можетъ заполнить мой умъ и мое сердце. Недавно я читалъ Карра, „*De regum natura*“. Надо было видѣть удивленіе моего отца, когда онъ узналъ, что этого писателя я читаю самъ, изъ любознательности, а не по приказанію Кайзерлинга. Я знаю Шопенгауэра и Аристотеля, а меня считаютъ мальчикомъ, способнымъ находить интересъ въ кривляньѣ и огорчаться гимназическими неудачами... Смѣшно...

— Вы, положимъ, дѣйствительно, Тиминъ, необыкновенный человѣкъ. Кто же сочтетъ васъ за гимнази-

ста? Я, знаете, серьезно удивляюсь вашему уму и развитію... А какъ много среди нашихъ товарищей неспособныхъ ни о чемъ подумать серьезно, и занятыхъ только двумя, тремя десятками своихъ повседневныхъ мыслей, не выходящихъ никогда за предѣлы ихъ обыденной жизни.

— Господи, Боже мой, кто же спорить съ этимъ? Конечно, Петровъ, Фельдманъ и другіе подобные имъ—типичные гимназисты. Но, повѣрьте мнѣ, они останутся такими же гимназистами и въ жизни. Вы встрѣтите ихъ впослѣдствіи, они будутъ также неразвиты, ихъ интересы также узки, у нихъ прибавится только апломба и наглости. А сколько такихъ „гимназистовъ“ мы встрѣчаемъ среди такъ называемыхъ этихъ взрослыхъ, почтенныхъ людей. Даю вамъ слово, что среди знакомыхъ моего отца, которыхъ онъ считаетъ очень неглупыми и интересными людьми, три четверти такихъ, съ которыми мнѣ не о чемъ говорить. Все это не мѣшаетъ имъ третировать меня, какъ мальчишку, и при встрѣчахъ глупо спрашивать каждый разъ одно и тоже:

— Ну, какъ нашъ Гомеръ поживаетъ? А? Двойки ни одной не получилъ?

— Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ смѣшны всѣ эти взрослые, воображающіе себя чрезвычайно умными и опытными людьми и на каждомъ шагу намъ это заявляющіе. Они ничего не читаютъ, кромѣ газетъ, ни о чемъ не думаютъ, кромѣ службы и винта, а посмотрите, какъ они относятся къ намъ. Сколько презрѣнія слышится въ ихъ словахъ, которыя они обращаютъ по адресу молодежи, высокоомѣрнаго и незаслуженнаго презрѣнія...

— Да, да, вы правы, Тиминъ. Жить плохо на свѣтѣ и скучно. А самое ужасное, когда еще на школьной скамѣ приходится терять вѣру въ людей.

— Жить плохо и жить скучно. И лучше совсѣмъ не жить. Но разъ уже намъ послано такое испытаніе, то надо по возможности скрасить его. Лишенные фантазіи и ума люди прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ къ алкоголю или опиуму и въ винныхъ парахъ находятъ временное забвеніе; для развитого и одареннаго фантазіей человѣка опиумъ можно замѣнить поэзіей. Она одна утѣшаетъ насъ, она одна заставляетъ насъ забывать о горѣ и непріятностяхъ жизни, она уноситъ насъ на своихъ крыльяхъ въ міръ лучезарной и безбрежной фантазіи. Она покрываетъ легкой дымкой земные образы и превращаетъ ихъ въ прекраснѣйшія и волшебныя тѣни Магометова сада, она набрасываетъ густой покровъ на все безобразное и гнусное, она концентрируетъ всю силу своихъ живительныхъ лучей на всемъ, что есть въ мірѣ самаго возвышеннаго и прекраснаго; она возводитъ женщину и любовь къ ней на недостижимый пьедесталь и одухотворяетъ эту любовь, обманывая насъ, хотя на одну минуту, призракомъ счастья,—она, мой другъ, помогаетъ намъ жить...

Тиминъ замолчалъ. Раевскій тоже молчалъ, удивленный и восхищенный словами своего товарища. Дойдя до Литейнаго, они пожали другъ другу руки. Тиминъ сказалъ:

— Забудьте все, что я вамъ говорилъ. Все это пустяки. Я сегодня въ дурномъ расположеніи духа, а потому и рѣчи мои очень грустны. Не придавайте имъ значенія. Все на свѣтѣ суeta суетъ, въ томъ числѣ и мои слова...

Володя пришелъ къ себѣ въ комнату, когда уже было совсѣмъ свѣтло. Странное чувство испытывалъ онъ. На душѣ у него было тяжело, и грустныя слова Тимина разстроили его. Онъ подошелъ къ окну и отдернулъ занавѣску. Въ лицо ему брызнули красно-

ватые лучи восходящаго солнца, проникшіе въ промежутокъ между двумя большими каменными домами. Володя приложилъ пылающій лобъ къ холодному оконному стеклу и попробовалъ заплакать.

Но слезы не текли изъ его глазъ и не облегчали сердца.

Х.

На другой день Володя всталъ поздно, такъ какъ былъ праздникъ и можно былъ не идти въ гимназію. Собственно говоря, слѣдовало пойти къ обѣднѣ, чтобы вновь не подвергаться выговору со стороны Трегубова, но, какъ только онъ подумалъ о томительномъ двухчасовомъ стояніи въ церкви, гдѣ все дѣйствовало на него раздражающе, въ особенности, въ томъ подавленномъ и грустномъ настроеніи, въ которомъ онъ находился, онъ махнулъ рукой на всякіе выговоры и рѣшилъ остаться дома.

„Что такое произошло вчера вечеромъ? что онъ узналъ такого, что заставило его поспѣшно покинуть балъ и вернуться? Онъ предложилъ себѣ этотъ вопросъ и тотчасъ же предъ нимъ съ замѣчательной ясностью предстала вчерашняя сцена, когда онъ убѣдился въ томъ, что на него наклеветали.

„Что ему теперь дѣлать? Какъ повести себя дальше? Какъ отомстить обидчику и слѣдуетъ ли вообще ему мстить, не рискуя самому поступить неблагородно?“

Эти вопросы неотступно преслѣдовали его, не давая ему ни о чемъ другомъ думать, упорно становясь между нимъ и всякимъ другимъ дѣломъ, за которое онъ вздумалъ приниматься.

Онъ чувствовалъ себя глубоко и ужасно обиженнымъ и оскорбленнымъ. Могъ ли онъ думать, что Ба-

рановъ, одинъ изъ его друзей, съ которымъ они постоянно вмѣстѣ проводили свободные часы, съ которымъ шутили, смѣялись и разговаривали, Барановъ, съ которымъ у нихъ никогда, не смотря на явное соперничество, не происходило и тѣни недоразумѣній на этой почвѣ, что онъ поступаетъ по отношенію къ нему такъ низко, такъ лицемѣрно? Можно ли вообразить себѣ что-нибудь ужаснѣе этого предательства? „Дѣйствительно, думалъ Володя, Тиминъ правъ и не стоитъ жить, разъ даже лучшіе друзья способны на такое чудовищное предательство“.

Онъ придумывалъ тысячи способовъ отомстить Баранову, но отомстить благородно. То онъ хотѣлъ написать короткое холодное, но вѣжливое письмо Анѣ, въ которомъ откроетъ ей всю правду, покажетъ во всей ея непривлекательности ту роль, которую сыгралъ Барановъ, и въ заключеніе простится съ ней навсегда. Но онъ скоро отбросилъ этотъ планъ, какъ слишкомъ походившій на доносъ. То онъ хотѣлъ написать письмо, полное язвительныхъ насмѣшекъ, налитанное ядовитой слюной самаго ужаснаго сарказма, Баранову, въ которомъ поздравить его съ блестящей ролью, взятой имъ на себя, и попросить прекратить съ нимъ знакомство.

Но онъ мысленно представлялъ себѣ, что содержаніе этого письма не узнаетъ никто кромѣ обидчика, и ему казалось наказаніе слишкомъ слабымъ, самолюбіе Баранова уязвленнымъ слишкомъ незначительно сравнительно съ тѣмъ горемъ, которое онъ причинилъ ему.

Онъ раздумывалъ надъ тѣмъ, какой эффектъ произведетъ на Баранова, если онъ при всѣхъ не подастъ ему руки и ни слова ему не отвѣтитъ, или холодно скажетъ: „я съ клеветниками дѣло не имѣю“. Но это казалось ему слишкомъ тривіальнымъ и принятымъ способомъ мести, чтобы произвести особенно сильное

дѣйствіе. Подойти и ударить его изо всѣхъ силъ по лицу при всѣхъ, безъ всякихъ объясненій,—вотъ, что ему казалось достойнымъ его поступка, но предъ этимъ останавливалась его мягкая и презиравшая всякія кулачныя расправы натура.

Однако, мысль о своемъ оскорбленномъ самолюбіи, которое, при такихъ условіяхъ, получило бы полное удовлетвореніе, доставляла ему какое-то удовольствіе и настраивала на воинственный ладъ. „Конечно, подумалъ онъ—нельзя съ такими людьми, какъ онъ, особенно церемониться. Такое сильное наказаніе уяснить ему, насколько мерзко онъ себя велъ и въ то же время, быть можетъ, исправить его на будущее время“.

Но все же принять окончательное рѣшеніе онъ не могъ, потому что одно ему казалось слишкомъ слабымъ, другое черезчуръ жестокимъ и грубымъ. Онъ мысленно перебиралъ героевъ прочитанныхъ имъ романовъ, героевъ любимыхъ имъ, дѣйствовавшихъ на его воображеніе, въ особенности своимъ благородствомъ. Онъ старался представить себѣ, какъ поступилъ бы Даржилянъ Фламмаріона или Беренъ изъ „Черныхъ брилліантовъ“ Іокая, или графъ Монте-Кристо, если бы они очутились въ его положеніи, на его мѣстѣ. Простили ли бы они это оскорбленіе, наказавъ обидчика только презрѣніемъ, или ихъ месть была бы болѣе изобрѣтательна и шла дальше? Фантазія не могла отвѣтить ему на эти вопросы и, сколько онъ не думалъ, его положеніе не стало ему яснѣе ни на волосъ.

Тогда онъ рѣшилъ посоветоваться съ людьми, мнѣніе которыхъ онъ особенно цѣнилъ и въ чьемъ благородствѣ былъ глубоко увѣренъ. Отецъ, когда онъ за обѣдомъ рассказалъ ему случившійся съ нимъ инцидентъ, разумѣется, никого не называя по имени и не давая ничѣмъ понять, что онъ можетъ быть здѣсь за-

интересованъ, когда онъ разсказалъ этотъ случай и спросилъ, какъ поступить при такихъ условіяхъ оскорбленному, онъ ожидалъ, что отецъ ужаснется вѣроломству друга и будетъ настаивать на самомъ ужасномъ наказаніи. Однако, на отца разсказъ, повидимому, произвелъ весьма незначительное впечатлѣніе. Онъ спокойно доѣлъ тартинку съ сыромъ и сказалъ:

— Удивляюсь, какъ тебя могутъ интересовать подобные случаи. Это случай изъ жизни дураковъ. Пойми мою мысль...

— Ну, почему же?—обиженно возразилъ Володя.

— Потому, что умные люди должны быть заняты совсѣмъ другимъ. Одинъ изъ нихъ дуракъ потому, что обращается къ такому гнусному орудію ради достиженія своей цѣли, другой—потому, что обращаетъ на дурацкія выходки перваго вниманіе и дѣлаетъ изъ этого вопросъ. Во всякомъ случаѣ, если хочешь знать мое мнѣніе, какъ нужно поступить оскорбленному, то, изволь, я могу тебѣ сказать. Онъ долженъ не подать и виду даже, что ему что-нибудь извѣстно и отнестись съ полнымъ равнодушіемъ и великодушіемъ къ дѣйствіямъ глупца. Великодушіе—это краса героя. Это говорили еще греки и, конечно, были вполне правы. Великодушнаго человѣка, съ большимъ правомъ, чѣмъ кого-либо другого, можно назвать героемъ, потому что прощеніе глупцу нанесенныхъ имъ обидъ высшая доблесть...

Выслушавъ отца, Володя сначала было согласился съ нимъ, что лучше всего будетъ отнестись къ выходкѣ Баранова равнодушно, но скоро сомнѣніе снова имъ овладѣло. Конечно, отецъ былъ правъ съ христіанской, нравственной точки зрѣнія. Но, вѣдь онъ не святой, и кто же сумѣетъ оцѣнить дѣйствительныя качества его поступка. Гимназисты, его товарищи, смѣются

надъ нимъ, когда онъ имъ преповѣдуетъ „этику“ въ гораздо болѣе грубыхъ вопросахъ, они не понимаютъ иногда самой шаблонной нравственности, тѣмъ болѣе ни Барановъ, ни кто другой не оцѣнить его молчаливаго отношенія къ клеветѣ, а просто сочтеть его за признакъ трусости. Онъ забывалъ о томъ, что никто въ сущности не знаетъ объ этой клеветѣ, кромѣ самого Баранова и Ани, до такой степени мысль о полученной обидѣ лишила его способности логично мыслить и разсуждать.

„Я спрошу завтра Тимина, Бѣльскаго и Немирова и сдѣлаю такъ, какъ они посовѣтуютъ“,—рѣшилъ онъ, ложась въ постель въ воскресенье вечеромъ, не приготовивъ уроковъ и въ прежнемъ тоскливомъ настроеніи. На слѣдующій день судьба продолжала преслѣдовать Володю, явившагося въ гимназію, по обыкновенію, съ опозданіемъ на молитву. Трегубовъ сейчасъ же сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ не пришелъ вчера въ церковь и пригрозилъ заявить на ближайшемъ засѣданіи совѣта, что онъ не въ состояніи больше терпѣть такого наглаго и нахальнаго ученика, систематически неглижирующаго своими обязанностями и словами наставниковъ. Онъ даже оставилъ свой обычный, саркастическій тонъ и, возвысивъ голосъ, сердито крикнулъ ему, смотря изъ-подлобья на него своими сѣрыми непривѣтливыми глазами:

— Вы думаете, что мы тутъ съ вами шутки будемъ шутить?! Я предупреждаю васъ, что вы висите на волосѣхъ.

На первомъ же урокѣ его ожидала новая неудача. Беригъ вызвалъ его переводить Одиссею, то мѣсто, гдѣ Циклопъ жалуется на коварство Улисса, проткнувшаго бревномъ ему единственный глазъ. Не смотря на то, что переводъ этого мѣста ему былъ знакомъ, онъ не

могъ справиться съ неизвѣстными словами и предательскими формами неправильныхъ глаголовъ. Послѣ нѣсколькихъ невѣрныхъ отвѣтовъ, Беригъ сказалъ:

— Ну, я вижу, что балъ произвелъ на васъ такое сильное впечатлѣніе, что вы забыли приготовить даже урокъ...

Въ классѣ раздался шумный смѣхъ.

Володѣ страшно захотѣлось сказать носорогу дерзость. Онъ захлопнулъ книгу и, дерзко смотря на нелюбимаго учителя, сказалъ:

— Если я не знаю урока, вы можете поставить мнѣ двойку, но никто не давалъ вамъ права издѣваться надо мной и глупо острить.

Потомъ, при гробовомъ молчаніи онъ вернулся и сѣлъ на свое мѣсто.

Беригъ измѣнился въ лицѣ. Что-то неслыханное и невиданное произошло только что съ нимъ. Ученикъ, это ничтожество, осмѣлился разговаривать съ нимъ такъ дерзко и даже назвалъ его остроты глупыми!

Между тѣмъ въ классѣ послышался одобрителный шопотъ по адресу Раевского: Молодецъ, отлично, давно пора ужъ его...

— Я васъ запишу за дерзость... -- проговорилъ, наконецъ, Беригъ дрожащимъ отъ злости голосомъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ ему Раевскій тономъ, безпечность котораго даже его самого удивила.

— Хорошо, я сдѣлаю вамъ это одолженіе, — продолжалъ взбѣшенный учитель, быстро нанося мелкія строки въ графу „запись преподавателя“.

— Лѣнтяи и къ тому же дерзкіе не могутъ быть терпимы въ гимназіи. Я буду просить, чтобы васъ исключили.

— Ну, что ты надѣлалъ опять?! — обратился къ нему

Бѣльскій по окончаніи урока, какъ только Беригъ вышелъ изъ класса. — Что за охота передъ самыми экзаменами ввязываться въ исторію. Вѣдь, Беригъ тебѣ на совѣтѣ можетъ очень напоротить.

— Ахъ, мнѣ все равно...—съ отчаяніемъ въ голосѣ произнесъ Раевскій.—Пусть исключаютъ, пусть наказываютъ, пусть порятъ, пусть убиваютъ, все равно я такъ несчастенъ, что на меня это не произведетъ впечатлѣнія. Надоѣли они мнѣ всѣ до такой степени, что смотрѣть я на нихъ не могу!

— Что же дѣлать?—убѣждалъ его Бѣльскій.—Мнѣ они тоже надоѣли. Однако, надо терпѣть. Въ особенности, не надо было ссориться съ Беригомъ. Это — такой мстительный субъектъ.

— Здорово, ты, дядя, его отдѣлалъ, — сказалъ, подходя къ нему, Синявинъ.—Молодчина! Только нагоритъ теперь тебѣ. Сейчасъ Протопоповъ будетъ еще разбирать эту исторію. Смотри, съ нимъ не поругайся.

Протопоповъ былъ учитель математики, физики и космографіи и въ то же время классный наставникъ въ седьмомъ классѣ. Это былъ необычайно педантичный старикашка, соединявшій крайній и тупой формализмъ съ самымъ ужаснымъ и непростительнымъ невѣжествомъ въ области своихъ предметов... Онъ не внушалъ никому ни малѣйшаго уваженія, такъ какъ любому ученику ничего не стоило поймать его въ незнаніи и въ самомъ грубомъ пристрастіи. При этомъ онъ отличался еще придирчивостью и ставилъ отмѣтки не по справедливости, а „по инерціи“, какъ любили острить его ученики. Тотъ, кто считался его любимчикомъ и съ давнихъ поръ получалъ однѣ пятерки, могъ быть увѣренъ, что, какъ бы онъ плохо ни отвѣтилъ, отмѣтка не будетъ ему понижена; тѣ же несча-

стные, которые почему-либо не внушали ему довѣрія, несмотря на отчетливое знаніе и хорошій отвѣтъ, никогда не могли выбраться изъ троекъ и четверокъ. Даже за письменныя работы, безукоризненно исполненныя, онъ старался или сбавить отмѣтку, ссылаясь на то, что они слишкомъ поздно ее подали, или придумывалъ какой-нибудь другой несущественный предлогъ. Такое отношеніе, конечно, не могло создать ему популярности среди гимназистовъ, и всѣ ученики относились къ нему съ рѣдкимъ единодушіемъ, насмѣхаясь надъ его грубыми ошибками, которыя онъ дѣлалъ на урокахъ, надъ его смѣшной попрыгивающей походкой, изъ-за которой его прозвали „прыгуномъ“, надъ его длинными волосами и лохматой бородкой, — дѣлавшими его чрезвычайно похожимъ на старую бабу, надъ его манерой списывать доказательства теоремъ съ бумажекъ, которыя онъ вынималъ въ критическій моментъ изъ кармана. Любимымъ развлеченіемъ гимназистовъ было поймать и уличить Протопопова въ какомъ-нибудь грубомъ незнаніи. Обмануть его, списать у него подъ носомъ прямо съ книги считалось верхомъ остроумія и молодечества.

Когда, доказывая какую-нибудь незначительную алгебраическую теорему, онъ забывалъ на срединѣ, что надо дальше писать, и начиналъ смущенно повторять одну и ту же фразу нѣкоторое время, среди учениковъ раздавался сдержанный смѣхъ, и всѣ съ любопытствомъ смотрѣли, какъ онъ выйдетъ изъ своего затруднительнаго положенія. Обыкновенно онъ стиралъ все написанное и говорилъ при этомъ:

— Ну, господа, чтобы это вамъ яснѣе было, я объясню это завтра. Послѣ этого уже въ классѣ начинали смѣяться громко, смыслъ этого смѣха былъ вполне понятенъ Протопопову. Вообще, уроки его

были одной комедіей. Онъ любилъ громко нараспѣвъ читать всѣ записи, сдѣланныя другими учителями въ журналѣ и затѣмъ долго и пространно отчитывать виновныхъ, иногда глупо остра и потѣшаясь, а иногда распаляясь дѣйствительнымъ гнѣвомъ, который, однако, никого не пугалъ, такъ какъ даже въ гнѣвѣ Протоповъ былъ смѣшенъ. Покончивъ съ записями и отвѣтивъ на нѣсколько глупыхъ вопросовъ, задаваемыхъ всегда съ цѣлью оттянуть время и потѣшиться надъ нимъ, онъ вызывалъ сразу двоихъ отвѣчать урокъ къ доскамъ и задавалъ имъ два разныхъ вопроса. Пока одинъ отвѣчалъ, другой готовился. Если онъ замѣчалъ, что ученикъ отвѣчаетъ урокъ смѣло, увѣренно и не запинаясь, онъ переставалъ его слушать и, уставляясь бессмысленными взорами въ одну точку, задумчиво шевелилъ губами, точно жуя жвачку и время отъ времени кивая головой. Въ такое время можно было вмѣсто урока нести ему какую угодно чепуху, совершенно не относящуюся къ предмету, и только подъ конецъ сказать громко и рѣшительно окончательный результатъ и замолчать. Тогда онъ вставалъ съ каѳедры, окидывалъ сонными глазами доску и ставилъ отмѣтку, руководствуясь своими собственными соображеніями. Всѣ нахалы и лѣнтяи пользовались этимъ и городили увѣренно на его урокахъ самую отчаянную нелѣпицу. Синявинъ, тотъ даже нарочно, если и зналъ урокъ, все-таки для того, чтобы потѣшить классъ, несъ такую ерунду, что можно было только удивляться, и всегда получалъ пять.

Но горе было тѣмъ слабымъ ученикамъ, въ голосѣ которыхъ не слышалось увѣренности, когда они начинали отвѣчать ему урокъ. Онъ тотчасъ же выходилъ изъ своей апатіи, внимательно слѣдилъ за разсужденіями, стараясь сбить разными вопросами, подсмѣи-

ваясь, издѣвался и почти всегда ставилъ дурной баллъ.

Разумѣется, при такомъ способѣ преподаванія, знаній у его учениковъ не было никакихъ, и ихъ письменныя работы заставляли ужасаться всякаго посторонняго зрителя. Пріѣздъ окружного инспектора математика былъ для Протопопова гораздо страшнѣе, чѣмъ для самаго послѣдняго ученика въ его классѣ. Для гимназистовъ, наоборотъ, растерянный видъ учителя и его явная педагогическая бездарность, обнаруживавшаяся предъ высшимъ начальствомъ, служили предметомъ веселья и злорадства.

За десять минутъ до окончанія урока гимназисты начинали дурачить Протопопова, увѣряя его, что до звонка осталось всего двѣ минуты, и онъ не успѣетъ больше никого спросить. Онъ вѣрилъ имъ, складывалъ журналъ и начиналъ бесѣду съ учениками, по его мнѣнію, весьма остроумную, но на самомъ дѣлѣ, весьма убогую по смыслу и содержанію. Это были насмѣшки надъ учениками, привычныя и надоѣвшія нравоученія и угрозы или отвѣты на всевозможные вопросы, глупости которыхъ смѣялись сами гимназисты, но которые они предлагали съ серіозными лицами, кусая губы, и на которые получали весьма серіозные отвѣты. Таковъ былъ этотъ типичный формалистъ-педагогъ, которыхъ, къ сожалѣнію, такъ много въ нашихъ гимназіяхъ и которые не имѣютъ за собой ни преимуществъ добраго сердца, ни солидныхъ знаній, ни любви къ своему дѣлу. Гимназисты хорошо его знали и понимали, и прыгунъ пользовался такимъ же нерасположеніемъ, какъ и носорогъ, но только далеко не такъ успѣшно велъ преподаваніе, какъ Беригъ, у котораго все-таки ученики знали грамматику.

Раевскій никогда не былъ въ ладахъ съ Протопо-

повымъ. Вражда у него съ нимъ началась еще съ прошлаго года по поводу нежеланія ставить Володѣ за прекрасные отвѣты соотвѣтственные баллы. Между ними произошло нѣсколько рѣзкихъ сценъ. Протопоповъ жаловался на Раевского въ совѣтъ и въ концѣ концовъ составилъ о немъ мнѣніе, какъ о крайне зломъ и способномъ на всякія шалости мальчикѣ, при чемъ мнѣнія этого не скрывалъ, а наоборотъ, скорѣе укрѣплялъ его въ другихъ учителяхъ и даже товарищахъ Раевского. Раевскій платилъ ему тою же монетою и не упускалъ ни одного случая, чтобы предъ всѣмъ классомъ поставить его въ неловкое положеніе или уличить въ невѣжествѣ. Послѣ нѣсколькихъ крупныхъ ошибокъ, въ которыхъ онъ поймалъ Протопопова, тотъ сдался и началъ ставить ему пятерки. Съ этихъ поръ наружно отношенія у нихъ измѣнились къ лучшему. Однако, Протопоповъ торжествовалъ, когда замѣчалъ въ журналѣ, въ графѣ записей, фамилію Раевского. Это давало ему возможность при всемъ классѣ долго говорить своему врагу непріятности и колоть его самолюбіе. Синявинъ былъ вполне правъ, предупреждая Раевского, чтобы онъ не поругался еще и съ прыгуномъ. Самъ Володя чувствовалъ, что вѣроятіе такого исхода—слишкомъ большое, а между тѣмъ, ему надо было быть очень осторожнымъ.

Со всѣхъ сторонъ на него надвигались тучи, но вмѣсто того, чтобы присмирѣть и стараться какъ-нибудь переждать грозу и миновать ее благополучно, онъ, напротивъ, чувствовалъ, что настоящее отчаяніе овладѣваетъ имъ, то слѣпое и глупое отчаяніе, которое заставило его какъ-то разъ, въ четвертомъ классѣ, пустить книгой въ француза за то, что тотъ поставилъ ему тройку, и которое помогло ему рѣшиться бѣжать въ Америку. Онъ чувствовалъ кругомъ себя непріязнь,

усугублялъ эту непріязнь въ своемъ воображеніи во много разъ, вспоминалъ о своихъ собственныхъ горестяхъ, о грустномъ положеніи въ гимназіи, и тупая злоба на судьбу, приведшую его въ это ужасное положеніе, поднималась въ немъ и заставляла глотать слезы.

Онъ ходилъ по коридору мрачный, обдумывая свое положеніе и даже не разговаривая съ Бѣльскимъ. Увидавъ Тимина, шедшаго съ открытой геометрией въ рукахъ, но всегда витавшаго мыслями гдѣ-то далеко, онъ подошелъ къ нему, взялъ его подъ руку и, увлекая въ боковой коридоръ, который велъ въ столовую и въ церковь, сказалъ:

— Послушайте, Тиминъ, я хотѣлъ бы попросить вашего совѣта въ одномъ очень непріятномъ для меня дѣлѣ. Вы знаете, я такъ дорожу вашимъ мнѣніемъ... Вы кажетесь мнѣ такимъ умнымъ и порядочнымъ человекомъ...

— Ну, что за пустяки,—перебилъ его Тиминъ.—Но въ чемъ же дѣло?—прибавилъ онъ серіозно, видя, что Володя стѣсняется и медлитъ начать рассказъ.

— Я не буду вамъ рассказывать всей исторіи,—сказалъ онъ, наконецъ,—это неинтересно, да и нѣтъ времени. Скажу вамъ прямо, одинъ изъ моихъ пріятелей оклеветалъ меня предъ любимой женщиной...

„Какъ это должно дико и смѣшно звучать въ устахъ гимназиста: „любимая женщина“,—подумалъ онъ, сказавъ это и замѣтивъ, какъ въ прекрасныхъ глазахъ Тимина, стоявшаго около окна, промелькнулъ лучъ едва замѣтной улыбки. Тиминъ воскликнулъ:

— Бѣльскій? вашъ другъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно отвѣтилъ Раевскій.—Барановъ...

— А!.. Барановъ, ну, это отъ него можно было ожидать...

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— То-есть какъ, что дѣлать?—не понялъ его Тиминъ.

— Какъ я долженъ выйти изъ своего положенія?

— Я думаю, Баранову надо выходить изъ положенія, а не вамъ. Онъ сдѣлалъ подлость, а не вы. Для васъ достаточно только убѣдить любимую женщину, что ей про васъ нагнали, хотя я на вашемъ мѣстѣ не трудился бы это дѣлать, такъ какъ женщина, которая могла повѣрить клеветѣ,—по моему, ничего не стоитъ.. Пойдемте, уже звонокъ. Меня сейчасъ вызоветъ Протопоповъ.

— Подождите минуту,—сказалъ Володя, удерживая его за руку.—Вы меня не поняли. Я спрашиваю, что сдѣлать съ Барановымъ. Какъ наказать обидчика? Побить его, оскорбить, плюнуть въ лицо, или отвѣтить на все презрѣніемъ?

— Разумѣется, оставить его въ покоѣ и сдѣлать видъ, что его клевета такъ же мало васъ беспокоитъ, какъ заплатки на штанахъ Кайзерлинга. Неужели выдумаете, что побивъ его, вы получите какое-нибудь удовлетвореніе? Повѣрьте, что вы уроните только себя, а онъ будетъ торжествовать. Нѣтъ, нѣтъ оставьте его. Помните, что, если Юпитеръ сердится, онъ не правъ... Пойдемте. Протопоповъ навѣрно уже въ классѣ.

Они быстро пошли по коридору и вошли въ классъ почти одновременно съ прыгуномъ. Тиминъ шепнулъ на ухо Раевскому:

— Между нами говоря, я былъ бы радъ, если бы вы вздули Баранова. Онъ заслуживаетъ этого, но ради своего достоинства и самоуваженія, не дѣлайте этого.

Но совѣтъ Тимина не удовлетворилъ Раевского, который ожидалъ услышать отъ него другое, хотя и отлично сознавалъ, что онъ правъ. Но раздраженіе

противъ Баранова настолько возросло въ немъ за эти дни подъ вліяніемъ постоянныхъ мыслей объ этомъ случаѣ и тѣхъ неудачахъ, которыя обрушились на него, что расправа съ Барановымъ казалась ему теперь почти необходимой. Кровь закипала въ немъ при одной мысли, что оскорбленіе останется безнаказаннымъ.

„Я спрошу Бѣльскаго еще“, подумалъ онъ и сдѣлаю непременно такъ, какъ онъ посовѣтуетъ“.

Въ классѣ, между тѣмъ, лица весело улыбались въ предвкушеніи длиннаго разбирательства записи Раевского, въ продолженіе котораго можно будетъ ничего не дѣлать, говорить глупости и шумѣть.

Протопоповъ развернулъ журналъ и тотчасъ же глаза его скользнули на рядъ строчекъ, написанныхъ мелкимъ почеркомъ Берига. Его бабье лицо засвѣтилось радостной улыбкой, когда среди неразборчивыхъ словъ онъ разглядѣлъ фамилію Раевского.

Онъ закивалъ головой и, ехидно смотря на Раевского, произнесъ:

— Что, Раевскій, опять въ лѣтопись попали? Не могли удержаться? А-а-а, да онъ и единичку успѣлъ получить сегодня! Тяжело похмѣлье послѣ бала? правда, Раевскій?

— Правда, Алексѣй Владиміровичъ,—не вставая, отвѣтилъ Раевскій совершенно въ тонъ ему.

Протопоповъ сталъ серіозенъ.

„Раевскій былъ дерзокъ въ объясненіяхъ съ преподавателемъ и не зналъ урока“—прочиталъ онъ вслухъ записъ Берига, по обыкновенію растягивая слова.

Воцарилось молчаніе, за которымъ должно было послѣдовать обычное Протопоповское правоученіе, въ которомъ онъ старался объяснить ученикамъ, какая громадная пропасть между ними и гимназическимъ начальствомъ, къ которому каждый гимназистъ дол-

женъ, по его мнѣнію, питать родъ священнаго трепета. При этомъ про гимназію и про начальство онъ всегда говорилъ „мы“, а имя директора или инспектора произносилъ съ глубокою торжественностью, неизмѣнно прибавляя къ ихъ титуламъ „господинъ“. Что скажутъ „господинъ инспекторъ и господинъ директоръ“ или господинъ попечитель округа, если узнаютъ о скверномъ поступкѣ ученика,—въ уясненіи ужасныхъ послѣдствій этихъ словъ заключалась цѣль и смыслъ всѣхъ бесѣдъ Протопопова съ учениками.

— Раевскій, — началъ онъ, — скажите, пожалуйста, о чемъ вы думаете? на что надѣетесь? Я этого рѣшительно не понимаю. Господинъ инспекторъ неоднократно предупреждалъ васъ, что васъ попросятъ удалиться. Господину директору ваше поведеніе тоже хорошо извѣстно... Вы что же, хотите, чтобы васъ выгнали? Скажите, вы хотите этого?

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ Раевскій.

— А между тѣмъ, вы дѣлаете все для того, чтобы этимъ кончилось. Поймите, Раевскій, что мы съ вами не шутимъ. Ученики, не желающіе подчиняться требованіямъ гимназіи, не могутъ быть терпимы въ стѣнахъ ея. Или вы, можетъ быть, думаете своимъ поведеніемъ досадить намъ? Подумайте, если васъ выгонятъ, кому изъ насъ будетъ хуже: намъ или вамъ. Полагаю, что намъ хуже не будетъ. Постарайтесь исправиться, а то мы васъ и держать не станемъ.

Раевскій, молча, слушалъ Протопопова, ничего не возражая, чтобы скорѣе окончить непріятный разговоръ. Прыгунъ, видя, что врагъ его, противъ обыкновенія, не возражаетъ, приписалъ это своему благодѣтельному вліянію и уже болѣе смягченнымъ тономъ произнесъ:

— Садитесь.

Потомъ онъ вынулъ свою книжку изъ засаленнаго вицмундира и приготовился спрашивать. Но гимназисты не были расположены потерять такъ мало времени изъ урока и прибѣгли къ своему обыкновенному средству: предлагать глупые вопросы.

Первымъ всталъ Петровъ и спросилъ:

— Алексѣй Владиміровичъ, мы хотѣли давно васъ спросить... Скажите, пожалуйста, кто открылъ пи.

Алексѣй Владиміровичъ самъ не зналъ, кто открылъ пи и когда. Онъ пожевалъ нѣсколько минутъ губами и потомъ нерѣшительно отвѣтилъ:

— Видите-ли... Собственно говоря, пи никто не открывалъ... Впрочемъ, относительно этого существуетъ много гипотезъ...

— Которыхъ вы не знаете,—сказалъ кто-то въ классѣ настолько громко, что всѣ слышали, и поднялся общій хохотъ.

— Что это вы, Синявинъ, такъ громко смѣетесь? Весело? — воспользовался Протопоповъ, чтобы отдѣлаться отъ отвѣта на вопросъ.— Должно быть, вы хорошо урокъ знаете, если такъ веселы? Пожалуйста отвѣчать.

На задней скамейкѣ послышалась короткая возня и шелестъ бумаги, послѣ чего Синявинъ вышелъ большими шагами къ доскѣ, безъ малѣйшей тѣни смущенія, самодовольно и самоувѣренно. Только блуза, оттопырившаяся на груди, свидѣтельствовала о присутствіи инороднаго тѣла, имѣвшаго близкое отношеніе къ уроку геометріи.

Въ то время, какъ Протопоповъ, бессмысленно уставивъ въ стѣну глаза, слушалъ, или вѣрнѣе дѣлалъ видъ, что слушаетъ доказательства Синявина, которыя тотъ читалъ по книгѣ увѣреннымъ тономъ, Раевскій рассказывалъ своему другу Бѣльскому то, чему онъ

былъ невольнымъ свидѣтелемъ на гимназическомъ вечерѣ. Когда онъ окончилъ эту исторію, рассказанную вполголоса, Бѣльскій возмущенно прошепталъ:

— Какой подлецъ! какой подлецъ и негодяй! Кто бы могъ подумать?!

— Я просто ушамъ своимъ не хотѣлъ вѣрить, когда слушалъ, какъ онъ беззастѣнчиво лгалъ.

— Я не понимаю только, отчего ты тамъ же на мѣстѣ не устроилъ ему скандалъ. Надо было потребовать объясненій... Наконецъ, прямо дать ему по физиономіи... Впрочемъ, за это выгнали бы изъ гимназіи...

— Во-первыхъ, а во-вторыхъ, развѣ я рѣшился бы когда-нибудь причинить горю Анѣ?.. Но, скажи, ради Бога, что теперь дѣлать?

— Вздуть его хорошенько, безъ всякаго сожалѣнія. Съ подлецами нельзя церемониться. Сегодня онъ сдѣлалъ такую штуку съ тобой, а завтра сдѣлаетъ съ кѣмъ-нибудь другимъ... Надо его прямо поколотить. Мы подговоримъ еще нѣсколькихъ товарищей: Шорина, Синявина, еще кого-нибудь, подкараулимъ его послѣ всенощной въ сборной, закроемъ шинелями и отдубасимъ...

— Ну, что ты!—возмутился Раевскій.—Это ужъ какое-то предательство... изъ-за угла.

— Ахъ, что такое предательство!?. называй какъ хочешь! А развѣ онъ съ тобой поступилъ не по предательски? Нѣтъ, съ такими субъектами всякую мораль надо бросить. Его надо наказать...

— Только не такъ... А я, знаешь, что думаю. Если подойти къ нему во время большой перемѣны и вмѣсто того, чтобы поздороваться съ нимъ, дать ему пощечину; какой это произведетъ эффектъ?..

— Это было бы великолѣпно, если бы не было такъ рискованно для тебя. Онъ можетъ пожаловаться

и, Богъ знаетъ, какъ посмотреть на это Трегубовъ. Опасно. Могутъ выставить изъ гимназіи. Что же это за наказаніе! Наказаніе не достигаетъ цѣли, разъ мстителя ожидаетъ еще худшая казнь...

— Положимъ, я увѣренъ, что онъ не станетъ жаловаться, получивъ по фізіономіи.

— Ты думаешь?

— Глубоко убѣжденъ въ этомъ... Но, подумай, какъ позорно для него при всѣхъ получить пощечину. Я думаю, что это лучший выходъ. Съ такимъ мерзавцемъ иначе нельзя.

— То есть, по моему, это для него будетъ самымъ слабымъ наказаніемъ.

— Но не будетъ ли это неблагогородно?

Бѣльскій не рѣшился отвѣтить. Въ немъ боролись два чувства. Съ одной стороны, ему очень хотѣлось, чтобы Барановъ получилъ пощечину, что обѣщало быть зрѣлищемъ очень интереснымъ и необыкновеннымъ, а съ другой, — онъ боялся за своего друга, дѣла котораго могли принять очень скверный оборотъ, если бы начальство узнало о какой-нибудь дракѣ. Драка учениковъ старшихъ классовъ, въ особенности учениковъ, отличавшихся такимъ сквернымъ поведеніемъ, — являлась съ точки зрѣнія начальства — очень большимъ преступленіемъ.

— Н-нѣтъ, — наконецъ, отвѣтилъ онъ нерѣшительно — Неблагороднаго здѣсь ничего нѣтъ. Онъ это заслужилъ.

— Да, я тоже думаю. Въ эту перемѣну мы спустимся съ тобою въ сборную, и тамъ я его ударю, при всѣхъ. Главное, смотри, чтобы не парваться на инспектора.

Принявъ такое рѣшеніе, Володя немного успокоился. Напрасно какой-то внутренній голосъ твердилъ

ему, что онъ собирается совершить дурной и недостойный порядочнаго человѣка поступокъ, напрасно этотъ голосъ твердилъ ему слова его отца и Тимина: злоба на Баранова, ореолъ нѣкотораго геройства, который окружаетъ безкорыстнаго мстителя и, наконецъ, самая необыкновенность сцены, въ которой онъ будетъ играть видную роль и поддержка друга, совершенно усыпили въ немъ добрыя чувства. Участь Баранова, который въ это время отвѣчалъ по книгѣ въ шестомъ классѣ сатиру Кантемира и совершенно не подозрѣвалъ объ ожидавшей его злобѣ противника, была рѣшена.

Урокъ окончился въ молчаніи, такъ какъ волненіе мѣшало Раевскому болтать о пустякахъ, о которыхъ онъ обыкновенно болталъ съ Бѣльскимъ. Какъ только прозвонилъ звонокъ, и Протопоповъ вышелъ изъ класса, Раевскій взялъ подъ руку Бѣльскаго, и они пошли быстро внизъ, гдѣ обыкновенно собирались въ большую перемѣну.

Бѣльскій, видя такую рѣшимость въ своемъ другѣ, немного испугался и попробовалъ его отговорить:

— Послушай, Володя, не стойтъ... Неужели ты, правда, хочешь сдѣлать это?

Но Раевскій ни слова не отвѣтилъ, и только по его блѣдному лицу, стиснутымъ зубамъ и усиленному дыханію, Бѣльскій убѣдился, что онъ не шутитъ.

Они вошли въ сборную, гдѣ длиннымъ рядомъ стояли вѣшалки съ гимназическими шинелями. Тамъ уже собрались обычные посѣтители этого мѣста, и около третьяго окна друзья сейчасъ же замѣтили Баранова, невозмутимо рассматривавшаго свой бутербродъ съ ветчиной, который онъ собирался начать ѣсть, и Балясина, который ему что-то оживленно рассказывалъ, вѣроятно, какую-нибудь сплетню про учителей.

Они тотчасъ же замѣтили Раевского и Бѣльскаго, и ничего не подозрѣвавшій Барановъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, улыбаясь и держа въ зубахъ свой буттербродъ, такъ какъ руку онъ вытиралъ въ эту минуту бумажкой. Когда всего нѣсколько шаговъ отдѣляли Раевского отъ его врага и онъ почувствовалъ, что надо дѣйствовать, все потемнѣло у него въ глазахъ. Онъ быстрѣе сдѣлалъ эти послѣдніе шаги и раньше чѣмъ кто-либо успѣлъ произнести одно слово, изо-всѣхъ силъ ударилъ Баранова по лицу. Онъ видѣлъ, какъ изо-рта у него выскочилъ буттербродъ и куски ветчины разсыпались по полу, какъ всѣ кругомъ вскрикнули отъ удивленія и любопытства, что произойдетъ дальше, какъ выраженіе лица Баранова мгновенно измѣнилось изъ радостнаго и беззаботнаго въ удивленное и обиженное. Барановъ, дѣйствительно, въ первую минуту растерялся, до такой степени все происшедшее было для него неожиданнымъ, и только испуганно сказалъ:

— Володя, что съ тобою?

Только нѣсколько мгновений спустя, видя предъ собою мрачнаго и злого Раевского и отдавъ себѣ отчетъ въ томъ, какое ужасное оскорбленіе, по гимназическимъ понятіямъ, тотъ только что ему нанесъ, онъ ощутилъ въ себѣ внезапный приливъ страшной, нечеловѣческой ярости и злобы противъ Раевского. Какъ дикій звѣрь онъ бросился на Раевского, спокойно ожидавшаго его, и между ними завязалась отчаянная драка, въ продолженіе которой слышно было только ихъ прерывистое дыханіе и шумъ отъ подошвъ, трущихся объ асфальтовый полъ.

Вокругъ нихъ собралась сейчасъ же толпа, жадная до всякихъ скандаловъ. Старшіе воспитанники убѣждали дравшихся разойтись; Бѣльскій и Балясинъ про-

бовали даже ихъ разнять, но безуспѣшно. Однако, нашлись и такіе, которые кричали:

— Оставьте ихъ, оставьте... пусть подерутся. Такъ его Раевскій... хорошенько! Не сдавай, Барановъ...

Тиминъ проходившій здѣсь случайно и привлеченный крикомъ, ужаснулся:

— Господа, ради Бога, что вы дѣлаете? Раевскій какъ вамъ не стыдно!.. Но враги, очевидно, ничего не слыхали и ничего не соображали. Они кряхтѣли и, сплетаясь въ одинъ комокъ, старались повалить другъ друга.

Внезапно раздался хорошо знакомый тревожный крикъ „инспекторъ идетъ“, подѣйствовавшій на разгоряченныхъ враговъ, какъ ушатъ холодной воды. Въ особенности, Раевскій, ярость котораго значительно остыла, сейчасъ же отпустилъ Баранова и, опасаясь попасться Трегубову, пробовалъ вырваться отъ державшаго его за голову противника. Но Барановъ промедлилъ еще нѣсколько мгновений, и инспекторъ появился около нихъ раньше, чѣмъ они успѣли скрыться.

А-а,—иронически протянулъ Трегубовъ, когда они остановились передъ нимъ красные и задыхавшіеся съ мрачными враждебными лицами, — опять старые знакомые! Вы что же, господинъ Раевскій, рѣшили должно быть специализироваться по боксу, а?

Раевскій молчалъ, кусая губы и мрачно смотря въ сторону.

— Науки, стало быть, не удовлетворяютъ васъ?!.. вамъ нуженъ еще физическій моціонъ? Да? Ну, что же вы молчите? Отвѣчайте, что у васъ здѣсь произошло? Что это за дикую и неприличную сцену я засталъ?

Но никто ему не отвѣчалъ.

— Не хотите, значить, давать никакихъ объясне-

ній? Прекрасно. Ну, такъ не угодно ли вамъ обоимъ отправиться въ карцеръ. А сегодня же я сообщу о васъ на совѣтъ...

— Вы можете наказать меня одного,—сухо произнесъ Володя,—Барановъ нисколько здѣсь не виноватъ. Я первый его ударилъ.

Трегубовъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на обоихъ.

— Это правда?—обратился онъ къ Баранову.

— Да, правда,—отвѣтилъ тотъ.

— Можно полюбопытствовать, что же, именно, побудило васъ, уже большого юношу, начинать неприличную драку, которой постыдились бы даже уличные мальчишки?

— Нѣтъ,—холодно отвѣтилъ Раевскій — я не могу вамъ этого сказать. Это наше личное дѣло.

— Ахъ, это ваша тайна, которую вы не желаете сообщать гимназическому начальству? Понимаю... понимаю, — язвительно сказалъ Трегубовъ, взбѣшенный этимъ дерзкимъ отвѣтомъ.—Но, вотъ, можетъ быть, господинъ Барановъ знаетъ что-нибудь о вашей тайнѣ и сообщить намъ, за что вы на него напали, какъ дикій звѣрь? За что на васъ напалъ Раевскій?

Барановъ помолчалъ нѣсколько мгновений, и только губы его слегка поддерживались отъ только что перенесеннаго оскорбленія и внутренняго волненія. Онъ посмотрѣлъ на Раевского и потомъ тихо сказалъ:

— Я догадываюсь о причинѣ, но не знаю, можно ли сказать.

— Я вамъ приказываю сказать,—возвысилъ голосъ Трегубовъ.

— Володя, ты разрѣшаешь сказать? — спросилъ Барановъ, первый разъ обращаясь послѣ ссоры къ противнику. Въ его голосѣ не звучало больше ни малѣйшей вражды. Раевскій тронутъ былъ этой скром-

ностью и тѣмъ, что послѣ такой ссоры, и не смотря на приказаніе и гнѣвъ Трегубова, онъ все-таки не рѣшался рассказать безъ его позволенія. Онъ съ благодарностью и дружелюбіемъ посмотрѣлъ на Баранова и твердо сказалъ:

— Нѣтъ, Коля, я запрещаю говорить объ этомъ господину инспектору. Это наша съ тобой ссора, до которой гимназіи нѣтъ никакого дѣла. Я дрался, вель себя неприлично, и за это они могутъ меня наказать, но...

— Довольно...—перебилъ его Трегубовъ, краснѣя и трясясь отъ гнѣва. Довольно... вы поплатитесь за свою дерзость. Извольте рассказать, Барановъ, изъ-за чего вы подрались.

— Я не могу этого сказать...—спокойно отвѣтилъ Барановъ.

— Почему?

— Вы сами слышали, что Раевскій не хочетъ, чтобы вы это знали.

— Ну, хорошо, ступайте прочь! Я буду знать, что для васъ приказаніе товарища больше значить, чѣмъ приказаніе начальства. Ступайте. А вы, — обратился онъ къ Раевскому, —останетесь сегодня послѣ уроковъ въ запертомъ на ключѣ классѣ до десяти часовъ вечера. Вы будете у меня помнить... Пусть будетъ вамъ стыдно, что васъ, какъ маленькаго, заперли на ключъ, можетъ быть хоть это заставитъ васъ немного подумать о своемъ поведеніи. А пока идите, станьте подъ часы на виду у всѣхъ и стойте тамъ до прихода преподавателя. Надо васъ пронять хоть стыдомъ...

Раевскій отправился и сталъ подъ часы. Это было самое позорное наказаніе, къ которому прибѣгали только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и куда назначались только самые отпѣтые ученики. Часы находи-

лись прямо противъ входа, на лѣстницѣ, и стоявшіе тамъ выставались на общее посмѣяніе всѣхъ проходившихъ мимо. Нѣкоторые преподаватели не пропускали при этомъ случая поглумиться надъ наказанными и поязвить ихъ своими насмѣшками. Въ особенности это любилъ дѣлать Протопоповъ. Попасть подъ часы для ученика старшаго класса было равносильно самому тяжелому и жестокому наказанію. Однако, Раевскій, не смотря на это чувствовалъ все-таки себя удовлетвореннымъ. Съ одной стороны ему было пріятно, что у него не осталось никакой вражды и злобы къ Баранову, а съ другой его заставляла торжествовать мысль, что Трегубову не удалось ничего узнать, и что онъ, Раевскій, вышелъ все-таки побѣдителемъ.

Только, когда Тиминъ, проходя мимо, укоризненно покачалъ головой и, ни слова не сказавъ ему, прошелъ мимо, онъ на минуту почувствовалъ что-то вродѣ угрызенія совѣсти и сомнѣнія въ порядочности своихъ поступковъ.

Смеркалось, когда утомленный и измученный пятичасовымъ сидѣньемъ въ запертомъ классѣ, умирающій отъ скуки и голода, Раевскій услышалъ въ двери класса звукъ осторожно поворачиваемаго ключа. Выпускать его еще было очень рано, такъ какъ часы показывали всего половину восьмого, и онъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго звука.

Въ ту же минуту дверь отворилась и на порогѣ появился Барановъ, смущенный и растерянный, держа въ одной рукѣ салфетку, въ которой что-то было завернуто, а въ другой два яблока.

Раевскій смотрѣлъ на него съ нескрываемымъ удивленіемъ:

Онъ остановился на порогѣ и проговорилъ:

— Володя, ты на меня не сердишься больше? Не

сердись на меня, голубчикъ. Я знаю, что я во всемъ виноватъ и что ты ударилъ меня заслуженно. Я поступилъ очень гадко... Прости меня.

Раевскій почувствовалъ, какъ что-то подкатывается ему къ горлу, что-то мучительное и въ то же время пріятное...

Онъ пробормоталъ:

— Коля, голубчикъ мой, что ты говоришь? Я сдѣлалъ по отношеніи къ тебѣ такую гадость и ты же просишь у меня прощенія.

Я долженъ извиниться предъ тобою, а не ты...

— Нѣтъ, нѣтъ... нѣтъ... перебилъ его Барановъ.— Не говори этого. Я отлично сознаю, какой я мерзавецъ и какъ ты велъ себя благородно во всей этой исторіи. Ты знаешь, мнѣ стало такъ жалко тебя, когда Трегубовъ отпустилъ меня, а тебя наказалъ, мнѣ показалось это такую несправедливостью къ тебѣ, который такъ благородно принялъ всю вину на себя, что я чуть было не расплакался. Я вообразилъ тебя, сидящимъ здѣсь по моей винѣ голоднаго и грустнаго и чувствовалъ себя подлецомъ. Не сердись на меня, Володя...

Володя тронутый до глубины души этими словами подошелъ къ нему и горячо обнялъ его... Потомъ они оба заплакали чистыми и облегченными слезами, вмѣстѣ съ которыми вышло все то дурное, что произошло недавно между ними...

— Ахъ, какъ я счастливъ, что все такъ кончилось,— произнесъ Барановъ, утирая слезы. Я былъ увѣренъ, что ты не захочешь меня простить и прогонишь вонъ...

— Но, какъ ты попалъ сюда?

— Я далъ полтинникъ сторожу и досталъ ключъ. Я принесъ тебѣ обѣдъ и фрукты. Ёшь скорѣе, а то можетъ нагрянуть Трегубовъ. Онъ сидитъ и читаетъ газету въ учительской, должно быть караулитъ тебя.

— Спасибо, голубчикъ. У тебя золотое сердце. Другой бы на твоёмъ мѣстѣ поссорился со мной окончательно, а ты заботишься обо мнѣ, какъ о лучшемъ другѣ.

— Ышь, Ышь скорѣе... Что за пустяки. Я самъ во всемъ виноватъ.

Счастливый и довольный Раевскій сталъ уничтожать содержимое въ салфеткѣ, а такой же счастливый Барановъ съ мокрыми глазами смотрѣлъ на него и говорилъ:

— Я такъ боялся, что ты навѣки со мной поссо-ришься. Господи, какъ я радъ, что все кончилось такъ хорошо.

Въ это время Трегубовъ неслышными шагами прошелъ мимо класса и, увидѣвъ въ неясномъ полумракѣ двѣ фигуры, отворилъ дверь и, удивленный, узналъ Баранова. Онъ нашелся только спросить:

— Вы какъ попали сюда?

Тогда Раевскій и Барановъ наперерывъ стали рассказывать, какъ имъ стало жалко другъ друга и какъ они горѣли желаніемъ примириться.

— А это что такое? — спросилъ онъ, указавъ на остатки кушанья.

— Это Барановъ принесъ мнѣ обѣдать...

Трегубовъ былъ тронутъ. Онъ ласково посмотрѣлъ на обоихъ и сказалъ:

— Значитъ помирились? Ну и слава Богу. Ступайте теперь домой и ведите себя прилично. До свиданья... Онъ вышелъ изъ класса, и шаги его умолкли въ отдаленіи.

XI.

Въ Петербургѣ скучно и непріятно жить лѣтомъ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ. Всѣ недостатки крупнаго промышленнаго центра выступаютъ въ это

время въ немъ особенно ярко, а тѣ достоинства, которыя такъ привлекають въ немъ и заставляютъ проникаться къ нему такою любовью, вся умственная и эстетическая его жизнь—совершенно отходятъ на задній планъ и даже исчезаютъ совсѣмъ. Всѣ улицы загорожены вдоль и поперекъ всевозможными рогатками, заборами и лѣсами, отовсюду слышится оглушительный стукъ несущихся вскачь ломовиковъ съ желѣзомъ, мостовыя передѣлываются, и асфальтъ, который варять здѣсь же, издаетъ отвратительный запахъ, который ѣстъ глаза. Пыль и духота усиливають непріятное чувство, овладѣвающее обывателемъ въ эти мѣсяцы испытаній его терпѣнія. Всѣ театры, музеи и картинныя галлерей закрываются на лѣто, а процвѣтають только увеселительныя сады, да оперетки, при этомъ самого послѣдняго достоинства.

Володя Раевскій испыталъ все это на себѣ. Экзамены въ восьмой классъ сошли у него благополучно, всѣ его товарищи разъѣхались, друзья тоже. Бѣльскій уѣхалъ въ Ялту со своей сестрой, Немировъ отправился путешествовать за границу съ отцомъ, а Тиминъ уѣхалъ въ Кіевскую губернію, въ имѣнье къ своей теткѣ. Сень-Клеръ уѣхали въ Крейцнахъ, на воды, и Володя чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, чѣмъ когда либо. По цѣлымъ днямъ онъ слонялся, не зная за что взяться, т. к. на него находила нерѣдко страшная апатія, когда онъ не могъ заставить себя ничѣмъ заняться. Онъ часто сидѣлъ подолгу задумавшись, и любимымъ его развлеченіемъ было перебирать мысленно воспоминанія послѣднихъ лѣтъ, центромъ которыхъ, конечно, была Аня.

Иногда онъ самъ удивлялся, когда замѣчалъ, что его не занимаетъ больше настоящее, что его жизнь вся въ прошломъ; онъ думалъ тогда, что счастье для

него кончено, и эта безотрадная мысль доставляла ему какое-то смутное и неясное наслажденіе.

Въ эти послѣдніе мѣсяцы, въ особенности послѣ происшествія съ Барановымъ, онъ очень сильно измѣнился. Онъ сталъ очень задумчивъ, неразговорчивъ и любилъ находиться въ одиночествѣ. Сестра, взятая на лѣто изъ Института, съ которой онъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ, совершенно не узнавала его, такъ мало по сравненію съ прежнимъ, онъ удѣлялъ ей времени, хотя и былъ съ нею по прежнему ласковъ и нѣженъ. Даже отецъ, съ которымъ всегда Володю связывала самая нѣжная и глубокая привязанность, съ удивленіемъ замѣчалъ въ немъ какую-то перемѣну, причины которой онъ не могъ добиться отъ сына.

Впрочемъ, Володя и самъ хорошенько не зналъ, почему онъ сталъ такъ грустенъ и молчаливъ. Онъ создалъ въ себѣ это всегдашнее меланхолическое настроеніе самъ, подобно тому, какъ создалъ его себѣ Тиминъ, постоянными размышленіями о своихъ несчастіяхъ и страданіяхъ, которыя порой пріобрѣтали въ его глазахъ удесятиренные размѣры. Ему нравилось это растравленіе своихъ ранъ, это вѣчное опьяненіе чувствомъ легкой грусти, проникавшимъ всѣ его мысли; ему доставляли удовольствіе постоянныя воспоминанія о безвозвратно прошедшихъ радостяхъ, и изъ этихъ мыслей, изъ этихъ воспоминаній и создалось то искусственное минорное состояніе духа, которое служило загадкой для его родныхъ и, пожалуй, для него самого.

Лѣтомъ, когда всѣ его друзья разъѣхались, когда гимназія опустѣла, и всѣ интересы, связанные съ нею, сами собою порвались, ему было очень скучно. Какъ ни преслѣдовали его Трегубовъ, Протопоповъ и другіе его враги, какъ ни казались они ему враждебными,

теперь, когда онъ съ ними временно разстался, они казались ему милыми и симпатичными. Все дурное, связанное съ воспоминаніемъ о нихъ, сгладилось, осталось только хорошее и веселое. Сознаніе, что цѣлый день онъ не увидитъ никого изъ товарищей, никого изъ учителей, отравляло ему даже удовольствіе, которое онъ испытывалъ, вставая утромъ при мысли, что не нужно готовить Иліады по подстрочнику и выучивать наизусть длиннѣйшія и скучнѣйшія оды.

Цѣлый день былъ у него какой-то неполный. Гимназія стала для него привычкой, какъ клубъ для стараго холостяка или театръ для балетомана. Разлука съ гимназіей, даже трехмѣсячная, была для Володи непріятна.

Онъ любилъ ѣздить на острова, въ эти чудныя окрестности сѣверной столицы, которыя смѣло могутъ соперничать съ красивѣйшими мѣстами міра. Онъ отправлялся туда поздно, такъ какъ не любилъ суеты и нелѣпой толкотни аристократическихъ выѣздовъ, подвигавшихся гуськомъ другъ за другомъ съ глупой медлительностію, везя своихъ хозяевъ со столь же глупымъ выраженіемъ лицъ. Онъ любилъ, сидя на скамейкѣ, среди распустившейся и благоухающей листвы высокихъ деревьевъ, провожать одну зарю и встрѣчать другую, наблюдая за причудливыми и нѣжными окрасками, которыя пріобрѣтало небо въ ти немногія минуты, отдѣлявшія двѣ зари. Опьяненный поэзіей бѣлыхъ ночей, облокотившихъ на спинку скамейки, онъ грезилъ по цѣлымъ часамъ, думая о многихъ, многихъ предметахъ, пока яркое солнце не вставало во всей красѣ и не возвѣщало наступленія уже настоящаго утра. Воды, спокойныя какъ зеркало, отражали красноватыя лучи восхода, пѣніе птицъ привѣтствовало ихъ появленіе, и подъ эти звуки,

возвѣщавшіе пробужденіе дня, Володя разставался со своими мыслями и возвращался домой, тихо проѣзжая по спящимъ улицамъ города. Нѣсколько встрѣченныхъ такимъ образомъ разсвѣтовъ произвели неизгладимое впечатлѣніе на его душу.

Сидя тамъ на скамейкѣ, выходившей на взморье, онъ думалъ о многихъ вещахъ, надъ которыми раньше совсѣмъ не задумывался. Значеніе человѣческой жизни, сущность любви, происхожденіе міра и другіе столь-же отвлеченные вопросы, очень интересовали его теперь, отчасти подъ вліяніемъ бесѣдъ и переписки съ Тиминымъ, отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ сочиненій по философіи, которыя давалъ ему читать отецъ. Эти отвлеченныя философскія размышленія смѣнялись болѣе вещественными соображеніями о своей будущей судьбѣ, о той дорогѣ, которую ему предстоитъ выбрать черезъ годъ и вообще о всей его жизни, которую ему суждено прожить и которая уже, не успѣвъ начаться, омрачилась такими непріятностями. Онъ съ горечью вспоминалъ о томъ, что близко очень время, когда ему придется навсегда разстаться съ гимназіей, съ товарищами, со всѣми продѣлками, со всѣмъ весельемъ, которое, какъ онъ думалъ, одно и осталось только ему въ жизни. Больше всего его пугала разлука съ Бѣльскимъ, Немировымъ и Тиминымъ. Богъ знаетъ, по какимъ дорогамъ они пойдутъ и долго ли ихъ пути будутъ идти рядомъ, не расходясь. Онъ видѣлъ на каждомъ шагу примѣры, что гимназическая дружба вещь очень непрочная и недолговѣчная. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ друзья его брата вскорѣ послѣ окончанія гимназіи совершенно прекратили съ нимъ отношенія. Годъ или два поддерживали переписку, потомъ письма стали все рѣже и короче, интересы другъ къ другу ослабѣвали, пока, наконецъ, оба не

замолкли окончательно. И братъ нисколько не сожалѣлъ объ этомъ, а находилъ, что это въ порядкѣ вещей. У Володи же сжималось сердце, когда онъ думалъ, что его милые хорошіе друзья, съ которыми у него такъ много было общаго, которыхъ онъ такъ любилъ, что они черезъ нѣсколько лѣтъ забудутъ его, и бывшая дружба разлетится, какъ дымъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить этому и сѣтовалъ на жестокую судьбу, которая всегда разъединяетъ людей, любящихъ и связанныхъ другъ къ другу, какъ будто находя въ этомъ для себя источникъ какой-то забавы. Но чаще, всего, конечно, его мысли возвращались къ бѣлокурой, голубоглазой Анѣ, въ которой были воплощены всѣ его надежды на счастье. Онъ сознавалъ, конечно, что эти надежды теперь несбыточны и смѣшны, но все-же дорогой образъ рѣялъ предъ нимъ и въ сумракѣ ночей, и въ первыхъ лучахъ восходящаго солнца, и въ бѣлыхъ серебристыхъ тучкахъ, и въ прозрачныхъ струяхъ воды, и заставлялъ его сердце биться усиленнѣе и горячѣе. Онъ не смѣлъ назвать это состояніе своей дѣтской души надеждой, но онъ надѣялся.

Такъ шли дни лѣта, дни за днями и недѣли за недѣлями. Володя много читалъ и много работалъ и сталъ много серьезнѣе, хотя тотъ страшный бѣсъ, что толкалъ его на разныя нелѣпыя выходки въ гимназін, все еще не уgomонился. Но мысль его стала глубже, сужденія основательнѣе и холоднѣе. Это замѣтилъ и Тиминъ, съ которымъ онъ переписывался, писавшій ему объ этой перемѣнѣ, которую онъ наблюдалъ на письмахъ Володи.

Однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій Володи было полученіе писемъ отъ своихъ друзей. Это удовольствіе еще усугублялось тѣмъ, что каждый изъ нихъ писалъ въ своемъ родѣ. Письма Бѣльскаго были

поверхностны, и веселы, какъ онъ самъ, но остроумны и полны мѣткой наблюдательности.

Немировъ былъ мастеромъ интересно описывать свое времяпрепровожденіе, тѣ мѣста, гдѣ онъ бывалъ и тѣ ощущенія, которыя переживалъ. Тиминъ-же наполнялъ свои письма, дышавшія самой глубокой меланхоліей, философствованіями, подъ-часъ туманными и неясными, какъ его стихи, но всегда интересными и оригинальными. Не было сомнѣнія, что Тиминъ нѣсколько рисовался и своей меланхоліей и своей философіей, но онъ умѣлъ рисоваться и, благодаря своему образованію и развитію, дѣлалъ это такъ незамѣтно и умѣстно, что производилъ глубокое вліяніе на Раевского, и на всѣхъ тѣхъ, кто близко его зналъ.

Однажды, недѣли за двѣ до окончанія каникулъ, Володя получилъ сразу два письма: одно отъ Тимина, другое отъ Бѣльскаго. Въ этотъ разъ ему особенно пріятно было получить вѣсть отъ друзей, такъ какъ оба они долго молчали и Володя давно поджидалъ отвѣта. Тиминъ писалъ ему:

„Дорогой другъ, вы, навѣрное, проклинаете меня въ душѣ за мое долгое молчаніе, но въ моей жизни такъ мало интереснаго, поучительнаго, что я нѣсколько разъ бросалъ перо, сѣвъ предъ этимъ за столъ съ твердымъ намѣреніемъ написать вамъ. Тѣ же лица кругомъ меня, о которыхъ я вамъ писалъ раньше, то же самодовольство и сознаніе своего превосходства надъ другими безъ всякаго на это права. Однимъ словомъ, я скучаю... нѣтъ, скучаю это будетъ невѣрно,— а тоскую попрежнему, видя кругомъ себя тѣ же мало интересныя для меня лица, слыша одни и тѣ же разговоры, на мой взглядъ глупые и безсодержательные, но по ихъ мнѣнію въ высшей степени необходимые и исполненные глубины. Послѣ того спора по поводу

англо-бурской войны, о которой я Вамъ писалъ, когда меня обругали гимназистомъ (не правда ли странно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наше званіе служить ругательствомъ), и сказали, что я недостаточно думалъ надъ этимъ вопросомъ, я больше молчу и слушаю что они говорятъ. И знаете, я нахожу, что подобное отношеніе гораздо полезнѣе для меня. Я не отвлекаюсь отъ созерцанія человѣческой глупости собственными мыслями и могу наблюдать ее во всей ея красѣ.

Ахъ, дорогой другъ, не думайте, что я рисуюсь предъ вами, но, если-бы вы знали, какъ ясна для меня и какъ ненавистна глупость тѣхъ взрослыхъ людей, которые меня окружаютъ, которые меня третируютъ, какъ глупца, по сравненію съ ними, не умѣющаго ни думать, ни разсуждать такъ, какъ они. А между тѣмъ какъ нелѣпы, какъ ребячливы подъ-часъ ихъ разсужденія! Въ особенности, когда они говорятъ съ нами, съ гимназистами. Если они бесѣдуютъ между собой, они еще нѣсколько сдерживаются высказывать свои глубокія мнѣнія, опасаясь сказать какую-нибудь слишкомъ явную глупость, которая будетъ замѣчена другими и поставлена имъ на видъ, но въ разговорахъ съ нами они не знаютъ предѣла. О всѣхъ вещахъ они разсуждаютъ, какъ знатоки, и всякую произнесенную съ апломбомъ нелѣпость подкрѣпляютъ своимъ опытомъ, который имъ якобы позволяетъ глубже проникать въ суть вещей, чѣмъ намъ съ вами, лишеннымъ этого опыта. Если же вы спросите, въ чемъ же заключается этотъ блестящій опытъ, то они не сумѣютъ вамъ отвѣтить. Они воображаютъ, что если они служили въ разныхъ своихъ министерствахъ, писали никому ненужныя бумаги, играли до трехъ часовъ въ продолженіе многихъ лѣтъ въ винтъ, пили водку и шампанское, развратничали съ женщинами и наплодили дѣ-

тей, то это имъ даетъ право признать себя необычайно опытными людьми, и не признавать за младшими права имѣть свое убѣжденіе.

Недавно, напримѣръ, былъ у насъ одинъ товарищъ прокурора, господинъ съ одутловатымъ тупоумнымъ лицомъ, лѣтъ сорока. У насъ зашелъ съ нимъ разговоръ о правѣ и философіи права, которыми вы знаете, я интересуюсь, и по которымъ много читалъ. Этотъ же господинъ, прочитавшій по философіи права только то, что отъ него требовалось когда-то въ университетѣ, никогда больше не думавшій надъ этими вопросами и размышляющій надъ ними только въ тѣ минуты, когда приходится спорить на эти темы, не могъ допустить мысли, что гимназистъ, вдругъ, можетъ быть компетентнѣе въ этомъ вопросѣ его, юриста философа *par excellence*. И, вотъ, онъ начинаетъ спорить. Въ его тонѣ слышно снисхожденіе ко мнѣ съ отгѣнкомъ презрѣнія. Онъ съ апломбомъ закидываетъ меня именами, причемъ я убѣждаюсь, что онъ дѣлаетъ это единственно съ цѣлью запугать меня и не имѣетъ никакого понятія о вопросѣ. Больше часу мы спорили съ нимъ, и я во многихъ пунктахъ доказалъ ему, какъ мало онъ свѣдуецъ въ вопросѣ. Достаточно сказать вамъ, что этотъ господинъ, получившій высшее образованіе, когда у насъ зашла рѣчь о стойкахъ, думалъ, что слово „стойкъ“ происходитъ отъ русскаго слова стоять, стойкій. Каково! И при этомъ грубомъ невѣжествѣ, обнаруженномъ имъ, у него хватило нахальства при прощаніи сказать мнѣ снисходительно:

— Учитесь, учитесь, молодой человѣкъ! Я тоже въ ваше время интересовался отвлеченными науками. Вы немного самоувѣрены, но въ юности кто не самоувѣренъ.

Предоставляю вамъ рѣшить, кто изъ насъ былъ

самоувѣренъ—я или этотъ товарищъ прокурора. Я самоувѣренъ, видите ли, потому, что позволяю себѣ удостоувѣриться въ кругломъ невѣжествѣ этого взрослого.

Ну, простите меня, я вамъ надоѣлъ, однако, съ этимъ вѣчнымъ выраженіемъ неудовольствія на старшихъ. Но ужъ очень они меня допекаютъ, именно своимъ опытомъ, узостью своихъ взглядовъ и слѣпымъ апломбомъ. Всѣ они всегда и во всемъ являются людьми, думающими, что „стойкъ“ происходитъ отъ слова стоять. И всѣ они отказываются понять, когда имъ указываютъ ихъ ошибки.

Мои братья ходятъ на охоту, возвращаются поздно вечеромъ усталые и измученные и съ торжествомъ вытаскиваютъ изъ сумокъ окровавленныхъ зайцевъ и птицъ. У нихъ идетъ соревнованіе, кто больше убилъ. Лица у нихъ дѣлаются въ это время красными, кровавыми и противными. Меня приводятъ въ ужасъ эти дикіе инстинкты, кѣторые находятъ себѣ мѣсто въ интеллигентномъ обществѣ и поощряемы взрослыми. Я пробовалъ ихъ уговаривать и указывать имъ на всю нелѣпость и гнустность подобнаго занятія. Они смѣются, а отецъ говоритъ, что я корчу изъ себя святого. Чортъ возьми, какъ мало надо для того, чтобы быть святымъ. Вы видите, дорогой другъ, что мнѣ не очень пріятно живется. На каждомъ шагу я вижу проявленіе дикости и глупости, поощряемая и культивируемая; вездѣ я встрѣчаю глумленіе надъ самыми возвышенными и хорошими идеями и отрицаніе самыхъ прекрасныхъ и абсолютныхъ истинъ.

Мнѣ очень больно... Больно и за людей и за себя...

Вы спрашиваете, что я думаю о томъ, чтобы въ будущемъ году вдохнуть въ гимназическую жизнь немного духу и основать литературное или какое-нибудь другое общество. Не могу вамъ сказать, чтобы я со-

чувствовалъ этой мысли. Всякое общество съ литературными или научными цѣлями хорошо, если оно возникаетъ само собою, безъ всякаго давленія со стороны отдѣльных лицъ, когда его основаніе является слѣдствіемъ всего предыдущаго. Если же нѣтъ интереса въ людяхъ ни къ чему, кромѣ картъ, выпивки, продажныхъ женщинъ и пошлыхъ книжекъ, то какія вы общества ни основывайте, ничего изъ этого не выйдетъ. Никакія общества не заставятъ Синявина проштудировать Дарвина, или Фельдмана написать пару стиховъ. Все это для нихъ слишкомъ скучно. Все это будущіе взрослые, о которыхъ я вамъ писалъ, которые, ничего не зная и ничему не учась, будутъ въ послѣдствіи имѣть такой наглый видъ, какъ будто они все знаютъ и превзошли всѣ науки. Спросите нашихъ товарищей, что ихъ интересуетъ и какъ бы они желали жить. Я убѣжденъ, что девять десятыхъ изъ нихъ отвѣтятъ, что они желали бы имѣть возможность ничего не дѣлать и вести тотъ пошлый образъ жизни, который ведутъ всѣ кругомъ насъ, и только одна десятая скажетъ что-нибудь о духовныхъ интересахъ. Но стоитъ ли для этой одной десятой, а я даже не увѣренъ, наберется ли ихъ одна десятая, огородъ городить и основывать общество? Мы, вѣдь, и такъ читаемъ, занимаемся и увлекаемся вопросами, которые совершенно не интересны для большинства нашихъ товарищей... Такъ что я думаю, дорогой другъ, оставить это намѣреніе. Всякія общества не внушаютъ мнѣ довѣрія. Вотъ если бы можно было создать такое общество, которое заставило бы спящихъ пробудиться, которое отвлекло бы отъ пустой и порочной жизни къ интересной и продуктивной, тогда о немъ можно было бы подумать. И знаете, я думаю, что такое общество, быть можетъ, и возможно. Окружающая среда творить чело-

вѣка, и я прихожу къ тому заключенію, что гимназія очень много виновата въ томъ, что ея питомцы такъ мало развиты и такъ мало нуждаются въ духовной пищѣ. Она фабрикуетъ тѣхъ взрослыхъ, которые думаютъ, что опытъ жизни заключается въ прожитыхъ годахъ, а не въ продуманныхъ мысляхъ. Ну, да объ этомъ мы поговоримъ съ вами при свиданіи. Эта тема интересная и, быть можетъ, не бесполезная. Пока до свиданія, желаю вамъ всего лучшаго.

Я приѣду въ Питеръ въ день начала занятій. На молебнѣ не буду: ужъ больно противна мнѣ вся эта обстановка. Хочется съ вами повидаться: вы, вѣроятно, окрѣпли и духовно и физически. Ну, будьте здоровы. Вашъ Евгеній Тиминъ.

Р. С. Мнѣ писали, что къ намъ назначенъ новый учитель русскаго языка, кажется, Чернягинъ. Говорятъ, въ высшей степени свѣтлая личность. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы это было такъ!... Е. Т.“

Володя нѣсколько разъ перечелъ это письмо, написанное нѣсколько самоувѣреннымъ и, пожалуй, слишкомъ строгимъ тономъ, но въ которомъ такъ и свѣтилась добрая, правдивая и благородная душа Тимина. „Какой онъ славный человѣкъ“,—подумалъ Володя, распечатывая письмо отъ Бѣльскаго. Ему было только немного непріятно, что Тиминъ отнесся такъ отрицательно къ его мысли о литературномъ обществѣ. Это общество было давнишней его мечтой, и онъ думалъ, что съ возникновеніемъ его, ихъ гимназія приметъ, дѣйствительно, совершенно иной оттѣнокъ. Онъ видѣлъ впереди чтеніе докладовъ по разнымъ вопросамъ, горячія пренія, публичныя чтенія собственныхъ произведеній и ихъ громогласную критику, онъ мечталъ о томъ, что всѣ заинтересуются этими занятіями, и ихъ желанія съ Тиминымъ осуществляются.

И, вотъ, теперь самъ Тиминъ отвергалъ все это, увѣряя, что общество не достигнетъ пѣли.

Володя развернулъ письмо Бѣльскаго и прочелъ:
„Милый другъ Володя, писалъ ему Бѣльскій, твое письмо я получилъ уже довольно давно, но ты, зная мой характеръ и то обстоятельство, что на дачѣ рядомъ съ нами живутъ двѣ хорошенькія и умненькія бабышні, съ которыми я свелъ прочное знакомство, навѣрное поймешь меня и извинишь нѣкоторую задержку съ отвѣтомъ. Поневолѣ проводишь почти все время съ ними, гуляемъ, обѣдаемъ, ужинаемъ—все вмѣстѣ. Жаль, что тебя здѣсь нѣтъ. Послѣ легкомысленнаго общества дѣвѣ, бываетъ очень пріятно дѣльно поговорить, а это можно было бы съ тобою. Здѣсь такая чудная мѣстность: дикая краса столкнувшихся утесовъ, прелесть пестрѣющихъ холмовъ, синева полуденнаго неба—все здѣсь ласкаетъ взоры: ты видишь, какъ предъ тобой протекаетъ жизнь природы. Что скверно, такъ это погода за послѣднія двѣ недѣли: Ялта утопаетъ въ дождяхъ, идущихъ день и ночь. Ужасно жаль, что каждое лѣто мы бываемъ врозь; лѣтомъ бы и пожить бы намъ вмѣстѣ. Это было бы совсѣмъ иное дѣло чѣмъ зимой. Зимой я, собственно говоря, терпѣть не могу, и единственно, что меня примиряетъ съ ней, это то, что мы въ это время бываемъ вмѣстѣ и можемъ видѣться и бесѣдовать, какъ угодно. Ты пишешь на счетъ путешествія за границу. Желаніе путешествовать съ тобою я ощущаю въ сильнѣйшей степени, это было бы для меня большою радостью; и хотя бы по Россіи. Куда ужъ тутъ Франціи, Италіи и прочія чудеса!

А все подлая деньги! Отчего теперь нельзя жить въ бочкѣ, какъ Діогенъ, и странствовать какъ Апостолы, „во имя Господне“? Мы съ тобой не во время родились. А поѣздить по свѣту, посмотреть востокъ и западъ,

югъ и сѣверъ—меня ужасно тянетъ. Въ особенности манятъ меня лимонныя рощи Италіи, этой чудной страны съ лазурнымъ небомъ, изумруднымъ моремъ и прекрасными женщинами. Туда бы вотъ! Но все это однѣ мечты, а мечты такъ рѣдко сбываются. Гораздо болѣе осуществимъ нашъ совмѣстный пріѣздъ будущимъ лѣтомъ сюда. Здѣсь страшно дешево жить. За сорокъ рублей ты можешь имѣть все, что захочется твоей требовательной душѣ. Желаящіе даже могутъ пользоваться ласками хорошенькой и молоденькой горничной. Не думай, однако, что я испыталъ это на собственномъ опытѣ; я вѣренъ нашимъ Эпикуровскимъ, въ самомъ вѣрномъ смыслѣ этого слова, традиціямъ. Къ тому же мои милыя знакомыя, изъ которыхъ одна, пожалуй, даже затмила образъ Лины, слишкомъ уже занимаютъ мои мысли и даже сердце. Послѣ завтра онѣ уѣзжаютъ, и я чувствую, что это большое свинство съ ихъ стороны. Скука тогда здѣсь будетъ зеленая. Вечера теперь темны и довольно длинны уже, и тогда особенно будетъ чувствительно одиночество. Луна своимъ кривымъ рыломъ (а послѣ завтра она уже будетъ кривая) будетъ насмѣшливо коситься на опустѣлый садъ. Иногда, Володя, въ жизни приходится жалѣть, что для людей существуетъ время и пространство: душа ихъ не ощущаетъ, а тѣло тормозитъ движеніе и стремленіе духа.

Часто я подумываю теперь о скоромъ окончаніи гимназіи и о томъ, куда мнѣ направить свои грѣшныя стопы. И чѣмъ больше я думаю, тѣмъ яснѣе и яснѣе представляются мнѣ широко открытыя двери юридическаго факультета СПБ. Университета. Тамъ, тамъ пріютъ для такихъ бездарностей, какъ я. Я тутъ все пишу стихи, вдохновляясь присутствіемъ барышенъ, конечно, дрянные, но все же размѣренныя и рифмован-

ныя строки. „Моихъ стиховъ плѣнительная сладость пройдетъ вѣковъ завистливую даль“... да, какъ бы не такъ! А что-то написалъ за лѣто Тиминъ? Навѣрное, что-нибудь до ужаса оригинальное и непонятное. Съ какимъ удовольствіемъ жду я времени, когда увижусь со всѣми вами. Мнѣ хочется поскорѣе въ гимназію... Соскучился я. Странно, какъ ни глупо и ни отвратительно это заведеніе, а я чувствую, что очень люблю его. Однако, едва ли я пойду на храмовой праздникъ въ гимназію. Тамъ придется стоять въ церкви больше часа, а продѣлывать это я не охотникъ; приходи лучше ко мнѣ поскорѣй и тогда увидимся не въ дыму еиміама, а въ табачномъ дыму, ибо я сталъ покуривать изъ самодѣльнаго мундштука. Ради мундштука-то я собственно и курю: мнѣ совсѣмъ не нравится курить. До свиданья, мой добрый другъ и товарищъ: пиши мнѣ опять, если хочешь порадовать и будь здоровъ и тѣломъ и духомъ. Немировъ все не пишетъ. Любящій тебя Бѣльскій“.

Дочитавъ письмо, Володя почувствовалъ, какъ что-то теплое и радостное проникло ему въ душу и захватила цѣлая волна неясныхъ, но радостныхъ мыслей. Столько дружбы, столько расположенія, столько искренности было заключено въ этихъ простыхъ и безыскусственныхъ строкахъ! Что-то вродѣ счастья испытывалъ Володя въ эту минуту. Полный пріятнаго сознанія, что черезъ три недѣли онъ свидится со своими друзьями, что жизнь потечетъ по-прежнему однообразно, но пріятно, онъ сѣлъ за столъ и покрылъ восемь страницъ своимъ ровнымъ, мелкимъ почеркомъ, отвѣчая Бѣльскому и Тимину. Смерклось, когда онъ кончилъ и розоватая полоса заката догорала еще на западѣ. Ему было легко и радостно, какъ давно уже не было...

ХІІ.

Учебный годъ начался, послѣдній, который суждено было провести Раевскому и его друзьямъ въ стѣнахъ гимназіи. На другой день послѣ молебна, на которомъ ученики восьмого класса демонстративно не присутствовали, друзья собрались въ десять часовъ утра въ новомъ классѣ, озабоченные мыслью занять мѣста поудобнѣе и получше, а главное такимъ образомъ, чтобы можно было сидѣть рядомъ и по возможности всѣмъ вмѣстѣ.

— Господа,—сказалъ весело Бѣльскій, придвигая къ печкѣ четыре маленькихъ парты, на которыя могло умѣститься только по одному человѣку,—вотъ здѣсь мы можемъ сѣсть всѣ въ рядъ. Ближе всѣхъ къ печкѣ Тиминъ, потомъ Немировъ, потомъ ты, Раевскій, и я сяду послѣднимъ... Согласны?

Никто не протестовалъ, и всѣ рѣшили размѣститься именно такимъ образомъ.

— Но, только условіе: не болтать и не смѣяться,—прибавилъ строго Бѣльскій и обращаясь преимущественно къ Володѣ, — теперь мы—ученики старшаго класса и должны подавать всѣмъ примѣръ.

— А главное, прибавилъ Володя, — мнѣ сказалъ инспекторъ сегодня, что, если мнѣ въ аттестатѣ поставить за поведеніе 5 съ минусомъ, меня не примутъ въ университетъ...

— Ахъ, инспекторъ уже говорилъ съ Вами?—спросилъ Тиминъ...

— Да, вѣдь, я сегодня опять опоздалъ на молитву...

— Ну, однако, ты скоро началъ,—сказалъ, смѣясь, Немировъ и послѣ прибавилъ: такъ, значить, господа, не болтать и не смѣяться.

— Но непременно подсказывать...

Въ эту минуту въ классъ, запыхавшись, вбѣжалъ Синявинъ и сообщилъ:

— Инспекторъ новаго учителя къ намъ ведетъ.

Въ классѣ пастала необычная тишина. Не потому, конечно, что ученики прониклись уваженіемъ къ новому, еще совершенно неизвѣстному для нихъ лицу, а потому, что любопытство парализовало на время всѣ другія движенія душевныя и физическія и заставило ихъ въ молчаньи ожидать. Шаги быстро приближались по корридору, гулко отдаваясь среди наступившей тишины, и черезъ минуту на порогѣ показался инспекторъ, а за нимъ повый учитель съ класснымъ журналомъ въ рукахъ. При ихъ появленіи всѣ встали, и инспекторъ, считавшій своей обязанностью отрекомендовать ученикамъ ихъ новаго руководителя, сказалъ:

— Вотъ, господа, Иванъ Михайловичъ Черновъ, вашъ будущій учитель русскаго языка вмѣсто господина Орлова. Я надѣюсь, что вы будете вести себя хорошо, какъ подобаетъ ученикамъ старшаго класса, приготовляющимся вступить въ жизнь. А онъ, я увѣренъ, сумѣетъ заинтересовать васъ своимъ предметомъ.

Сказавъ эту шаблонную фразу, которую онъ всегда говорилъ въ одной и той же редакціи, измѣняя развѣ только имена и названія предметовъ соотвѣтственно случаю, когда приходилось знакомить съ классомъ вновь поступающихъ преподавателей, инспекторъ поспѣшно вышелъ, предоставляя дальнѣйшее уже на усмотрѣніе самого Чернова.

Черновъ, плотный рыжеватый господинъ лѣтъ сорока, съ энергичнымъ лицомъ, легко и свободно взошелъ на кафедру, нисколько не чувствуя себя смущеннымъ. Повидимому, столь небольшая, хотя шумливая, и беспокойная аудиторія не была для него но-

востью, и онъ отлично зналъ, какъ подчинить своей волѣ эту компанію разбойниковъ, готовыхъ превратиться въ самыхъ мирныхъ и дѣятельныхъ гражданъ, если только отпестись къ нимъ не формально, а по человѣчески и въ то-же время съ достоинствомъ.

Всѣ сѣли и съ любопытствомъ смотрѣли на его плавныя, размѣренныя движенія, которыми онъ сопровождалъ обыкновенныя педагогическія манипуляціи. Всѣ жесты, казалось, были обдуманы. Въ нихъ не было замѣтно ни торопливости, ни нервности, ни волненія, столь свойственныхъ многимъ учителямъ. Красиво округливъ локоть, онъ изящно обмакивалъ перо въ чернильницу и также изящно отмѣчалъ въ журналѣ отсутствующихъ. Нѣсколько минутъ прошли въ молчаніи. Новый учитель разсматривалъ журналъ, и ученики уже начали перешептываться между собою и смѣяться. Молчаніе Чернова они приписывали его непаходчивости. Бѣльскій нарисовалъ на клочкѣ бумаги толстаго человѣка съ всклокоченной бородой и, надписавъ не немъ „Черновъ“, передалъ товарищамъ. Послышалось хихиканье, и бумажка быстро обошла весь класъ.

Наконецъ, Черновъ прервалъ молчаніе. Опъ сошелъ съ кафедры, красивымъ жестомъ вынулъ изъ кармана платокъ и облокотившись о кофедру, въ позѣ мраморнаго изваянія, началъ:

— Я надѣюсь, юноши, что мы будемъ съ Вами друзьями. Говорю это не потому, что это, вообще, принято говорить, какъ, напримѣръ это только что сдѣлалъ Вашъ инспекторъ, а потому, что я, дѣйствительно, убѣжденъ въ этомъ. Вы—хорошія и славныя дѣти. Мы будемъ съ Вами заниматься чрезвычайно интереснымъ предметомъ—вашей родной русской литературой. Вы подумайте только, мы познакомимся съ такими людьми, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Жуков-

скій, Тургеневъ... Мы узнаемъ, чѣмъ и какъ жили эти люди, какіе у нихъ были интересы и идеалы. Мы узнаемъ всю жизнь нашего народа, потому что, вѣдь, жизнь эта отражается и сохраняется главнымъ образомъ въ литературныхъ произведеніяхъ. Подумайте, какая намъ съ Вами интересная работа предстоитъ. Это будетъ — нашей совмѣстной дружеской работой. Не думайте, что моя роль, роль наставника, будетъ заключаться въ объясненіяхъ и спрашиваніи уроковъ, какъ Вы, вѣроятно, къ этому привыкли на другихъ урокахъ. Мы будемъ жить съ Вами болѣе общою жизнью и общими интересами. Я не буду Вамъ ставить единицъ за невниманіе и не буду наказывать за дурное поведеніе въ классѣ, хотя я надѣюсь, что такихъ случаевъ у насъ не будетъ. Не буду наказывать потому, что считаю себя всецѣло виноватымъ въ томъ, что не всѣхъ одинаково сумѣлъ заинтересовать. Я буду просить только тѣхъ, кому будетъ скучно со мною бесѣдовать, кто захочетъ шалить или разговаривать, откровенно сказать мнѣ объ этомъ. Я отпущу его безпрекословно, и будьте увѣрены, милые юноши, что это не отзовется на ихъ отмѣткахъ...

Улыбка появилась на многихъ лицахъ при этомъ послѣднемъ заявленіи, столь непохожемъ на все то, что говорили имъ въ этихъ случаяхъ другіе учителя, а въ особенности при эпитетѣ „милые юноши“. Раздалось даже нѣсколько сдержанныхъ смѣшковъ, хотя рѣчь Чернова произвела, въ общемъ, благопріятное впечатлѣніе чего-то совершенно новаго и не казеннаго.

Черновъ замѣтилъ это и слегка нахмурился.

— Не можете ли Вы объяснить, юноша, — обратился онъ сухо къ Петрову, на лицѣ котораго еще играла замѣтная улыбка, — что, именно, смѣшного Вы нашли въ моихъ словахъ?

При словѣ „юноша“ смѣхъ усилился, а сконфуженный Петровъ всталъ и краснѣя проговорилъ:

— Я не Вашимъ словамъ улыбался... Я такъ...

— Это не объясненіе, юноша. Такъ смѣются только дураки и идіоты...— строго сказалъ Черновъ, смотря на него.

Смѣхъ внезапно прекратился, и улыбки исчезли со всѣхъ лицъ, при этомъ дерзкомъ замѣчаніи Чернова. Какъ ни привыкли ученики къ издѣвательствамъ и насмѣшкамъ со стороны начальства, все-таки ругательство въ такой рѣзкой и неприкрытой формѣ являлось нарушеніемъ ихъ правъ гимнизистовъ старшаго класса. Губы Петрова поблѣднѣли и сжались отъ злости, и онъ сказалъ, медленно отчеканивая слова, среди гробовой тишины класса:

— Я Васъ прошу, господинъ новый учитель, быть немного осмотрительнѣе въ выборѣ выраженій. Мы не привыкли къ тому, чтобы насъ ругали бранными словами...

Черновъ нисколько не смутился, даже не измѣнилъ позы и, небрежно взглянувъ на него, отвѣтилъ:

— Вы напрасно горячитесь, юноша, и упрекаете меня въ такихъ преступленіяхъ, въ которыхъ я вовсе невиненъ. Я вовсе не утверждалъ, что вы—дуракъ и идіотъ. Я напротивъ совершенно противоположнаго о Васъ мнѣнія. Я хотѣлъ только сказать, что смѣются безъ причины одни дураки и идіоты. Но я глубоко убѣжденъ, что причина Вашего смѣха вовсе не заключается въ Вашей глупости или идіотизмѣ... Поймите мою мысль и не обижайтесь. Я не хотѣлъ Васъ ни оскорблять, ни обижать, милый юноша.

Петровъ не нашелъ, что отвѣтить на это и сѣлъ на мѣсто, бормоча что-то такое себѣ подъ носъ о томъ, что онъ покажетъ, какъ ругаться, что онъ будетъ жаловаться

и т. д. Однако, онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, кому, и что, именно, онъ покажетъ, и кому онъ будетъ жаловаться.

Гимназисты же инстинктивно почувствовали, что Черновъ правъ, и что Петровъ совершенно неосновательно принялъ бранные эпитеты на свой счетъ. Они продолжали теперь внимательно слушать этого рыжеватаго, изящнаго господина, говорившаго такъ необыкновенно и такъ красиво. И странное дѣло, они чувствовали, какъ онъ все больше завладѣваетъ ихъ вниманіемъ, какъ они всецѣло поглощены его словами и его мыслями, какъ онъ приобрѣтаетъ надъ ними все большую и большую власть. Ледъ, созданный искусственно въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ между учащими и учащимися и толстой корой закрывавшей сердца и тѣхъ и другихъ, быстро подтаивалъ и уносился прочь вмѣстѣ съ потоками его красивой рѣчи, въ которой звучала настоящая неподдѣльная любовь и къ своему дѣлу, и къ тѣмъ, кто являлся центральными фигурами въ этомъ дѣлѣ.

Онъ сумѣлъ коснуться такихъ интересныхъ вопросовъ при обсужденіи значенія литературы въ жизни человѣка, что овладѣлъ вполне вниманіемъ всѣхъ воспитанниковъ, начиная съ самыхъ серьезныхъ и умныхъ и кончая такими, которые на другихъ урокахъ не слушали ни одного слова и занимались посторонними дѣлами. Первый разъ за все время никто изъ нихъ не посмотрѣлъ на часы и не освѣдомлялся у товарищей, сколько осталось, и только когда звонокъ задребезжалъ въ корридорѣ, они очнулись и съ удивленіемъ вспомнили, что сидятъ въ гимназіи, въ классѣ, гдѣ до сихъ поръ царила одна томительная скука.

Черновъ ничего не задалъ и, ласково сказавъ „прощайте, юноши“, ушелъ въ учительскую, сохраняя тоже

изящество и непринужденное достоинство въ походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ.

— Ну, господа, и учитель у насъ теперь будетъ!—сказаль Флитъ, подходя къ компаніи Раевского, которая тоже оживленно дѣлилась впечатлѣніями по поводу новаго учителя.

— Это—просто кладъ! Откуда только они такого выкопали.

— Да, хорошъ-то онъ хорошъ, дядя,—сказаль Синявинъ, подходя къ группѣ учениковъ и почесывая у себя въ головѣ,—но только, навѣрное, работать заставить, заниматься... вотъ, что скверно.

— А вамъ не хотѣлось бы работать?—спросилъ его Тиминъ, насмѣшливо смотря на него своими черными глазами.

— Вотъ заставить васъ учить наизусть всякихъ тамъ Даніиловъ Заточниковъ, Сильвестровъ и Ломоносовыхъ слово въ слово и начнетъ намъ въ восьмомъ классѣ колы лѣпить за сочиненія—тогда и увидите. Нѣтъ, чортъ съ нимъ! Я все-таки предпочелъ бы Орлова. Съ нимъ по крайней мѣрѣ не страшно.

— Совершенно справедливо,—подтвердилъ подошедшій къ нимъ Петровъ.—Я знаю немножко уже этого фрукта по рассказамъ моей сестры. Онъ цѣлый годъ преподавалъ у нихъ русскій. Невозможная скотина...

— Ну, это, положимъ, вы говорите такъ потому, что онъ васъ только что обругалъ и посадилъ въ га-лошу—засмѣялся Раевскій, недолюбливавшій Петрова.

— Мнѣ рассказывала моя сестра, что за сочиненіе онъ никому не ставитъ больше трехъ...

— Это вполне понятно,—сказаль Тиминъ.—Я знаю, какъ пишутъ дѣвочки...

— Не знаю, какъ пишутъ тѣ дѣвочки, которыхъ вы знаете, но моя сестра приносила мнѣ очень недурныя

сочиненія, которыя не каждый бы изъ насъ сумѣлъ написать. И на каждомъ изъ этихъ сочиненій куча самыхъ нелѣпыхъ и грубыхъ замѣчаній Чернова и неизмѣнная тройка... Потомъ мнѣ говорили, что онъ въ высшей степени пристрастный человѣкъ. Въ той женской гимназiи, гдѣ учится моя сестра, онъ ставитъ отмѣтки за красоту.

— Ну, тогда не удивительно, что его сестра получала тройки,—шепнулъ Раевскій на ухо Бѣльскому, который зналъ сестру Петрова, малокровную и золотушную дѣвицу въ угряхъ.

Петровъ замѣтилъ легкую улыбку, промелькнувшую на устахъ друзей и, вспыхнувъ, отошелъ прочь, проговоривъ:

— Во всякомъ случаѣ, его дерзость не пройдетъ ему даромъ.

— А мнѣ онъ замѣчательно нравится, — сказалъ Бѣльскій.—Какъ онъ пріятно говоритъ! Слова такъ и льются и совершенно произвольно проникаютъ въ сознаніе. Не нужно никакихъ усилій, чтобы воспринять его мысли. Ахъ, я буду очень радъ, если такой человѣкъ заставитъ насъ работать. Будемъ писать сочиненія на разныя темы, будемъ навѣрное читать. Понимаете, господа, я чувствую, какъ къ намъ пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Вы не чувствуете, Тиминъ?

— Чувствую, чувствую...—отвѣтилъ Тиминъ, улыбувшись его восторженности.—Но я болѣе скептически настроенъ, чѣмъ вы. Я думаю, что его усилія, его рвеніе разобьются, какъ о каменную гору, объ упорное нежеланіе мыслить и работать большинства нашихъ товарищей.

— Но вы видѣли, однако, какъ онъ всѣхъ увлекъ сегодня...

— Ну, знаете, это первый урокъ! непривычный

способъ преподаванія... простое любопытство, которое замѣнится обыкновеннымъ отношеніемъ, которое существуетъ по всѣмъ другимъ предметамъ. Ужъ чего интереснѣе у насъ исторіи! Вѣдь Андрей Викторовичъ читаетъ намъ прямо блестящія лекціи, и, однако, мы не занимаемся... и ничего не знаемъ.

Раевскій опустилъ голову и ничего не отвѣтилъ. Онъ подумалъ, что Тиминъ правъ и что, каковъ бы ни былъ преподаватель, какъ бы интересно онъ ни преподавалъ свой предметъ, его усилія будутъ напрасны, или почти напрасны. Почему, онъ не зналъ, но часто думалъ надъ этимъ вопросомъ и временами ему казалось, что онъ близокъ къ разрѣшенію загадки.

Иванъ Михайловичъ Черновъ быстро завоевалъ себѣ симпатіи всего класса. Его нѣсколько грубыхъ выходки прекратились очень скоро сами собой, когда ученики поняли, что въ глубинѣ души, ихъ новый учитель—прекраснѣйшій человекъ съ душою, чистой, какъ кристалъ. Даже его противники, не желавшіе заниматься и предпочитавшіе режимъ, установившійся при Орловѣ, когда можно было ничего не дѣлать, и тѣ должны были признать, что его уроки дѣйствуютъ на нихъ захватывающе и заставляютъ позабыть привычную лѣнь. На его урокахъ была образцовая тишина, которую ему не надо было поддерживать ни угрозами, ни наказаніями. Однажды только, онъ случайно замѣтилъ, что во время его объясненій Крамской и Фельдманъ играли въ шахматы. Онъ нисколько не разсердился, но только отправилъ ихъ съ шахматной доской въ коридоръ, гдѣ предоставилъ имъ доиграть партію. Виновные были очень смущены и отъ души просили въ перемѣну прощенія. Черновъ ласково пожалъ имъ руки и инцидентъ былъ преданъ забвенію. Но этотъ случай былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Обыкновенно

венно же къ каждому слову Ивана Михайловича прислушивались съ большимъ интересомъ. Онъ обладалъ громадною эрудиціей и затрагивалъ въ своихъ лекціяхъ по литературѣ самые разнообразныя и жгучіе вопросы. Ученики, не привыкшіе совершенно къ такому отношенію, слушали затаивъ дыханіе. Иногда поднимались интересные споры и дебаты по поводу литературы, въ которые Черновъ охотно вступалъ и даже любилъ ихъ вести. Онъ говорилъ, что ничто такъ не освѣщаетъ вопроса, ничто такъ не способствуетъ его выясненію, какъ разумный и логичный споръ, позволяющій взглянуть на дѣло со всѣхъ сторонъ. Тиминъ особенно любилъ вступать въ такія разсужденія, причемъ часто случалось, что учитель и ученикъ такъ отвлекались отъ темы, что къ концу урока говорили уже о предметахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ литературѣ. Классъ замѣтно раздѣлился на двѣ категоріи: одну, которая принимала дѣятельное участіе въ спорахъ съ Черновымъ и была съ чимъ наиболѣе близка, и другую, которая хотя и прислушивалась съ интересомъ къ тому, что говорилось на урокахъ, но ограничивалась ролью пассивныхъ зрителей и ничѣмъ не проявляла своей самостоятельности. Тиминъ, Флитъ, Раевскій, Бѣльскій и Немировъ были душой первой партіи и ихъ, особенно, любилъ Черновъ среди всѣхъ другихъ учениковъ восьмого класса. Отличительной чертой этого выдающагося и талантливаго человѣка было полное безпристрастіе, которое и стяжало отчасти ему такую любовь среди всѣхъ воспитанниковъ, сердечность и доброта, съ которой онъ относился къ нуждамъ и горестямъ своихъ питомцевъ, къ ихъ случайнымъ неудачамъ и ошибкамъ, и отсутствіе того формализма чиновничества, которыми была пропитана вся гимназія. Онъ не под-

ходилъ ни по своему духу, ни по развитію, ни по взглядамъ къ прочему учебному персоналу и часто самъ говорилъ, смѣясь, своимъ друзьямъ, восьмиклассникамъ:

— Я, господа, здѣсь homo novus и навсегда, вѣроятно, такимъ и останусь. Ко мнѣ что-то никакъ привыкнуть не могутъ.—Въ немъ была та искренность, прямолинейность и презрѣнье ко всякому лавированью, которыя такъ необходимы при общеніи съ дѣтьми и юношами, чрезвычайно чуткими ко всякимъ уверткамъ, и которыхъ такъ недоставало всѣмъ другимъ педагогамъ. Никогда ни въ чемъ онъ не старался увильнуть отъ отвѣта изъ боязни затронуть слишкомъ скользкія и рискованныя темы, на всякіе вопросы давалъ ясные и положительные отвѣты, не прячась за спину гимназическихъ правилъ, запрещающихъ вести съ учениками подобные разговоры. Съ ними онъ говорилъ обо всемъ, о чемъ угодно: и объ общественныхъ вопросахъ, причемъ затрагивались самыя щекотливыя темы о правительствѣ и его дѣйствіяхъ, при одномъ упоминаніи которыхъ директоръ и инспекторъ блѣднѣли отъ страха, и объ экономическихъ, знакомя юношей съ рабочимъ и крестьянскимъ вопросомъ, и о философіи, и о любви, и о женщинахъ... ни предъ какой темой онъ не отступалъ въ страхѣ, что она запрещена, и что онъ получитъ выговоръ отъ начальства, если оно узнаетъ о чемъ-либо подобномъ. Его примѣръ могущественно дѣйствовалъ и на сердца его учениковъ. Они были съ нимъ на рѣдкость правдивы и откровенны. Всѣ недоразумѣнія, происходившія въ классѣ, сейчасъ же выкладывались ему, и онъ со своимъ обычнымъ тактомъ, со своей сердечностью, вникалъ въ дѣло и помогалъ своимъ совѣтомъ. Рѣдкая, постоянная дружба установилась между нимъ и восьмымъ

классомъ. Гимназисты настолько любили его, что появленіе ихъ любимаго учителя съ большой рыжей бородой уже заставляло ихъ улыбаться.

Однако, насколько Черновъ былъ популяренъ и любимъ среди своихъ учениковъ, настолько же онъ пришелся не по вкусу всему учительскому персоналу, а, въ особенности, инспектору и директору, чиновникамъ и формалистамъ *par excellence*. Всѣ педагоги инстинктивно чувствовали, что этотъ человѣкъ отлично понималъ ихъ и оцѣнилъ. Они читали въ его холодныхъ сѣрыхъ глазахъ, что ему отлично извѣстны всѣ тѣ побужденія, которыя по преимуществу руководили ихъ педагогическою дѣятельностью. Въ нихъ они видѣли отраженіе ихъ собственныхъ мыслей о двадцатомъ числѣ, о наградахъ, орденахъ, о полученіи какого-нибудь лишняго урока въ недѣлю, за которыми совершенно исчезало все другое, и для чего ввѣренные имъ мальчики служили только орудіемъ. Тамъ они читали ихъ стремленіе выслужиться предъ начальствомъ во чтобы то ни стало, какими угодно путями, лишь бы только выдвинуться и получить повышеніе; тамъ они видѣли презрѣніе своему собственному раболѣпству и чиновничеству, которое не только убивало въ нихъ всякую любовь къ дѣтямъ, но, страшно сказать, въ нѣкоторыхъ сердцахъ рождало даже ненависть къ нимъ.

Все это они читали въ глазахъ Чернова, когда онъ говорилъ съ ними, проводя свои взгляды, въ бесѣдахъ въ учительской, на преподаваніе и на долгъ воспитателя предъ дѣтьми. Не прошло и мѣсяца, какъ всѣ, за исключеніемъ Кайзерлинга и Геннинга, почувствовали къ новому собрату непріязнь. Онъ казался имъ непрошеннымъ гостемъ, который вотъ-вотъ перевернетъ ихъ порядокъ вверхъ ногами и подчинить все своей

власти. Директоръ прямо-таки его не терпѣлъ и поклялся мысленно при первой же возможности удалить его изъ гимназіи. Въ ожиданіи этого онъ былъ холоденъ съ нимъ, какъ ледъ. При встрѣчахъ протягивалъ ему едва два пальца и пересталъ совершенно разговаривать. Но придратъся къ Чернову онъ не могъ. Преподаваніе велось имъ прекрасно, и успѣхи учениковъ, зарекомендовавшихъ себя на экзаменѣ по русскому языку совершенными невѣждами, были просто невѣроятны. Окружные инспектора, бывавшіе на урокахъ, давали о Черновѣ самые лестные отзывы и репутація его въ округѣ значительно укрѣпилась. Онъ не скрывалъ отъ гимназистовъ своихъ отношеній съ начальствомъ и часто смѣялся вмѣстѣ съ ними надъ своимъ шаткимъ положеніемъ въ гимназіи. Кончилось тѣмъ, что восьмой классъ вмѣстѣ съ Черновымъ образовали одинъ лагерь, враждебно настроенный противъ начальства. Гимназисты души не чаяли въ своемъ предводителѣ, и между ними даже было секретно условлено, что въ случаѣ, если Чернова „выгонять“, они всѣ перебьютъ стекла въ гимназіи, въ квартирѣ инспектора и директора, и всѣ уйдутъ изъ этой гимназіи. Разумѣется, объ этомъ планѣ Чернову не было сообщено, иначе онъ, конечно, постарался бы умѣрить пылъ своихъ защитниковъ. Надо, вообще, отдать ему справедливость, что онъ нисколько не старался разжигать юношей противъ начальства, а совершенно напротивъ, указывалъ имъ все время на то, что надо быть терпѣливѣе и сдержаннѣе.

XIII.

Въ восьмомъ классѣ появилось еще одно новое лицо: новый товарищъ, перешедшій изъ какой-то гимназіи одного изъ южныхъ городовъ. Это былъ вы-

сокій, немного сутуловатый юноша, съ плоской грудью и желтовато-блѣднымъ цвѣтомъ лица. Онъ ходилъ, по-нуро опустивъ голову, которая была у него какой-то странной четырехугольной формы съ необычайно развитымъ лбомъ, и едва-едва передвигая ноги, какъ будто онъ былъ очень утомленъ и ему стоило большого труда заставить себя двигаться. Глаза его тоже были грустны, хотя въ нихъ свѣтилось много мысли.

Онъ пришелъ въ гимназію чрезъ нѣсколько дней послѣ начала занятій и, занявъ свободную скамью около самой кафедры, молчаливо сидѣлъ тамъ, ни съ кѣмъ не знакомясь и не вступая въ разговоры. Если бы это было въ младшихъ классахъ, то, конечно, уже давно съ нимъ всѣ перѣзнакомились бы, но въ восьмомъ классѣ, гдѣ три четверти воспитанниковъ были между собой на „вы“, знакомство не могло произойти такъ легко, и мрачный новичекъ, вѣроятно, еще долго бы сидѣлъ въ одиночествѣ, если бы на него не обратили вниманія Раевскій и Тиминъ.

Однажды, когда послѣ звонка молчаливый гимназистъ вышелъ и своей неувѣренной походкой вошелъ въ коридоръ, Тиминъ сказалъ Раевскому:

— Вы знаете, меня очень интересуеть этотъ нашъ новый товарищъ. Надо съ нимъ поскорѣе познакомиться.

— У него какой-то ужъ очень несчастный видъ...

— Вотъ, потому-то мнѣ и хочется познакомиться съ нимъ. Взгляните на его голову, на черепъ. Какъ развить у него должно быть мозгъ. А потомъ эта меланхолія и молчаливость въ 18 лѣтъ...

— Можетъ быть, онъ просто оригинальничаетъ...

— Ну, зачѣмъ ему такъ проявлять свою оригинальность?.. Нѣтъ, я думаю, что онъ, дѣйствительно, глубоко несчастный человѣкъ...

— Мнѣ его, дѣйствительно, жалко... Сидить онъ себѣ все время одинъ, на своей скамейкѣ... Надо будетъ привлечь его въ нашу компанію.

— Мы сейчасъ начнемъ съ нимъ разговаривать... Хотите?

Въ это время къ нимъ подошелъ Синявинъ.

— Ужасно грустный дядя—этотъ новичекъ. Можно подумать, что у него ракъ желудка или антоновъ огонь.

— А почему вы знаете, что у него нѣтъ еще чего-нибудь похуже? Напримѣръ ракъ души...

— Ракъ души, — проговорилъ Синявинъ, дѣлая видъ, что задумался. Это скверная шутка...

— А можетъ быть, душа рака? — спросилъ совершенно серьезно Бѣльскій, сидѣвшій неподалеку за Титомъ Ливіемъ и слышавшій разговоръ.

— У рака нѣтъ души,—засмѣялся Тиминъ.

— А что же, по вашему у рака? — спросилъ Синявинъ.

— Ну, ладно, будетъ вамъ, господа, — перебилъ Раевскій. Лучше скажите, какъ вы думаете, можетъ быть онъ, дѣйствительно, боленъ?

— Я думаю, это было бы извѣстно гимназическому начальству...

— Ну, есть такія болѣзни...

— Вѣроятно онъ прямо почему-либо несчастенъ. Надо его, господа, утѣшить. Все-таки же онъ нашъ товарищъ.

— Едва ли онъ несчастенъ,—возразилъ Синявинъ.— Я знаю, что онъ—единственный сынъ какого-то богатаго фабриканта. Фабрикантъ нарочно прислалъ его на послѣдній годъ въ Петербургъ, что бы онъ немножко попривыкъ къ столичной жизни. Даетъ ему кучу денегъ, нанимаетъ шикарную квартиру...

— Да ты не врешь?—недовѣрчиво спросилъ Раевскій...

— Ну, вотъ, башка! зачѣмъ мнѣ врать?..

— Да, чортъ тебя знаетъ, зачѣмъ?! Постоянно, вѣдь, ты врешь... Откуда ты это знаешь все?

— Его двоюродный братъ, Щепинъ, изъ седьмага класса, былъ вчера у меня и рассказывалъ...

Это было довольно вѣроятно, а потому всѣ съ любопытствомъ придвинулись ближе къ Синявину и ожидали дальнѣйшихъ свѣдѣній. Синявинъ продолжалъ:

— Щепинъ говорилъ, что отецъ ему даетъ триста рублей въ мѣсяцъ, кромѣ полного содержанія. Но онъ всѣ эти деньги отдаетъ безъ толку, кому попало или покупаетъ себѣ книги и разные инструменты. А между тѣмъ, папаша нарочно прислалъ его въ Питеръ, чтобы немного отвлечь его отъ разныхъ занятій. Онъ надѣялся, что сынокъ будетъ здѣсь кутить... А онъ прямо изъ гимназій на своемъ рысакѣ пріѣзжаетъ домой, отправляется къ себѣ въ кабинетъ, въ свою великолѣпную квартиру, и такъ не выходитъ оттуда до самой ночи...

— Что же онъ тамъ дѣлаетъ?—спросили въ одинъ голосъ Тиминъ и Раевскій, страшно заинтересованные.

— Ну, ужъ этого, господа, я не знаю. Не видалъ...—отвѣтилъ Синявинъ, разводя руками въ знакъ полного невѣдѣнія.—Щепинъ говорилъ, что онъ занимается тамъ главнымъ образомъ физикой, химіей и электротехникой. У него тамъ дорогіе великолѣпные приборы, которымъ позавидовалъ бы любой ученый... Онъ вѣчно съ ними копается, и тамъ, откуда онъ пріѣхалъ, онъ по цѣлымъ недѣлямъ не выходилъ изъ своей комнаты и никого не пускалъ къ себѣ.

— Замѣчательный субъектъ...

— Не знаю,—прибавилъ Синявинъ, понизивъ голосъ,—быть можетъ, Щепинъ вретъ, но онъ говоритъ, будто бы папаша боится, что сынъ его отъ занятій науками свихнется. Ему яко бы сказали это доктора.

— Что же, это очень вѣроятно. Достаточно взглянуть на него, чтобы сказать, что онъ ненормальный человѣкъ.

— И съ этой цѣлью онъ отправилъ его въ Питеръ, нанялъ ему здѣсь шикарную квартиру и поселилъ его съ молоденькой и хорошенькой тетушкой. А тетушка эта, такая же ему тетушка, какъ Вамъ и мнѣ...

— Но, врешь...

Щепинъ говоритъ. Не знаю, можетъ быть, вретъ. И будто, эта тетушка получила соотвѣтственные инструкціи относительно племянника, чтобы хоть этимъ вернуть его къ жизни... Только пока ей это не удастся. Онъ съ ней даже не разговариваетъ совсѣмъ и избѣгаетъ встрѣчаться...

— Это прямо что-то такое необыкновенное. Если даже здѣсь одна десятая правды, то все же слишкомъ интересно...—произнесъ Тиминъ.

— А меня такъ больше интересуеть его тетушка,—сказалъ Синявинъ и громко расхохотался.

Перемѣна кончилась и въ классъ молча вошелъ новичокъ, храня свой прежній мрачный видъ, точно его грызеть какой-то тайный недугъ. Склонивъ голову, онъ шелъ къ своему мѣсту, волоча ноги. Его блуждающій взоръ встрѣтился съ устремленными на него любопытными взглядами Тимина и Раевского, которые теперь, послѣ разказовъ Синявина, склонны были видѣть въ немъ какого-то таинственного выходца изъ другого, чуждаго имъ міра.

Они рѣшили во что-бы то ни стало свести съ нимъ знакомство.

Новичокъ тяжело опустился на свою парту и, склонивъ голову на руку, сталъ смотрѣть на грязную улицу, гдѣ неслись потоки осенняго дождя. Въ эту минуту въ классъ вошелъ Канъ и объявилъ, что Кейзерлинга сегодня не будетъ, и они могутъ свободный часъ заниматься, чѣмъ хотятъ. Въ классѣ всѣ оживились при этомъ пріятномъ извѣстіи, поднялся громкій разговоръ и смѣхъ. Латинскіе учебники съ облегченнымъ сердцемъ были спрятаны до слѣдующаго дня. Одинъ только новичекъ отнесся совершенно равнодушно къ извѣстію. Онъ даже, какъ будто, не слыхалъ его и не перемѣнилъ позы. Только минутъ черезъ пять онъ вынулъ изъ стола книгу и, закрывъ пальцами уши, погрузился въ чтеніе.

— Ну, что же, пойдете, — сказалъ Тиминъ, указывая глазами на новаго товарища.

— Неловко ему теперь мѣшать, — отозвался Раевскій. Но какъ бы въ отвѣтъ на это, новичокъ отодвинулъ отъ себя книгу и снова сталъ смотрѣть въ окно.

— Пойдете, станемъ около окна, — предложилъ Раевскій, — и заведемъ какой-нибудь серіозный разговоръ. Быть можетъ онъ вмѣшается. Или мы сами какъ-нибудь его втянемъ. Пойдете...

Они встали и подошли совсѣмъ близко къ новичку. Нѣкоторое время они, молча, смотрѣли въ окно. Наконецъ, Раевскій прервалъ молчаніе, стараясь говорить настолько громко, чтобы обратить вниманіе новичка:

— На меня ужасно дѣйствуетъ погода. Помните, вы говорили какъ-то, что иногда вамъ приходитъ въ голову мысль о смерти, какъ объ избавленіи отъ всѣхъ бѣдствій. Въ такую погоду меня особенно преслѣдуютъ такіа мысли...

Сказавъ это, онъ искоса взглянулъ на новичка и улыбнулся: новичекъ съ любопытствомъ вслушивался

въ его слова, всматривался въ него, и глаза его на этотъ разъ горѣли какимъ-то огнемъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Тиминъ,—на меня давно уже перестали дѣйствовать такіе глупости, какъ погода... Вы знаете, что, когда нѣтъ цѣли въ жизни, т. е. я хочу сказать, когда убѣдился, что ты представляешь изъ себя игрушку слѣпыхъ, безумныхъ силъ природы,—то ужъ какая бы ни была погода, она не въ состояніи измѣнить этого убѣжденія...

— Простите меня,—перебилъ вдругъ ихъ незнакомый мелодичный и пріятный голосъ, принадлежавшій новому ученику, Гаврилову,—что я такъ безцеремонно вмѣшиваюсь въ вашъ разговоръ, но меня очень заинтересовали ваши слова... Я почти еще ни съ кѣмъ не знакомъ... не успѣлъ... да и мысли мои заняты очень... Простите.

— Сдѣлайте одолженіе—радушно отозвался Тиминъ, пожимая Гаврилову руку.—Мы очень рады. Мы давно уже всѣ хотѣли съ вами познакомиться, но боимся вамъ надоѣдать. Вы такой грустный и молчаливый. Мы давно уже присматриваемся къ вамъ. Откуда вы къ намъ перевелись?

Знакомство состоялось очень быстро. Посыпались вопросы, на которые Гавриловъ охотно отвѣчалъ. Онъ, вообще, оказался очень разговорчивымъ и вовсе не такимъ уже страшнымъ, какъ это казалось въ началѣ, хотя его слова почти до мельчайшихъ подробностей согласовались съ тѣмъ, что рассказывалъ про него Синявинъ.

— Я живу здѣсь близко, совершенно самостоятельно, но, — прибавилъ онъ, улынувшись,—подъ нѣкоторой фирмой, необходимой для гимназическаго начальства, а именно, подъ фирмой тетушки, которая живетъ вмѣстѣ со мною, хотя на самомъ дѣлѣ она не тетушка мнѣ, а просто знакомая.

Раевскій слегка подтолкнулъ Тимина.

Между тѣмъ видя, что Гавриловъ оживленно бесѣдуетъ съ товарищами, Бѣльскій подошелъ къ нимъ и тоже вступилъ въ разговоръ. За нимъ подошелъ Синявинъ, Флитъ, Комаровъ и многіе другіе, такъ что скоро около новичка составилъ большой кружокъ, который съ интересомъ вслушивался въ споръ, который вели между собой Гавриловъ и Тиминъ.

— Вы сказали, что жизнь безцѣльна, что мы представляемъ изъ себя игрушку и продукты слѣпыхъ силъ природы,—говорилъ медленно и выразительно Гавриловъ, обращаясь къ Тимину и возобновляя прежнюю тему, которая его, видимо, чрезвычайно интересовала.—Но почему вы пришли къ такому заключенію? Вѣдь, это заключеніе безотрадно. Послѣ него остается только умереть.

— Да, по моему, это лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ,—спокойно отвѣтилъ Тиминъ, такъ спокойно, что многіе изъ товарищей громко разсмѣялись. Синявинъ сказалъ:

— Ну, дядя, зарпортовался...

— Нисколько не зарпортовался, — запротестовалъ Тиминъ, немного обиженный этимъ смѣхомъ. Это—мое мнѣніе, и оно основано на внимательномъ отношеніи къ окружающему міру. Вездѣ я замѣчаю массу самыхъ грубыхъ противорѣчій, которыхъ не въ силахъ примирить мой умъ. Въ мірѣ я всюду вижу однѣ только дисгармоніи, кучу нелѣпостей, которыя не могутъ быть продуктомъ мыслительной дѣятельности... Здѣсь одна грубая сила, въ которой нѣтъ ни на грошъ смысла и разума... Вѣдь это только нашъ попъ можетъ утверждать, что мы не въ состояніи постигнуть промысла Божія, и что цѣль нашего существованія — исполнять волю этого невѣдомаго и непонятнаго Божества, которое гдѣ-то тамъ сидитъ на тронѣ въ сторонѣ и про-

мышляетъ о мірѣ какимъ-то; совершенно непонятнымъ для насъ образомъ. Только попъ можетъ изобрѣсти такую глупость и воображать при этомъ, что сославшись на свое собственное непониманіе, онъ разрѣшаетъ загадки бытія. Но меня такая глупая выдумка удовлетворить не можетъ...

— Что-же, по вашему значить, Богъ — глупая выдумка?—перебилъ Тимина Бѣльскій.

— Конечно, тотъ Богъ, котораго нарисоваль намъ нашъ почтенный законоучитель, есть плодъ его въ высшей степени небогатаго воображенія. Конечно, такой Богъ—глупая выдумка.

— Ну, а какой-же по вашему Богъ?

— Я не видалъ Бога, и потому не знаю, но во всякомъ случаѣ ничто меня не убѣждаетъ въ его существованіи. Кругомъ одна бессмыслица. Говорятъ, что нашъ умъ настолько ограниченъ, что мы не можемъ постигнуть намѣреній и цѣлей Творца. Я не спорю съ этимъ. Очень можетъ быть... Но скажите пожалуйста, на какомъ основаніи я долженъ предполагать это? Только потому, что нашему попу хочется такъ? Я могу только смотрѣть на міръ въ предѣлахъ моего разума, и, вотъ, это разсмотрѣніе утверждаетъ меня въ убѣжденіи, что въ природѣ разума, подобнаго моему, нѣтъ. Можетъ быть, тамъ есть какой-нибудь другой, въ милліонъ разъ болѣе совершенный, но я этого не знаю, а потому не могу предполагать...

Тиминъ горячился все больше и больше, а слушатели смотрѣли на него съ нѣкоторымъ испугомъ, такъ какъ боялись громко высказывать такія мысли. Одинъ Гавриловъ внимательно слушалъ, изрѣдка кивая головой, и не перебивая.

— Кто же міръ сотворилъ, если Бога, по вашему, нѣтъ?—спросилъ Флитъ съ такимъ видомъ, какъ будто

этотъ вопросъ долженъ былъ низвергнуть въ прахъ всю теорію Тимина и показать ему ясно и просто, какъ глубоко онъ заблуждался:

Гавриловъ насмѣшливо взглянулъ на Флита и ждалъ, что скажетъ Тиминъ. Всѣ ждали его отвѣта.

— Ну, хорошо,—отвѣтилъ, послѣ нѣкотораго раздумья, Тиминъ, — допустимъ, что Богъ необходимъ для того, чтобы было кому сотворить міръ. Допустимъ, что Богъ сотворилъ міръ. А кто же сотворилъ, скажите, пожалуйста, Бога?

Флитъ презрительно фыркнулъ.

— Ну, знаете, это—чистая діалектика. Вы хотите запутать меня въ понятіяхъ и опредѣленіяхъ. Очевидно, что Бога никто не творилъ и что онъ вѣченъ, а, если и сотворился когда-нибудь, то сотворился самъ собой.

— Почему же вы допускаете, что Богъ могъ сотвориться самъ, а міръ долженъ былъ непременно прибѣгнуть къ помощи Бога и не могъ почерпнуть силы для своего творенія въ самомъ себѣ? Чѣмъ этотъ воображаемый Богъ лучше видимаго и существующаго въ дѣйствительности міра? Почему то, что невозможно міру, возможно Богу? Вы видите, что вы вашимъ Богомъ въ сущности говоря ничего не объясняете, а только замѣняете имъ ваше незнаніе. Вы не понимаете, какъ міръ могъ сотвориться самъ собой и это непониманіе прикрываете Богомъ...

Флитъ замолчалъ и не отвѣтилъ ничего. Нѣкоторое время всѣ молчали. Было ясно, что побѣдителемъ оказался Тиминъ.

— Вы совершенно правы,—проговорилъ Гавриловъ. Ваши разсужденія до сихъ поръ совершенно правильны и логичны, но дальше вы дѣлаете передержку. Вы

сознательно пришли къ пантеизму, то-есть къ отождествленію Бога и природы? Такъ вѣдь?

— Да, да... такъ.

— Ну, вотъ видите... Вы—разумное существо, представляете изъ себя частичку этого божества. Вы признаете это, и вы, въ то же время, утверждаете, что это божество — грубая, безумная сила. Выходить, что часть, изъ которой состоитъ цѣлое, не сохраняетъ своихъ качествъ.

— Нѣтъ, она безусловно сохраняетъ ихъ, но эта разумная часть настолько ничтожна по сравненію съ остальной грубой матеріей, которой наполненъ міръ, что она растворяется въ немъ безъ остатка. Духовная дѣятельность—есть единичный случай въ исторіи міра, и она не можетъ одухотворить цѣлый міръ.

Разговоръ началъ принимать ужъ слишкомъ серьезный оттѣнокъ, а потому мало-по малу воспитанники разошлись по своимъ мѣстамъ. Только глубоко заинтересованный споромъ Раевскій остался и слушалъ, какъ новичекъ развивалъ Тимину свои философскія теоріи.

— Это — глубочайшая ошибка нашего времени — разсматривать міръ, какъ собраніе неодухотворенныхъ, мертвыхъ атомовъ и видѣть въ немъ одну бездушную матерію. Время матеріализма прошло безвозвратно, и современная наука показала всю его несостоятельность. Вы знаете, Тиминъ, что, когда я, года два-три тому назадъ, только что началъ задаваться всѣми этими проклятыми вопросами о цѣли жизни, о Богѣ и т. д., я очень быстро при помощи Писарева, Бюхнера и другихъ пришелъ къ полному матеріализму. Я тогда ужасно увлекался физикой, химіей и знаю эти предметы великолѣпно. И, вотъ, когда я дошелъ до сознанія, что все во вселенной безцѣльно, что міръ есть случайное скопленіе неодухотворенной, мертвой матеріи, я

внезапно потерялъ ко всему интересъ. Мнѣ противны стали и мои приборы, и мои опыты, и мои работы. Мною овладѣла страшная апатія... Мнѣ не хотѣлось жить больше... Къ чему все это, разъ никакой цѣли, кромѣ смерти, нѣтъ? Не лучше ли поскорѣе все кончить, чѣмъ быть игрушкой какихъ-то слѣпыхъ силъ? И навѣрное тогда же убилъ бы себя въ одинъ изъ такихъ припадковъ меланхоліи, если бы не усумнился въ справедливости своихъ окончательныхъ выводовъ и заключеній. Какой-то голосъ, какая-то далекая туманная надежда, шептали мнѣ, что я ошибаюсь, что болѣе глубокій анализъ, болѣе философское отношеніе къ дѣйствительности укажетъ мнѣ несостоятельность матеріализма, который едва не довелъ меня до самоубійства.

Я бросился тогда изучать философію. Для разрѣшенія моихъ сомнѣній мнѣ пришлось заняться естественными науками. Я очень много работалъ. И я пришелъ къ тому заключенію, что матеріализмъ — грубое недоразумѣніе. Съ истинной наукой онъ не имѣетъ ничего общаго.

— Только вамъ, можетъ быть, скучно господа? — встрепенулся Гавриловъ, вдругъ.—Но мнѣ такъ рѣдко удается подѣлиться своими мыслями съ кѣмъ-нибудь...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога... говорите, говорите! — сказалъ Тиминъ.—Это такъ интересно.

— Какое счастье, что мы съ вами познакомились! — выпалилъ вдругъ Раевскій и самъ сконфузился.

— Вы знаете,—сказалъ Гавриловъ, — мнѣ кажется, что мы съ вами давнымъ давно знакомы. Какъ мы скоро съ вами сошлись...

— Такъ, вотъ,—продолжалъ онъ, подумавъ нѣсколько мгновеній,—я пришелъ къ тому заключенію, что мы не имѣемъ права приписывать духъ только себѣ. Вѣдь,

вы допускаете, господа, что въ васъ есть что-то, кромѣ матеріи?

— К... какъ вамъ сказать?!—нерѣшительно произнесъ Раевскій,—это, вѣдь, не доказано.

— Да, этого и не надо доказывать. Это очевидно. Или въ такомъ случаѣ придется предположить, что матерія можетъ ощущать и мыслить...

— Да, да... вы правы, конечно,—согласился Тиминъ.

— Но, если въ васъ есть духъ, онъ долженъ быть также и въ животныхъ: въ лошадяхъ, въ собакахъ, въ кошкахъ, пѣтухахъ?

— Разумѣется...

— И въ насѣкомыхъ, и въ рыбахъ, и въ пресмыкающихся.

— Конечно.

— И въ микроорганизмахъ, въ инфузоріяхъ.

— Пожалуй,—уже менѣе рѣшительно подтвердилъ Тиминъ.

— Да не пожалуй, а навѣрное такъ. Думать иначе значить не признавать логики... Далѣе, теперь... Если духовное начало присутствуетъ въ животномъ царствѣ, то оно должно непременно присутствовать и въ растительномъ...

— Ну, ужъ это, по моему, вовсе ни откуда не слѣдуетъ.

— Нѣтъ, вы напрасно такъ думаете, — спокойно возразилъ Гавриловъ.—Скажите, пожалуйста, гдѣ граница между растительнымъ и животнымъ міромъ? Вы видали ее? Вы можете опредѣлить? Ее никто не можетъ опредѣлить по той простой причинѣ, что ея нѣтъ. Животное царство переходитъ въ растительное не скачкомъ, а при помощи цѣлаго ряда промежуточныхъ формъ, которыя одинаково можно отнести и къ животнымъ и къ растеніямъ. *Natura non facit saltum...*

Дѣленіе, придуманное людьми, не обязательно для природы, и она его игнорируетъ. Она спускается отъ самыхъ сложныхъ и совершенныхъ формъ къ болѣе простымъ, которыя и отличаются только своею простотой. Если духъ есть у животныхъ, онъ долженъ быть и у растеній. Но, если онъ есть у высшихъ растеній, приближающихся къ животнымъ, онъ долженъ быть непременно и у самыхъ низшихъ, стоящихъ на границѣ минеральнаго царства. Растительное царство переходитъ въ минеральное такъ же незамѣтно, какъ и животное въ растительное. Между ними нѣтъ никакой границы. Она изобрѣтена людьми. Духъ, присущій растеніямъ и животнымъ, долженъ присутствовать и въ минеральномъ царствѣ. Но вся природа, весь матеріальный міръ исчерпывается этими тремя царствами... Значитъ вся природа, вся матерія одушевлена. Каждому атому физическому соотвѣтствуетъ свой психическій. Вы думаете, что этотъ столъ мертвый, а онъ живой, и въ немъ происходятъ такіе же психическіе процессы, какъ и въ васъ, но только, конечно, гораздо менѣе сложные... Совокупность всего духа и есть душа міра, Богъ... Понимаете? И эта душа существуетъ для того, чтобы наслаждаться. Цѣль жизни въ самодовольствіи Бога, то-есть въ наслажденіи нашего духа...

Гавриловъ, казалось, забылъ все на свѣтѣ и продолжалъ развивать свои философскія теоріи Тимину и Раевскому, которые съ интересомъ слушали его блестящую рѣчь, хотя многое въ ней и было для нихъ непонятнымъ. Давно прозвонилъ звонокъ, началась большая перемѣна, а онъ все еще ораторствовалъ. Сторожъ открылъ окна, но они даже не замѣтили его. Только когда кончилась перемѣна, и въ классъ съ шумомъ стали входить товарищи, Раевскій вспомнилъ,

что еще не смотрѣлъ нѣмецкаго перевода, а его сейчасъ вызовутъ.

Тиминъ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ и долженъ былъ ему перевести урокъ.

Когда они сѣли на свои мѣста и склонили головы надъ Валленштейномъ, Тиминъ сказалъ:

— Какой интересный и замѣчательный человѣкъ этотъ Гавриловъ.

— Да,—отвѣтилъ Раевскій, — кто-бы могъ думать, что у него такая голова? Съ виду онъ похожъ скорѣе на сумасшедшаго.

— — Геній и сумасшествіе—одно и то же.

— Ну, чортъ съ ними, съ геніями и сумасшедшими... Переводите мнѣ поскорѣе, а то я опять колъ получу.

XIV.

Время быстро шло, приближая Раевского и его друзей къ моменту окончанія гимназіи, который когда-то рисовался ихъ воображенію такимъ счастливымъ, но съ нѣкоторыхъ поръ сталъ не такъ уже заманчивъ. Они предчувствовали, что вмѣстѣ съ гимназіей, правда, они освободятся отъ многихъ непріятныхъ обязанностей и стѣсненій, что они перестанутъ быть неполноправными существами, „гимназистами“, правовое положеніе которыхъ, повидимому, характеризуется лишь тѣмъ, что имъ воспрещается „ношеніе палочекъ, тросточекъ и хлыстиковъ, куреніе табаку во всѣхъ его видахъ и посѣщеніе театровъ, гдѣ даются пьесы сомнительнаго содержанія“, какъ гласитъ одинъ изъ параграфовъ гимназическаго билета, наполненнаго всевозможными мудрыми установленіями въ духѣ православной христіанской вѣры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ сердце подсказывало имъ, что порвутся и тѣ нити взаимныхъ

интересовъ и дружбы, которыми до сихъ поръ связывала ихъ гимназія. Они неминуемо разойдутся по разнымъ дорогамъ, и всѣ ихъ отношенія, въ которыхъ столько было юношеской сердечности и искренности, разсѣются, какъ дымъ, и исчезнуть безъ слѣда.

Раевскій очень измѣнился со времени своего болѣе близкаго знакомства съ Гавриловымъ. На него перестали уже находить прежніе припадки дикаго мальчишества, когда ему непреодолимо хотѣлось выкинуть какую-нибудь до крайности глупую штуку. Онъ сталъ вдумчивѣе относиться къ окружающимъ его явленіямъ и все больше и больше увлекался тѣми отвлеченными вопросами, которые такъ интересовали Гаврилова и Тимина.

Гавриловъ очень быстро близко сошелся со всей компаніей Раевского. Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго разговора, когда они въ продолженіе цѣлаго часа философствовали, Гавриловъ пригласилъ Бѣльскаго, Немирова, Тимина и Раевского къ себѣ и, послѣ того, они постоянно собирались то у одного, то у другого, но чаще всего все-таки у Гаврилова, такъ какъ у него была прекрасная, большая квартира, гдѣ онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, и гдѣ имъ никто не мѣшалъ.. Здѣсь они вели разговоры на самыя разнообразныя темы, горячились, спорили, иногда устраивали даже пѣніе. Бѣльскій садился за фортепіано и аккомпанировалъ Гаврилову, у котораго былъ пріятный баритонъ. Но чаще всего, когда бывали у Гаврилова, забирались къ нему въ кабинетъ, который походилъ на какую-то таинственную лабораторію ученаго. По стѣнамъ на полкахъ стояли всевозможные приборы для самыхъ разнообразныхъ цѣлей; всевозможныя реторты, колбы, пробирки перемѣшивались съ безчисленными проводами, соединявшими различныя электри-

ческія машины. Гигантская спираль Румкорфа, которая служила предметомъ особаго страха, т. к., по словамъ хозяина, могла бы убить носорога, стояла на особомъ возвышеніи. Тутъ же помѣщался аппаратъ для безпроводочнаго телеграфа и лучей Рентгена. Въ другомъ углу стояли какіе-то странные приборы, напоминавшіе птицъ. Это были аэро-планы, выстроенные самимъ Гавриловымъ. Нѣсколько громаднхъ столовъ были сплошь заставлены препаратами, микроскопами и какими-то особенными жидкостями. Въ этотъ-то кабинетъ забирались съ нѣкоторымъ трепетомъ друзья, какъ въ какое-то таинственное подземелье и Гавриловъ, плотно закрывъ окна деревянными щитами, производилъ всевозможные опыты и знакомилъ ихъ со своими изслѣдованіями. Его познанія были прямо колоссальны, и онъ былъ одинаково свѣдушъ во всѣхъ областяхъ. Онъ одновременно изслѣдовалъ спектръ аэролита и занимался гистологическими изслѣдованіями животныхъ тканей. Разумѣется такая разносторонность, такая смѣлость и увѣренность въ сужденіяхъ чрезвычайно импонировали его новымъ товарищамъ, и они склонны были смотрѣть на него, какъ на какое-то чудо.

Когда они выходили изъ кабинета очарованные его познаніями, заинтересованные науками, онъ оставлялъ физическій міръ и переходилъ къ отвлеченностямъ. Здѣсь по цѣлымъ часамъ онъ могъ развивать свои теоріи, и только Тиминъ изрѣдка ему возражалъ. Остальные сидѣли и слушали, но слушали съ громаднымъ интересомъ, такъ какъ все, что онъ говорилъ, было понятно и тѣсно связано съ наукой.

— Вы будете великимъ человѣкомъ, Гавриловъ! — говорилъ ему Раевскій послѣ такихъ бесѣдъ. — Я убѣжденъ, что вами будетъ гордиться Россія. Да не только Россія, но и весь міръ.

Гавриловъ улыбался и говорилъ, что все вздоръ, что изъ него ничего не выйдетъ.

Однако, онъ все таки былъ человѣкъ со странно-стями. Бывали дни, что онъ не говорилъ ни слова, все время о чемъ-то сосредоточенно думалъ и какъ будто томился. Походка его становилась неувѣреннѣе, голосъ дѣлался глуше, и лицо принимало мертвенный оттѣнокъ. Это были припадки меланхоліи. Они находили на него, по его словамъ, въ тѣ минуты, когда онъ начиналъ сомнѣваться въ правильности своихъ воззрѣній, когда внѣшнія событія, казалось, опровергали его сложившіяся теоріи о назначеніи жизни во вселенной. Этотъ юноша жилъ исключительно разсудкомъ, и меланхолія его, глубокая и ужасная, была чисто разсудочная. Въ такое время съ нимъ нельзя было разговаривать. Все раздражало его слишкомъ болѣзненно. Товарищи знали это и оставляли тогда въ покоѣ. Только Бѣльскій покачивалъ головой и говорилъ:

— Знаете,—Раевскій, я боюсь, что Гавриловъ отъ своей философіи сойдетъ съ ума...

Другой личностью, оказавшей могущественное вліяніе на Раевского, да и, вообще, на весь классъ былъ Иванъ Михайловичъ Черновъ. Онъ сдѣлалъ изъ своихъ уроковъ часы задушевной бесѣды учениковъ со своимъ учителемъ и пробудилъ во всѣхъ интересъ къ литературѣ. Онъ заставлялъ часто писать сочиненія въ классѣ, и лучшія изъ нихъ читалъ вслухъ, останавливаясь на замѣчательныхъ мѣстахъ и обращая вниманіе на непоследовательность въ мысляхъ. По его инициативѣ въ классѣ на его урокахъ ученики стали читать рефераты на темы, которыя они выбирали совершенно по своему усмотрѣнію и которыя не подлежали ни малѣйшей цензурѣ. Такъ Флитъ читалъ „о значеніи денегъ“, Раевскій—„критику монархическаго

образа правленія“, Тиминъ — „опроверженіе существованія Бога“, Гавриловъ — „о новѣйшихъ теченіяхъ въ философіи“. Эти рефераты вызывали массу возраженій и споровъ, но достигали неоцѣнимыхъ результатовъ: они незамѣтно приучили учениковъ къ свободному изложенію и развитію своихъ идей, и къ сознательному и независимому мышленію. Умственный уровень учениковъ сразу же поднялся, благодаря Чернову, на пятьдесятъ процентовъ.

Раевскій всей душой привязался къ Ивану Михайловичу, и тотъ въ свою очередь считалъ его однимъ изъ своихъ любимыхъ учениковъ. Онъ устраивалъ съ ними прогулки по музеямъ и картиннымъ галлереямъ и заботился всячески о духовномъ развитіи своихъ питомцевъ.

— Господа,—говорилъ онъ имъ,—природа человѣческая состоитъ изъ трехъ началъ: умственного, нравственного и эстетическаго. Въ гармоничномъ развитіи этихъ трехъ началъ только и можетъ быть истинное счастье. Любите добро, науку и искусство, и вы будете счастливы.

Такъ шла жизнь гимназистовъ, оживленная присутствіемъ этого homo novus'a, какъ называлъ себя Черновъ. Остальные учителя вели преподаваніе своихъ предметовъ по прежнему. Кайзерлингъ уныло и монотонно разглагольствовалъ о форумѣ и латинскомъ стихосложеніи, Беригъ издѣвался надъ гимназистами и ловилъ ихъ съ подстрочниками, французъ и нѣмецъ продолжали „изводить“, а съ инспекторомъ и директоромъ „ругались“. Но дышать стало замѣтно легче. Только одинъ чиновникъ замѣнился человѣкомъ, любящимъ свое дѣло, и то плоды были очень обильны. Раевскій мечталъ о томъ, какъ хороша была бы гимназія, если бы всѣ преподаватели приближались къ Чернову.

Хотя Раевскій не видался съ Аней Сенклеръ почти цѣлый годъ со времени того злополучнаго вечера, когда былъ нанесенъ такой жестокой ударъ его чувству, онъ не переставалъ думать и мечтать о ней, несмотря на то, что сознавалъ всю несбыточность этихъ мечтаній. Все же сердце его сладко сжималось, когда онъ вспоминалъ ея добрые, голубые глаза, милое лицо, озаренное такой симпатичной улыбкой. И вслѣдъ за этимъ сознаніе, что она его больше не любитъ, что, быть можетъ, онъ даже никогда ея не увидитъ, погружало его въ самое мрачное отчаяніе. Въ такія минуты, онъ, какъ Тиминъ, склоненъ былъ признать безцѣльность своего существованія и, быть можетъ, не разъ подумалъ объ избавленіи отъ этихъ напрасныхъ мученій.

Иногда онъ швырялъ Геродота въ уголъ и, ударивъ кулакомъ по столу, восклицалъ:

— Чортъ возьми, зачѣмъ міръ такъ глупо устроенъ, что нельзя любить тѣхъ, кого хочешь любить!?

Бѣльскій, когда ему говорилъ объ этомъ его другъ, не находилъ, что міръ устроенъ плохо, и въ одинъ прекрасный день сообщилъ Раевскому съ сіяющимъ видомъ, что онъ обручился съ Линой Герцъ.

— Когда же свадьба?—спросилъ заинтересованный Раевскій.

Бѣльскій почесалъ за ухомъ.

— Когда я кончу Институтъ Путей Сообщенія. Черезъ шесть лѣтъ.

— Но туда надо еще поступить, чортъ возьми!

— Да...—задумчиво согласился Бѣльскій.—Это, говорятъ, не такъ легко. Но во всякомъ случаѣ она будетъ меня ожидать.

— Боюсь, что ей долго придется ждать, — иронически отозвался Володя.

Въ глубинѣ души онъ, однако, завидовалъ това-

ришу и дорого далъ бы за то, чтобы быть на его мѣстѣ, конечно, на томъ условіи, чтобы и на мѣстѣ Лины Герцъ была Аня Сенклеръ.

Въ то время говорили чрезвычайно много о недостаткахъ средней школы и о желательныхъ реформахъ. Повсюду собирались педагогическіе совѣты, въ которыхъ засѣдали чиновники своего дѣла и воображали, что „на основаніи отношеній за №№“ можно рѣшить вопросъ о томъ, какими путями надо идти при воспитаніи души ребенка и при образованіи его ума. Въ этихъ совѣтахъ говорилось много рѣчей, смыслъ которыхъ былъ по большей части тотъ, что все зло происходитъ отъ лѣни и распущенности дѣтей, что надо ихъ подтянуть, заставить работать. Раздавались и противоположные голоса, утверждавшіе, что ученики слишкомъ утомлены непосильной работой, и, что, если уничтожить латинскій и удвоить число праздниковъ, дѣла пойдутъ великолѣпно. Разговоровъ было, однимъ словомъ, много, но ни къ какимъ результатамъ они не привели, потому что велись не людьми, а чиновниками, въ основу своего міросозерцанія положившими только одно единственное изреченіе священнаго писанія: „Всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется“. Эта формула, по ихъ мнѣнію, должна была лечь въ основу всякаго воспитанія. Если зло происходитъ, то только потому, что она недостаточно ярко начерчена въ дѣтскихъ сердцахъ.

Въ той гимназій, гдѣ учились Раевскій и его друзья, директоръ, Иванъ Ивановичъ Козявкинъ, педантичный и сухой формалистъ, тоже рѣшилъ собрать совѣтъ специально для обсужденія недостатковъ современной средней школы и мѣръ для ихъ искорененія. Сначала ему очень не хотѣлось назначать этотъ совѣтъ, такъ какъ онъ предвидѣлъ, что главную роль на немъ бу-

будетъ играть ненавистный для него Черновъ, но съ другой стороны, его служебная карьера требовала того, чтобы онъ отзывался на педагогическіе вопросы. Поэтому, скрѣпя сердце, Козявкинъ назначилъ совѣтъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ году имѣлъ шансы получить Владиміра на шею.

Какъ только Черновъ узналъ о томъ, что засѣданіе совѣта назначено, онъ тотчасъ же рѣшилъ заняться обстоятельно этимъ вопросомъ, такъ какъ сознавалъ, что отъ его успѣшнаго разрѣшенія зависитъ вся будущность средней школы, а слѣдовательно, и всѣхъ будущихъ поколѣній. Онъ задумалъ прочесть въ совѣтѣ цѣлый докладъ, именно, съ тою цѣлью, чтобы онъ не пропалъ безслѣдно, а былъ приложенъ къ протоколу засѣданія совѣта, а затѣмъ направленъ въ высшія инстанціи. Онъ дѣятельно взялся за дѣло. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца онъ работалъ, собирая матеріалы о постановкѣ школьнаго дѣла въ разныя эпохи у насъ и заграницей.

Однажды, онъ пришелъ очень озабоченный въ восьмой классъ и, подозвавъ Тимина, сказалъ ему:

— Я кончаю, юноша, уже свой докладъ о реформѣ средняго образованія, но для окончательныхъ выводовъ мнѣ нужна еще очень важная вещь. Мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ вашимъ собственнымъ взглядомъ на этотъ предметъ. Недостатокъ всѣхъ этихъ комиссій и совѣтовъ тотъ, что они совершенно нежелаютъ считаться съ мыслями и желаніями тѣхъ лицъ, того живого матеріала, который служить предметомъ ихъ спора. Мнѣ очень важно знать, именно, ваши мнѣнія, мнѣнія гимназистовъ о недостаткахъ школы и о томъ, какъ ихъ избѣгнуть. Не можете ли вы мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ?

— Я съ большимъ удовольствіемъ сдѣлаю все, что

могу,—отвѣтилъ Тиминъ, довольный, что можетъ быть полезенъ Чернову.

— Такъ вотъ, соберитесь вы вмѣстѣ какъ-нибудь на дняхъ... Конечно, кто интересуется этимъ вопросомъ... И потолкуйте на эту тему... Что по вашему въ гимназій плохо, что требуетъ измѣненій, улучшеній и какихъ. Какая причина малоуспѣшности и малограмотности большинства вашихъ товарищей.

— Вы хотите, чтобы мы вамъ представили докладъ о реформѣ школы, необходимой по нашему мнѣнію?—спросилъ Тиминъ, улыбаясь.

— Если хотите, пожалуй... маленькій докладъ. Понимаете, Тиминъ, мнѣ въ высшей степени интересно познакомиться съ вашими мыслями и мнѣніями. Вѣдь, вы же являетесь, хотя и мало компетентными, но все-таки наиболѣе заинтересованными людьми. Только не собирайтесь для обсужденія въ слишкомъ большомъ количествѣ: изъ этого ничего не выйдетъ. Пригласите трехъ-четырехъ товарищей и обсудите хорошенько. Только поскорѣе, юноша, — прибавилъ онъ, скрываясь въ учительской.

Тимину чрезвычайно понравилась эта мысль. Онъ давно уже составилъ себѣ опредѣленное мнѣніе о недостаткахъ и необходимыхъ, по его мнѣнію, реформахъ гимназій, и теперь ему было пріятно сознавать, что это мнѣніе найдетъ, быть можетъ, себѣ оцѣнку и даже, если Черновъ будетъ ему сочувствовать, пройдетъ хоть отчасти въ жизнь. Онъ сейчасъ же сообщилъ Раевскому, Бѣльскому, Флиту, Немирову и Гаврилову о своемъ разговорѣ съ Черновымъ и пригласилъ ихъ совмѣстно обсудить этотъ вопросъ. Всѣ отнеслись къ предложенію своего любимаго учителя съ энтузіазмомъ и рѣшили въ тотъ же день собраться у Тимина, не-

смотря на то, что на завтра былъ назначенъ конспектъ по исторіи, и надо было основательно приготовиться предъ выставленіемъ четвертныхъ отмѣтокъ. Однако, они такъ увлеклись, что рѣшили поставить на карту четвертныя. Флитъ, какъ первый ученикъ, никогда не получавшій меньше пяти, немного поколебался, но потомъ рѣшилъ, что, въ случаѣ крайности, просидить всю ночь надъ исторіей, и обѣщалъ придти.

Въ шесть часовъ они собрались въ уютной комнатѣ Тимина.

— Ну, что же, господа, — сказалъ Раевскій, — приступимъ къ преніямъ.

— Подождите, подождите, — перебилъ его Флитъ. — Раньше, чѣмъ приступить къ преніямъ, намъ надо выбрать предсѣдателя и секретаря...

Въ отвѣтъ на это всѣ громко засмѣялись. Флитъ обидѣлся.

— Я не понимаю, господа, что вы нашли въ моихъ словахъ смѣшного. Вѣдь мы должны будемъ сообщить суть нашихъ разсужденій Ивану Михайловичу. Нужно, чтобъ кто-нибудь записывалъ наши мнѣнія, хоть въ краткихъ словахъ... Вотъ вамъ для чего секретарь. Потомъ нужно же, вѣдь, соблюдать извѣстный порядокъ. Если мы будемъ галдѣть, не слушать другъ друга, какъ бываетъ это въ гимназіи, то едва ли изъ нашихъ разговоровъ выйдетъ что-нибудь путное. А между тѣмъ, вопросъ все-таки мы обсуждаемъ очень серіозный. Для порядка нуженъ предсѣдатель. Такъ всегда дѣлается... Какъ хотите, конечно, господа, но смѣяться тутъ нечему...

Флитъ надулся и обиженно замолчалъ.

— Пожалуй, вы правы, — произнесъ послѣ нѣкотораго молчанья Гавриловъ. Съ предсѣдателемъ мы скорѣе придемъ къ дѣлу...

Всѣ согласились и, къ удовольствію Флита, избрали его предсѣдателемъ. Секретаремъ выбрали Тимина, такъ какъ онъ же долженъ былъ представить Чернову письменный докладъ.

Тиминъ взялъ листъ бѣлой бумаги, очинилъ карандашъ и съ серіознымъ видомъ сѣлъ за столъ. Флитъ помѣстился въ серединѣ и объявилъ собраніе открытымъ. Лица у всѣхъ были серіозны и дѣловиты, такъ что можно было подумать, что здѣсь рѣшаютъ вопросы міровой важности.

— Господа,—сказалъ Тиминъ, — предлагаю прежде всего предметъ нашего обсужденія раздѣлить на двѣ части. Сначала будемъ говорить объ образованіи, потомъ о воспитаніи. Начнемъ хотя бы съ образованія...

— Прежде всего латинскій и греческій къ чорту,—заявилъ безапелляціонно Бѣльскій.

— Значить, будемъ обсуждать программу? — спросилъ Гавриловъ.

— Да, программу и способы преподаванія.

— Упразднить латинскій и греческій, какъ ненужный хламъ,—повторилъ Бѣльскій.

— И славянскій,—прибавилъ Флитъ.—На кой чортъ, спрашивается, зубримъ эту чепуху. Всякіе юсы... аористы...

— Потомъ логику вонъ, — продолжалъ Бѣльскій, загибая одинъ палецъ,—ариѳметику теоретическую, которую мы теперь учимъ безъ всякаго смысла по какимъ то безграмотнымъ запискамъ Протопопова...

— Ну, хорошо, господа,—возразилъ Гавриловъ, — а что же останется тогда отъ всего того, что преподають въ гизназіи?

— Много еще останется,—успокоительно замѣтилъ Флитъ.—Наконецъ, мы замѣнимъ эту ненужную ветошь болѣе полезными науками.

— Итакъ, значить, — спросилъ Тиминъ, приготовляясь писать, — большинство высказывается за отмѣну латинскаго и греческаго?

— Да, но надо все-таки это мнѣніе мотивировать чѣмънибудь, — сказалъ Раевскій. — Недостаточно сказать, что классическіе языки бесполезны. Надо объяснить, почему они бесполезны.

— Ну, этого и объяснять нечего, — возразилъ Флитъ. — Все равно, что доказывать, что солнце грѣетъ и свѣтитъ, или, что ночью темно.

— Нѣтъ, по моему, Раевскій правъ, — сказалъ Гавриловъ, — я, напримѣръ, совершенно несогласенъ съ вами насчетъ древнихъ языковъ. Вы запишите, Тиминъ, что я при особомъ мнѣніи.

— Какъ! вы стоите за этотъ бесполезный хламъ, который даетъ бесплодную работу мозгамъ и не приноситъ никакой пользы...

— Пользы, пользы... Можно подумать, что вы — какіе-то маклаки или алчные торгаши. Въ ваши годы на первомъ планѣ у васъ польза. Я думаю, что не только пользу слѣдуетъ принимать во вниманіе. Какая польза человечеству и намъ отъ философскихъ ученій и теорій Аристотеля, Платона, Шопенгауера?.. Однако, мы ихъ изучаемъ...

— Ну, сравнили тоже философію съ какими-то глаголами на *и* и всякой ерундой. Что у нихъ общаго?..

— Я вамъ скажу, что у нихъ общаго, — спокойно возразилъ Гавриловъ. — И философія, и классическое образованіе одинаково далеки отъ преслѣдованія какихъ-нибудь практическихъ цѣлей. Задачи у нихъ чисто теоретическія. Наука ради науки. Истина ради истины, а не ради какихъ-то тамъ другихъ цѣлей — вотъ смыслъ классическаго образованія.

— Какая тамъ истина ради истины! Точно истина

въ зубреніи accusativus'овъ cum infinitivo? Развѣ въ этомъ истина? Я понимаю, если бы насъ познакомили съ міросозерцаніемъ древнихъ, съ ихъ идеалами, съ ихъ бытомъ и нравами. Тогда еще можно было бы толковать о классическомъ образованіи. А то у насъ не классическое образованіе, а схоластическое.

— Позвольте, я тогда васъ не понимаю. Слѣдуетъ, значить, измѣнить только способъ преподаванія древнихъ языковъ, но не исключать ихъ совсѣмъ. Вся ошибка въ томъ, что они, вообще, преподаются не такъ, какъ слѣдуетъ. Я принципиально защищаю классическую систему, потому что она, дѣйствительно, воспитываетъ душу, но вовсе не ту систему, которая принята у насъ въ гимназіяхъ.

— Записываю ваше особое мнѣніе,—сказалъ, смѣясь, Тиминъ. — Воображаю, если бы васъ слышалъ Кайзерлингъ или Беригъ: они пали бы предъ вами на колѣни...

— Да, а между тѣмъ на прошлой недѣлѣ Беригъ поставилъ мнѣ двойку.

— Господа, посторонніе разговоры... прошу безъ этого,—сказалъ Флитъ.

— А что вы скажете, господа, насчетъ Закона Божьяго?—спросилъ Раевскій.

— Вонъ, вонъ!..—закричали почти всѣ единодушно...

— Пусть будетъ, чортъ возьми, какъ во Франціи; кто желаетъ, можетъ учиться. А чтобъ насильно этой поповской чепухой, преподаваемой подъ видомъ Закона Божьяго, не смѣли пичкать.

— Я предлагаю вмѣсто этого ввести совмѣстное чтеніе Евангелія два раза въ недѣлю, — сказалъ Флитъ. Но безъ поповскихъ комментарій...

Предложеніе было принято, и Тиминъ записалъ, что преподаваніе Закона Божьяго признано нежелательнымъ и должно быть замѣнено чтеніемъ Евангелія.

Такимъ образомъ, мирно бесѣдуя, друзья продолжали радикально измѣнять принятую программу среднихъ учебныхъ заведеній, совершенно упраздняя многіе предметы и вводя тѣ, которые имъ казались необходимыми и полезными. Логика была изгнана, какъ обладающая слишкомъ схоластическимъ методомъ, а потому сводящаяся исключительно къ зубренію безъ смысла и пониманія. Въмѣсто нея, по предложенію Гаврилова, была введена „Философія природы“.

Что, именно, онъ понималъ подъ „Философіей природы“,—его друзья не могли отдать себѣ яснаго отчета, хотя онъ очень долго объяснялъ имъ и доказывалъ необходимость преподаванія этой науки.

— Да, вѣдь, гимназисты ничего не поймутъ въ вашей философіи, — протестовалъ Тиминъ. — Вы неправильно судите по себѣ самому...

— Вовсе нѣтъ. Все зависитъ отъ того, какъ изложить предметъ. Можно написать вещь такимъ языкомъ, что самъ Кантъ станетъ втупикъ, а можно изложить ее такъ ясно и понятно, что даже ребенокъ пойметъ безъ труда. Въ философіи нѣтъ ничего труднаго.

Естественныя науки вызвали больше всего споровъ и крику. Флитъ, стоявшій за полное уничтоженіе древнихъ языковъ, предлагалъ ввести чуть ли не всѣ отрасли естественныхъ знаній, вплоть до астрономіи и психологіи. Гавриловъ доказывалъ, что при такой обширной программѣ гимназисты будутъ оставаться неучами и не усвоятъ ничего.

— Ни къ чему не поведетъ,—говорилъ онъ,—если средняя школа по программѣ своей будетъ подходить больше къ университетамъ. На самомъ дѣлѣ, эти науки будутъ существовать только на бумагѣ, а знаній прибавится очень немного. Нельзя знать всего... И

лучше знать немного, но хорошо, чѣмъ многое, но плохо.
Non multa sed multum.

— Но надо знать окружающій насъ міръ. Въ этомъ задача средней школы...

— Но для этого я и предлагаю философію природы.

— Какъ философія можетъ замѣнить науку?—горячился Флитъ.

— Философія и есть сама наука. Это совокупность всѣхъ знаній. Детальное изученіе наукъ дѣло университета и высшихъ учебныхъ заведеній. Самое общее философское понятіе о мірѣ—задача средней школы.

Въ концѣ концовъ рѣшили ввести зоологію, ботанику, физиологію, химію и астрономію. Послѣдняя наука должна была замѣнить собою преподававшуюся до сихъ поръ космографію.

— Остается еще исторія, географія и новые языки,—сказалъ Флитъ, когда Тиминъ записалъ рѣшеніе относительно введенія въ программу новыхъ предметовъ.— Что касается исторіи...

— Ни къ чорту не годятся учебники,—промычалъ Бѣльскій.

— Я думаю, господа, что исторію слѣдуетъ увеличить по объему. Мы проходимъ ее очень кратко, а о нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ эпохахъ не имѣемъ буквально никакого представленія. Всю новѣйшую исторію Западной Европы, не говоря уже объ Америкѣ, мы совершенно не проходимъ...

— Да, необходимо увеличить по объему,—сказалъ Тиминъ.

— И не только по объему, но и по качеству,—продолжалъ Гавриловъ.— До сихъ поръ мы проходили главнымъ образомъ военную и отчасти политическую исторію государствъ. Исторія въ нашемъ представле-

ни—это безконечная цѣпь походовъ, завоеваній, битвъ, перетасовокъ границъ и вступленій на престолъ разныхъ монарховъ и правителей. Объ исторіи человеческой культуры мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. До сихъ поръ русскую исторію мы дѣлимъ на періоды по различнымъ царствующимъ династіямъ, и вся она разбита на отдѣльныя царствованія. Всѣ мы знаемъ, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ вступилъ на престолъ, и когда была Полтавская битва, но не имѣемъ понятія ни о времени возникновенія у насъ печати, ни о годахъ различныхъ великихъ реформъ. Однимъ словомъ, мы учимъ исторію государей, а не исторію народа. Намъ не важно знать войны и междоусобія правителей, а историческое культурное развитіе народа. Соотвѣтственно съ этимъ, по моему, надо измѣнить и программу преподаванія...

Это предложеніе было принято всѣми. О новыхъ языкахъ долго не спорили, такъ какъ рѣшили единогласно, что преподаваніе ихъ никуда не годится и должно вестись на совершенно новыхъ основаніяхъ. Слѣдуетъ больше читать интересныхъ иностранныхъ авторовъ и, вообще, знакомиться съ иностранной литературой, а не сидѣть надъ грамматикой и отрывками изъ какихъ-то хрестоматій.

Послѣ этого внесли чай, и друзья рѣшили сдѣлать небольшой перерывъ. Тиминъ и Раевскій надѣли маски и нагрудники и начали фехтоваться рапирами.

— Вотъ,—сказалъ Флитъ, смотря на нихъ и намазывая кусочекъ хлѣба икрой,—мнѣ пришла еще мысль. Намъ необходимо обратить вниманіе на физическія упражненія. Надо ввести фехтованіе.

— Подождите, не забѣгайте впередъ,—отвѣчалъ ему Гавриловъ.—Это относится къ вопросу о воспитаніи, который мы будемъ обсуждать послѣ.

Флитъ посмотрѣлъ на часы. Было одиннадцать часовъ. Онъ вспомнилъ о завтрашнемъ конспектѣ.

— Едва ли намъ удастся это. Пора расходиться уже по домамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричалъ Тиминъ, отчаянно отбиваясь отъ напиравшаго на него съ рапирой Раевского,—мы непременно должны сегодня же кончить все. Иванъ Михайловичъ просилъ поскорѣй.

— Убить,—торжествующе крикнулъ Раевскій, поражая Тимина въ лѣвое плечо, которое тотъ открылъ, увлекшись разговоромъ.

Сражавшіеся сняли маски и красные отъ усталости принялись пить чай. Было уже около двѣнадцати часовъ, когда компанія снова принялась за обсужденіе вопроса. Однако, всѣ замѣтно устали и прежняго одушевленія не было.

— Что намъ долго говорить, господа, о воспитаніи,—сказалъ Тиминъ. — Я думаю, главные недостатки его можно охарактеризовать двумя словами: чиновничество воспитателей.

— Да, именно чиновничество, — горячо подхватилъ Раевскій. — Дайте намъ людей съ душой, любящихъ насъ и свое дѣло, и все пойдетъ хорошо. Пусть насъ воспитываютъ люди, которые, дѣйствительно, хотятъ насъ воспитывать, и они, навѣрное, достигнутъ цѣли. Вѣдь достигъ же цѣли Черновъ. Мы чувствуемъ, что онъ насъ любитъ и хочетъ намъ добра. Пусть будетъ побольше такихъ преподавателей, и все юношество переродится...

— А такихъ чиновниковъ, какъ Беригъ, Трегубовъ, Козьявкинъ и tutti quanti—вонъ, — категорически заявилъ Флитъ.

— Пусть себѣ поступаютъ въ министерство...

— Да, и къ чорту изъ гимназіи...

— Итакъ, господа, — сказалъ Тиминъ, — я запишу, что главнымъ недостаткомъ воспитанія въ средней школѣ мы считаемъ формализмъ и казенное отношеніе къ дѣлу...

— И отсутствіе любви къ своимъ питомцамъ...

— И собственную ихъ глупость, — засмѣялся Флитъ.

— То есть чью? — серьезно спросилъ Гавриловъ. — Питомцевъ или воспитателей?

— Ну, конечно, воспитателей.

— Этого я думаю нельзя помѣщать въ докладъ, — улыбнулся Тиминъ.

— Но во всякомъ случаѣ запишите, кого мы считаемъ неспособными къ педагогической дѣятельности. Трегубова, Козьявкина, Протопопова...

— Лучше и этого не помѣщать.

— Да ужъ, чортъ ихъ дери, — сказалъ Бѣльскій, — не пишите лучше, а то поставятъ по парѣ въ четверти.

— Объявляю засѣданіе закрытымъ, — сказалъ Флитъ, смотря на часы, которые показывали уже часъ ночи.

Друзья распрощались и разошлись по домамъ радостные отъ признанія сдѣланнаго дѣла, съ такимъ чувствомъ, какъ будто школа была реформирована по ихъ скороспѣлымъ рецептамъ...

На углу одной изъ улицъ, Раевскій, шедшій вмѣстѣ съ Бѣльскимъ, остановился и, хлопнувъ себя по лбу, воскликнулъ:

— Ахъ, чортъ возьми, мы забыли самое важное.

— Что такое?

— Вопросъ о совмѣстномъ обученіи въ среднихъ школахъ дѣвочекъ и мальчиковъ. На это необходимо указать.

— Это, мнѣ кажется, преждевременно...

— Нѣтъ, завтра же скажу Тимину, чтобы вписалъ въ свой докладъ.

XV.

Въ гимназіи ждали съ нетерпѣніемъ того дня, въ который назначенъ былъ совѣтъ о реформѣ средней школы. Всѣ гимназисты знали, что ихъ любимый „новый учитель“ будетъ читать свой рефератъ, въ которомъ навѣрное станетъ на ихъ сторону и не упуститъ случая сказать то, что при другихъ условіяхъ сказать было бы неудобно, и что, конечно, вызоветъ цѣлую бурю со стороны педагоговъ - чиновниковъ. Самъ Черновъ, повидимому, нисколько не тревожился по поводу предстоящаго событія и только въ учительской его отношенія съ преподавательскимъ персоналомъ, и въ особенности съ Трегубовымъ и Козявкинымъ, стали совсѣмъ скверны и ограничивались только офіціальными рукопожатіями.

— Господа, — говорилъ онъ, иногда, смѣясь, когда гимназисты просили его похлопотать о чемъ-нибудь у начальства, — мое положеніе стало очень шаткимъ. Каждую минуту на меня можетъ обрушиться карательная десница. Мои просьбы и ходатайства, при такихъ условіяхъ, могутъ достигнуть совершенно нежелательныхъ результатовъ.

Дѣйствительно, директоръ спалъ и видѣлъ, какъ бы удалить нежелательный элементъ, какъ онъ выражался о Черновѣ въ его отсутствіе, и втайнѣ надѣялся, что на совѣтѣ онъ позволитъ себѣ что-нибудь такое, послѣ чего волей-не-волей придется оставить гимназію.

Такимъ образомъ, ожидалось столкновеніе двухъ партій, изъ которыхъ партія Козявкина была неизмѣримо могущественнѣе въ силу своего количества. Вокругъ нея сомкнулись тѣснымъ кольцомъ Трегубовъ, Беригъ, священникъ Благовѣстовъ, Протопоповъ и

другіе „просвѣщенные“ дѣятели. Въ противоположномъ лагерѣ одиноко стоялъ Черновъ, къ которому, правда, примыкали всѣ гимназисты, но, вѣдь, гимназисты на совѣтъ не допускались, а потому ему приходилось сражаться противъ превосходныхъ силъ противника, который къ тому же еще кипѣлъ негодованіемъ противъ незваннаго пришлеца, нарушившаго мертвый покой гизназиі, въ которомъ такъ хорошо себя чувствовали эти quasi-педагоги.

Неожиданный случай въ восьмомъ классѣ, въ самый день совѣта, еще болѣе обострилъ отношеніе главнѣйшихъ представителей партіи директора къ Чернову и укрѣпилъ ихъ въ твердомъ намѣреніи стереть послѣдняго съ лица земли.

Несчастіе обрушилось, по обыкновенію, на того, кто меньше всего ожидалъ этого, на Тимина, всегда отличавшагося приличнымъ поведеніемъ. Въ этотъ день послѣ перваго урока, который прошелъ благополучно, долженъ былъ быть урокъ Закона Божьяго. Законъ Божій преподавалъ отецъ Благовѣстовъ, еще не старый священникъ, награжденный уже, тѣмъ не менѣе, за свою полезную и плодотворную дѣятельность двумя орденами, которые онъ постоянно носилъ на своей коричневой кашемировой рясѣ. Онъ, повидимому, былъ убѣжденъ въ важности своей миссіи и считалъ Законъ Божій самымъ главнымъ предметомъ въ гимназиі. Онъ требовалъ неукоснительнаго посѣщенія церкви и, если обнаруживалъ въ комъ нибудь злостное желаніе уклониться отъ этой святой обязанности, вымещалъ виновному придиричивостью на урокахъ и уменьшеніемъ балловъ. Онъ не пользовался ни малѣйшею популярностью, не говоря уже о любви, среди учениковъ и получилъ прозвище „іезуита“ за свою привычку лукавить, давать уклончивые отвѣты на тѣ вопросы, на

которые ему было неудобно отвѣчать, и шпионить за гимназистами сквозь завѣсу царскихъ вратъ. Въ восьмомъ классѣ проходили нравственное богословіе, или вѣрнѣе, какую-то гнусную пародію на нравственное богословіе — продуктъ творчества какого-то необразованнаго, малограмотнаго отца церкви. Это былъ тотъ же катехизисъ, но только безъ вопросовъ и отвѣтовъ, а рассказанный въ связной формѣ съ присоединеніемъ лирической отсебятины автора, которой онъ, вѣроятно, придавалъ особенное значеніе. Зрѣлые юноши, каждому изъ которыхъ было не менѣе 17—18 лѣтъ, съ отвращеніемъ заставляли себя учить эти убористыя страницы, испещренныя текстами и восклицательными знаками, которые „батька“ требовалъ знать почти дословно. Было нѣсколько протестовавшихъ, которые отказывались учить богословіе, и получили за это тройки въ четверти. Начальство смотрѣло на нихъ, какъ на опасныхъ и мысленно приготавлило для нихъ соотвѣтственныя характеристики. Въ числѣ этихъ протестовавшихъ былъ и Тиминъ. У нихъ со священникомъ давно были нелады. Благовѣстовъ инстинктивно чувствовалъ, что Тимина ему не переломить.

— Пусть имѣютъ въ виду, — говорилъ онъ въ классѣ, не обращаясь ни къ кому лично, — что отмѣтки по Закону Божьему оказываютъ вліяніе на поступленіе въ высшее учебное заведеніе. Съ тройкой никуда не примутъ.

При этомъ тѣ, у которыхъ были тройки, испытывали непріятное чувство.

— Какъ ни непріятно, — говорилъ Тиминъ Раевскому въ перемѣну передъ урокомъ, раскрывая учебникъ богословія, — а приходится учить... А то еще, правда, не примутъ въ университетъ... Откуда рассказывать, Раевскій?

Раевскій посмотрѣлъ въ книгу и сказалъ:

— Кажется что-то про наслѣдственность грѣха...

— Какая гнусная штука—война,—вмѣшался Гавриловъ, читавшій до тѣхъ поръ газету. Тогда только что началась англо-бурская война, и всѣ негодовали на англичанъ.

— Отъ словъ „какъ отъ зараженнаго источника течетъ зараженный потокъ, такъ и отъ зараженныхъ грѣхомъ предковъ, происходитъ погрязшее въ грѣхахъ потомство“.

— Какая вѣрная, подумаешь, аналогія...

— Ну, вы, дядя, лучше учите, а не критикуйте,—сказалъ Синявинъ, ожесточенно зубрившій текстъ.—А то какъ разъ батъка колъ влѣпить.

— Буры опять потерпѣли пораженіе, — сказалъ Гавриловъ. — Такъ какъ ему никто не отвѣтилъ, онъ бросилъ газету и задумался. Потомъ, подойдя своей колеблющейся походкой къ Тимину, сказалъ ему:

— Какіе подлецы англичане! Впрочемъ, нѣтъ... не англичане, а вообще люди... Подумайте только. Какая масса гибнетъ жизней, сколько льется слезы! И все это для чего?.. Для обогащенія отдѣльныхъ лицъ, алчныхъ торгашей... И люди не сознаютъ этого. Вотъ что ужасно. Они даютъ себя обманывать. Они идутъ охотно умирать въ угоду этимъ вампирамъ, и не подозрѣваютъ, что этого не должно быть. Право, это такъ бессмысленно, такъ гадко, что я готовъ согласиться съ вами, что разума нѣтъ въ природѣ. Мы—игрушки какихъ-то темныхъ силъ... Эти мерзости оправдываются разными экономическими причинами... А дѣло вовсе не въ этомъ.

— А въ чемъ же?—спросилъ Тиминъ.

— А въ томъ, что люди глупы... А глупыми ихъ дѣлаютъ, вотъ, такія книжки.—И онъ брезгливо бро-

силъ богословіе.—Вотъ, что спутываетъ мысли, что заставляеть подчиняться противуестественнымъ приказаніямъ. Священники идутъ съ крестами впереди войска... И это называется христіанствомъ!.. Если бы было въ моей власти, я бы перевѣшалъ...

Но онъ не успѣлъ сказать, кого бы, именно, онъ перевѣшалъ, если бы имѣлъ власть, такъ какъ въ эту минуту въ классъ вошелъ Благовѣстовъ, храня, по обыкновению, на лицѣ необычайно серіозное, благочестивое выраженіе, такое серіозное, что сразу уже было видно, что оно не искренно. Онъ остановился, не доходя каѳедры, взмахнувъ своими длинными волосами, устремивъ взоръ на икону, висѣвшую въ углу и поднявъ руку для крестнаго знаменія. Тотчасъ же рядомъ съ нимъ сталъ дежурный и прочиталъ молитву передъ ученіемъ, въ продолженіе которой священникъ не переставалъ низко кланяться и креститься. Это ему не мѣшало, однако, наблюдать, какъ ведутъ себя во время молитвы гимназисты. Обыкновенно, онъ становился ближе къ каѳедрѣ и не могъ видѣть Тимина, который находился за его плечами. Теперь же онъ сталъ такъ, что могъ свободно наблюдать за Тиминымъ и такимъ образомъ убѣдиться, что Тиминъ не только ни разу не перекрестился, но даже не вынулъ рукъ изъ кармановъ и, вообще, ничѣмъ не обнаружилъ признаковъ молитвеннаго настроенія.

Благовѣстовъ почувствовалъ, что настало время хорошенько пробрать этихъ, хотя и юныхъ, но забывшихъ Бога, людей и, когда молитва кончилась, онъ строго спросилъ:

— Тиминъ, а ты что же это не молишься? Засунуль руки въ карманы и лба не перекрестишь... Ты что же язычникъ, или въ Бога не вѣришь? Отвѣчай, отчего ты не изволишь креститься?

Тиминъ не подозрѣвалъ даже, что можетъ вызвать чье-нибудь неудовольствіе, и выговоръ Благовѣстова засталъ его врасплохъ. Злые глазки „іезуита“ не предвѣщали ничего хорошаго. Надо было что-нибудь отвѣчать. Всѣ въ классѣ притихли, какъ будто предчувствуя, что сейчасъ произойдетъ нѣчто очень важное.

Тиминъ внезапно ощутилъ приливъ храбрости и рѣшимости и рѣшилъ сказать правду. Фальшивое благочестіе священника раздражало его, и ему нестерпимо захотѣлось высказать то, что онъ думалъ. Онъ холодно сказалъ:

— Я не могу молиться по заказу... Если вообще нужно молиться и креститься, то нужно это дѣлать только тогда, когда есть желаніе молиться. А какую-то механическую молитву безъ вѣры... я не понимаю... Однимъ словомъ, я не могу молиться по приказанію другихъ.

Священникъ поблѣднѣлъ отъ ярости. Губы его сжались и скривились. Сѣрые глаза сузились еще больше и метали молніи.

— Ахъ,—сказалъ онъ, приближаясь къ Тимину и произнося слова съ какимъ-то шипѣніемъ, — такъ ты вотъ какой господинъ! Не можешь молиться?.. Не желаешь молиться? Бога забываешь? Ну, вотъ, подожди... и Богъ тоже тебя забудетъ... Будешь тогда знать. Люди молятся, а ты называешь это механической молитвой безъ вѣры. Мудрствуешь лукаво? Діавола пустилъ къ себѣ въ сердце... Я уже давно это замѣтилъ... Ты и въ церковь ходишь рѣдко, а если придешь, то стоишь истуканомъ.

— Да,—сказалъ Тиминъ, съ непонятной смѣлостью,— и въ церковь не хожу, потому что церковь не располагаетъ меня къ молитвѣ... А заниматься ханжествомъ я не намѣренъ.

Попъ окончательно пришелъ въ ярость...

— Вотъ оно что!— грозно сказалъ онъ.—Ну, я о тебѣ на совѣтъ доложу и до святого причастія не допущу... Такъ и знай. Ты, значить, недостойный аееистъ. Да, знаешь ли ты, что тебя исключать за такія мысли изъ гимназіи? Вонъ, сейчасъ же вонъ безъ сожалѣнія выгонять, если только я скажу, каковъ ты...

Тиминъ пожалъ плечами.

— Крестись сейчасъ же на святой образъ,—приказалъ Благовѣстовъ.

Тиминъ вспыхнулъ и сказалъ:

— Зачѣмъ это нужно?

— Ты еще смѣешь разговаривать со мной. Крестись, а то такъ и буду знать, что ты—аееистъ и исчадіе ада.

— Я не атеистъ,—сказалъ Тиминъ, садясь на скамейку, а креститься не буду, потому что считаю, что это—кошунство. Вы знаете, батюшка, что я креститься умѣю...

— Крестись! — закричалъ Благовѣстовъ, затопавъ ногами.

Тиминъ не пошевелился и только закусилъ губы.

Тогда внезапно всталъ Гавриловъ съ газетой въ рукахъ и голосомъ, придавленнымъ отъ скрытаго бѣшенства, крикнулъ:

— Довольно, довольно, отецъ Василій. Мы не потерпимъ больше такого издѣвательства надъ нашимъ товарищемъ! Мы не ваши рабы и не ваши крѣпостные!.. Сбросьте вашу маску и перестаньте притворяться. Да, мы не вѣримъ ни вашимъ словамъ, ни вашимъ поученіямъ, ни вашимъ молитвамъ, ни вашему благочестію. Мы ихъ презираемъ до глубины души и не хотимъ больше ихъ. Если вы служитель Христа, то старайтесь хоть немного быть на него похожимъ. Что вы пристааете къ намъ съ молитвами и съ церквями?

Какое вамъ до этого дѣло? Вотъ, заботьтесь о томъ, чтобы люди перестали убивать другъ друга и жить на счетъ слабыхъ... Запрещайте убійства и войну, а не раболѣпствуйте предъ сильными міра сего...

Благовѣстовъ былъ такъ пораженъ, что не нашелся даже ничего отвѣтить и не запретилъ Гаврилову говорить. Послѣдній же съ блѣднымъ лицомъ наступалъ все время на испуганнаго священника, махая у него передъ носомъ сложенной газетой.

— Почитайте, почитайте,—говорилъ онъ, захлебываясь,—что теперь дѣлается въ Южной Африкѣ. Это все—дѣло вашихъ рукъ. Дѣло лицемѣровъ и торговцевъ своею совѣстью. Вы не служите Христу, а продаете его. Вотъ эти два креста на ленточкѣ, что болтаются у васъ на груди—это цѣна крови Христа. За нихъ вы его продали. Молчите же и не смѣйте насъ поучать, а старайтесь не обращать на себя вниманія! Недостойный человѣкъ...

— Ступай вонъ! Моментально вонъ,—закричалъ пришедшій въ себя священникъ.—И больше въ гимназію не являться. Исключенъ совсѣмъ.

Классъ началъ глухо роптать. Послышались негодующіе голоса. Кто-то даже сказалъ:

— Самъ уходи вонъ.

— А, вотъ вы какъ,—бормоталъ яростно попъ,—такъ вы бунтъ устраивать, противъ своего духовнаго отца. Хорошо. Я вамъ покажу... я вамъ покажу. Безбожники, невѣрующіе... Вонъ, сію минуту,—обратился онъ снова къ Гаврилову, который лихорадочно собиралъ свои книги.—И не возвращайся.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Тиминъ,—можете и меня считать исключеннымъ. Я ухожу и не желаю имѣть дѣло съ „іезуитами“.

При послѣднемъ оскорбленіи Благовѣстовъ вскочилъ,

какъ ужаленный. Онъ, какъ бомба, выскочилъ изъ класса и громко во весь голосъ сталъ звать директора и инспектора. Его визгливый голосъ гулко раздавался по всѣмъ коридорамъ. Испуганные преподаватели выскочили изъ своихъ классовъ и съ удивленіемъ смотрѣли на кричавшаго священника. Гимназисты соображали, что все пропало, что скандалъ неизбеженъ, и что Тиминъ и Гавриловъ немедленно будутъ исключены. Они подняли дикий крикъ, который слился въ одномъ единодушномъ возгласѣ, прокатившемся эхомъ по всей гимназіи: „іезуитъ“.

— Тиминъ, Гавриловъ, что вы надѣлали?— говорилъ, чуть не плача, Раевскій.—Ну, на кой чортъ вы заварили всю эту кашу? Вѣдь, вы погубили себя...

— Вотъ ерунда,—отвѣтилъ Гавриловъ, къ которому вернулось уже самообладаніе,—будемъ держать экзаменъ экстернами. Вмѣстѣ будемъ въ университетѣ...

Черезъ нѣсколько мгновеній директоръ и инспекторъ были уже на мѣстѣ и съ злыми лицами вошли въ классъ, въ сопровожденіи Благовѣстова и сторожа.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ сурово директоръ.—Здѣсь бунтъ?

— Вотъ эти двое,—отвѣтилъ священникъ, указывая на Тимина и Гаврилова, которые стояли, уже готовые идти, держа ранцы подъ мышками.—Въ Бога не вѣрятъ, товарищей развращаютъ и меня ругаютъ нехорошими словами... Святую религію и предрержація власти поносятъ...

— Михайло,—обратился директоръ къ сторожу,—позови еще кого-нибудь и взять этихъ господъ подъ руки и вывести ихъ вонъ изъ гимназіи на улицу. Слышишь?

— Я убью васъ, если вы только осмѣлитесь привести въ исполненіе ваше приказаніе и дотронуться

до меня пальцемъ,—сказаль Гавриловъ такимъ тономъ, что директоръ убѣдился, что онъ не шутить, и что лучше не заходить такъ далеко.

— Ну такъ вонъ, сейчасъ же...

Гавриловъ и Тиминъ молча вышли.

— Вотъ, плоды преподаванія господина Чернова,—прибавиль директоръ такъ громко, что они могли его слышать.

Тиминъ остановился и дрожащимъ отъ негодованія голосомъ произнесъ:

— Черновъ—единственный среди васъ порядочный человекъ. А вы... вы—подлецы. Понимаете?... Под-ле-цы.

Директоръ кинулся за ними слѣдомъ, но они проворно сбѣжали съ лѣстницы и покинули навсегда гимназію.

Отецъ Благовѣстовъ послѣ этой исторіи почувствовалъ себя такъ плохо, что не былъ въ состояніи продолжать урокъ и ушелъ домой. Весь восьмой классъ былъ оставленъ на три часа послѣ уроковъ, и всѣ получили тройку за поведеніе.

Когда Чернову рассказали все происшедшее, онъ сказалъ:

— Какъ это досадно, какъ досадно! Зачѣмъ они это сдѣлали. Бѣдные, глупые юноши. Но во всякомъ случаѣ, и я скоро послѣдую за ними. Меня выгонять,—прибавиль онъ, улыбаясь.

Директоръ пришелъ на совѣтъ мрачный, какъ туча. Инцидентъ съ Тиминымъ, разумѣется, не замедлитъ распространиться по городу и дойти до высшаго начальства. При такихъ условіяхъ надежда получить Владиміра становилась очень шаткой. Единственнымъ виновникомъ всего этого онъ считаль Ивана Ми-

хайловича, а потому всю злобу сосредоточилъ противъ него. Когда всѣ собрались, Козявкинъ произнесъ вступительную рѣчь о важности вопроса, который сейчасъ будетъ разбираться, и о томъ, какую великую задачу всѣ они на себя берутъ.

— Всѣ вы, господа, слышали о сегодняшнемъ случаѣ открытаго неповиновенія и даже отрицанія Бога, страшно сказать, имѣвшемъ мѣсто въ восьмомъ классѣ. Все это указываетъ на страшную моральную распущенность, царствующую среди учениковъ. Они утратили вѣру, перестали молиться и уважать святость духовенства. Въ этомъ все зло. Необходимы строгости, строгости и строгости. Нѣкоторые преподаватели вводятъ деморализацію въ среду учениковъ тѣмъ, что позволяютъ обращаться съ ними слишкомъ свободно, слишкомъ по-дружески. Мальчики забываютъ, что предъ ними все-таки ихъ наставникъ и переходятъ съ нимъ въ грубо-фамиліарный тонъ. Необходимо всячески подчеркивать разницу между учителемъ и ученикомъ: только этимъ способомъ можно достигнуть извѣстной доли почтенія и уваженія къ наставникамъ. Нельзя говорить съ ними обо всемъ и быть съ ними всегда одинаково откровенными. Многіе вопросы нельзя обсуждать съ дѣтьми, и надо запрещать говорить имъ объ этомъ. Самая строгая дисциплина—вотъ, что должно лежать въ основѣ воспитанія. При строгой дисциплинѣ невозможны случаи, подобные сегодняшнему. Господа, наша школа классическая. Она должна быть такой не только по своей программѣ, но и по духу. Вспомните спартанцевъ. Что являлось у нихъ главнымъ при воспитаніи? Дисциплина. Господа, заботьтесь о поддержаніи дисциплины, налагайте на виновныхъ взысканія, преслѣдуйте ихъ, и вы достигнете идеала школы, истинной классической школы. Деморализацію вносятъ тѣ,

которые подрываютъ дисциплину. Какъ войско невозможно безъ дисциплины, такъ и школа неминуемо придетъ къ полнѣйшему краху, если безпрекословное повиновеніе не будетъ общимъ правиломъ для ея питомцевъ. Религія—второе условіе, безъ котораго не можетъ существовать школа. Только религіозное воспитаніе даетъ хорошіе плоды. Поэтому, господа, ничто не должно возбуждать такого преслѣдованія, какъ отсутствіе религіозности. Нерелигіозный ученикъ долженъ вырываться, какъ негодный плевель...

Директоръ долго еще говорилъ въ такомъ же родѣ, высказывая свои мысли по поводу воспитанія, всѣ стрѣлы которыхъ были направлены, конечно, на Чернова, который терпѣливо слушалъ всю эту старую и истрепанную галиматью, разсѣяннo перелистывая рукопись своего реферата.

Онъ смотрѣлъ на всѣ эти тупыя враждебныя лица, выражавшія согласіе во всемъ со словами своего принципала, и ему, вдругъ, съ поразительной ясностью представилась вся бесполезность того, что онъ собирался сейчасъ имъ прочесть. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему? Развѣ это убѣдить ихъ хоть скольконибудь? Развѣ это заставить ихъ отказаться отъ своего предвзятаго мнѣнія? Если бы можно было еще рассчитывать на какой-нибудь практическій результатъ этого реферата, тогда другое дѣло. Но, вѣдь, ясно, что кромѣ тупой злобы онъ ничего не возбудитъ своимъ докладомъ и только потеряетъ даромъ время. Ему стало, вдругъ, совершенно ясно, что никакая реформа школы не возможна до тѣхъ поръ, пока реформировать ее будутъ призываемы тѣ, кто не желаетъ никакихъ реформъ.

Поэтому, когда директоръ, наконецъ, кончилъ и ядовито предложилъ ему прочесть собранію свой док-

ладъ, Черновъ закрылъ свою рукопись и, вставая съ мѣста, сказалъ:

— Господа, тѣ мысли о реформахъ школы, которыми я хотѣлъ съ вами подѣлиться, совершенно противоположны тому, что только что говорилъ господинъ директоръ. То, что онъ считаетъ идеаломъ воспитанія, я рассматриваю, какъ недостойную пародію на него. Онъ строить свою школу на дисциплинѣ, на наказаніяхъ и на подчеркиваніи разницы между учителями и учениками. Я считаю всѣ эти приемы недостойными человека, имѣющаго душу и сердце, а не буквы уставовъ и статьи законовъ. Поэтому я считаю безполезнымъ знакомить собраніе съ тѣмъ, что, повидимому, является полнымъ противорѣчіемъ съ вашими міровоззрѣніями. Я отказываюсь отъ дальнѣйшаго обсужденія этого вопроса, дабы не вносить въ вашу среду деморализаціи. До свиданья, господа...

Черновъ ушелъ при гробовомъ молчаніи.

Онъ поѣхалъ прямо къ Тимину, котораго засталъ въ довольно удрученномъ состояніи. Онъ рассказалъ ему, чѣмъ кончился совѣтъ и слегка пожурилъ за несдержанность.

— Ахъ, Иванъ Михайловичъ, мнѣ такъ надоѣло это вѣчное ханжество и притворство, что я прямо не могъ сдержаться. Надо было сказать прямо... Что же, развѣ лучше было врать? Я, впрочемъ, нисколько не жалѣю, что такъ случилось. Единственно, чего я боюсь, что не допустятъ до экзамена и въ университетъ не примутъ.

Но Черновъ утѣшилъ его, обѣщая, что онъ сдѣлаетъ все для того, чтобы ихъ приняли обратно.

Оттуда Черновъ поѣхалъ къ Гаврилову, чтобы утѣшить и его, но Гавриловъ заперся у себя въ кабинетѣ и не откликался. Прислуга сказала, что онъ не

велѣлъ себя тревожить и предупредилъ, что, можетъ быть, не выйдетъ нѣсколько дней. Черновъ безуспѣшно прождалъ его около получаса, но Гавриловъ не показывался.

На него нашелъ одинъ изъ припадковъ глубокой меланхоліи, когда онъ не могъ ни съ кѣмъ говорить и не хотѣлъ никого видѣть.

XVI.

Жизнь продолжала идти обычнымъ порядкомъ въ гимназіи. Тиминъ и Гавриловъ, хотя и не были приняты обратно въ гимназію, но, по протекціи Чернова, имъ было обѣщано, что ихъ допустятъ до экзамена въ качествѣ экстерновъ и не дадутъ никакого отзыва въ округъ, который могъ бы имъ повредить. Однимъ словомъ, исторію, окончившуюся такъ печально, рѣшили предать забвенію, и все пошло по старому.

Никакихъ реформъ въ средней школѣ, разумѣется, не послѣдовало, и всѣ многочисленныя педагогическія совѣты, вся широкоувѣщательная газетная полемика окончились ничѣмъ по той простой причинѣ, что тѣ, кому было поручено проводить реформы, были заинтересованы въ сохраненіи существующаго порядка.

Докладъ Чернова, хотя и попалъ въ округъ, гдѣ даже обсуждался, но мало принесъ пользы дѣлу, такъ какъ шелъ въ разрѣзъ съ мѣнѣями и желаніями громаднаго большинства.

Выходка его на гимназическомъ совѣтѣ, когда онъ бросилъ вызовъ всему педагогическому персоналу, настолько возмутила Козьявкина, что онъ рѣшилъ войти съ представленіемъ въ Министерство о необходимости отнять у Чернова возможность продолжать педагогическую дѣятельность. Мотивами къ этому онъ выстав-

лялъ ту свободу въ выборѣ темъ сочиненій, которую допускалъ Черновъ, и которыя, безъ сомнѣнія свидѣтельствовали о его нежелательной политической окраскѣ; дискредитированіе гимназическаго начальства въ глазахъ воспитанниковъ; наконецъ, общее направленіе, которое имѣло своимъ послѣдствіемъ проявленіе самаго явнаго неуваженія къ священнику и исключеніе изъ гимназіи двухъ учениковъ.

Однако, Козявкинъ не рассчиталъ удара. Онъ не зналъ, что у Чернова имѣется могущественная протекція въ лицѣ директора департамента. Послѣдствіемъ такой протекціи явилось то, что директоръ получилъ изъ департамента вѣжливое увѣдомленіе, что тамъ не считаютъ возможнымъ удалить Чернова въ виду того, что онъ извѣстенъ въ округѣ, какъ въ высшей степени талантливый преподаватель, а также въ виду недостаточности мотивовъ, указанныхъ его Превосходительствомъ, мотивовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ переживаемыми въ настоящее время общественными теченіями.

Такимъ образомъ, Черновъ не только остался въ гимназіи, но даже совершенно неожиданно для себя приобрѣлъ вѣсъ и значеніе въ глазахъ директора и Трегубова, какъ человѣкъ, имѣющій связи и извѣстный въ министерствѣ. Они сразу же измѣнили свое отношеніе къ нему, и его значеніе въ гимназіи еще болѣе укрѣпилось.

На Раевского очень скверно подѣйствовало исключеніе Тимина и Гаврилова. Онъ считалъ этотъ поступокъ по отношенію къ нимъ величайшею несправедливостью и даже проектировалъ подачу коллективнаго протеста, но Черновъ отговорилъ его отъ этого, справедливо находя, что такой поступокъ можетъ только повредить его друзьямъ, не достигнувъ никакой иной цѣли.

Въ классѣ какъ-то было пусто и кого-то не доставало. Уже не было тѣхъ шумныхъ и горячихъ споровъ, которые такъ любилъ вести Гавриловъ. Однако, друзья продолжали часто видѣться, собираясь по прежнему то у одного, то у другого. Тиминъ и Гавриловъ не запускали своихъ дѣлъ, рѣшивъ твердо держать весною экзамены на аттестатъ зрѣлости. Раевскій постоянно доставлялъ имъ свѣдѣнія о томъ, что у нихъ проходитъ въ гимназіи и рассказывалъ о бесѣдахъ съ Черновымъ. Разговоры теперь часто вертѣлись о войнѣ, которая не думала утихать, а, напротивъ, все болѣе и болѣе разгоралась. Всѣ одинаково интересовались ею и слѣдили за событіями, симпатизируя бурамъ и негодуя на англичанъ, но на Гаврилова они дѣйствовали какъ-то особенно удручающе. Онъ сталъ впадать въ свою меланхолію все чаще и чаще, а когда рѣчь заходила о войнѣ, онъ говорилъ о ней съ болѣзненнымъ раздраженіемъ.

— Да почему васъ такъ трогаетъ война вообще? — спрашивалъ не разъ его Тиминъ.

— Да потому что она перевертываетъ въ моей головѣ все вверхъ дномъ. Потому что эта нелѣпость не можетъ ужиться въ моемъ мозгу рядомъ съ другими мыслями... Да, нѣтъ, чортъ возьми, — круто обрывалъ онъ самъ себя, — не будемъ лучше говорить объ этомъ.

Незамѣтно снова наступила весна, снова потекли ручьи растопленнаго снѣга, и вмѣстѣ съ этой весной, весна постучалась и въ сердце Раевского. Онъ сталъ все чаще и чаще вспоминать свою Аню и мысли о ней были такъ неотступны, такъ настойчивы, что порой, онъ не зналъ, какъ забыться. Вмѣстѣ съ весной, закралась въ его сердце надежда, и это было всего хуже, такъ какъ онъ сознавалъ, что надеждѣ этой никогда не суждено осуществиться.

— Хотя почему? — задавалъ онъ самъ себѣ вопросъ.— Вѣдь, она меня любила... и, можетъ быть, любить... даже. Я самъ виноватъ во всемъ... Конечно, вель себя, какъ дуракъ... и неотесанный невѣжа. Смѣшно ждать, что счастье придетъ ко мнѣ само. Надо его ловить...

И ему на минуту начинало казаться, что при очень большомъ желаніи онъ могъ бы поймать это счастье. Да, чего не кажется въ молодые годы, когда вся жизнь еще впереди, да къ тому же весною, когда просыпается природа, въ потокахъ солнечнаго свѣта и тепла.

Однажды, въ одинъ изъ прекрасныхъ весеннихъ дней, гимназическій швейцаръ подалъ въ большую перемѣну Володѣ маленькій конвертикъ, на которомъ незнакомымъ ему почеркомъ былъ написанъ адресъ и его имя.

„Отъ кого бы это могло быть?“ — раздумывалъ онъ, рассматривая конвертъ, по обыкновенію людей, получающихъ письма, написанныя незнакомой рукой. Онъ силился вспомнить, гдѣ онъ видѣлъ точно такой же почеркъ, такія же буквы неровныя и неодинаковой высоты, такіе же крючечки на б и на р. Вдругъ онъ вспомнилъ, что точно такимъ же почеркомъ была написана тема русскаго сочиненія на томъ клочкѣ бумаги, который онъ получилъ давно уже отъ Ани, и который хранилъ, какъ драгоценную реликвію. Письмо отъ нея. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Онъ почувствовалъ, какъ сердце его забилося и дышать стало немного тяжело.

„Что со мной? — подумалъ онъ, разрывая дрожащими руками конвертъ, — чего я волнуюсь? вѣроятно, какіе-нибудь пустяки. Приглашеніе на вечеръ, или просьба узнать что-нибудь въ гимназіи“.

Онъ развернулъ розовую бумажку съ вензелемъ „А“ и прочелъ:

„Васъ удивить, конечно, и это посланіе, и еще больше содержаніе его. Но я давно собиралась вамъ уже написать. Меня удерживала только моя робость и нерѣшительность. Я знаю, что вы на меня сердитесь и знаю за что. Мнѣ разсказалъ Барановъ. Мнѣ очень хотѣлось бы съ вами повидаться и поговорить. Но вы—нехорошій: вы не хотите къ намъ придти и ждете, чтобы я первая сдѣлала шагъ навстрѣчу. Все равно. Я его дѣлаю. Я знаю, что вы не истолкуете этого письма такъ, какъ мнѣ этого не хотѣлось бы, а потому рѣшилась. Приходите сегодня послѣ уроковъ въ Лѣтній садъ. Я буду ждать васъ тамъ, и мы поговоримъ. Мнѣ кажется, что мы поймемъ другъ друга. Уничтожьте это письмо. А. Сенклеръ.

Р. S. Никому другому я не рѣшилась бы написать того, что пишу вамъ“.

Что почувствовалъ Володя, когда прочелъ эти нѣсколько строкъ? Онъ и самъ не могъ бы отдать себѣ яснаго отчета. Первымъ его ощущеніемъ была радость, безмѣрная радость. Итакъ, то, о чемъ онъ мечталъ, на что надѣялся, готово совершиться. Аня не забыла о немъ. Она его помнитъ... Она его любитъ даже... Да, конечно, любить. Потому, что если бы она его не любила, она не стала бы ему писать. Она не переставала, значить, о немъ думать. Однимъ словомъ, она переживала то же самое, что и онъ. А потомъ, эта приписка: „Никому другому я не рѣшилась бы написать того, что пишу вамъ.“ Что хотѣла она этимъ сказать? Разумѣется, подчеркнуть то, что для нея онъ является чѣмъ-то особеннымъ, не такимъ, какъ всѣ остальные... А Барановъ?.. Ну, это было маленькое увлеченіе, которое прошло такъ же быстро, какъ и началось... А,

быть можетъ, даже и увлеченія никакого не было, а просто она кокетничала, хотѣла его испытать... Конечно... это такъ ясно. И онъ припомнилъ, какъ тогда на балу, она совсѣмъ близко наклонилась къ нему и прошептала:

— Значить, вы меня совсѣмъ не любите?

Развѣ могла бы она предложить этотъ вопросъ, если бы ей нравился тогда Барановъ. Ахъ, все это его проклятая мнительность и неумѣнье читать въ женскомъ сердцѣ.

Но теперь все это будетъ исправлено. Время не потеряно. Онъ вихремъ влетѣлъ въ классъ и бросился къ Бѣльскому.

— Сегодня счастливѣйшій день въ моей жизни!— воскликнулъ онъ, вырывая у него нѣмецкую книжку и теребя его за плечо. — Брось къ чорту всю эту дрянь и давай веселиться...

— Ручаюсь, что ты влюбленъ, или только что объяснился въ любви. Только въ такихъ случаяхъ и можетъ быть такая сіяющая рожа, какъ у тебя.

Вмѣсто отвѣта Раевскій загадочно улыбнулся и протянулъ ему письмо. Въ эту минуту въ классъ вошелъ нѣмецъ, Зингеманъ.

Этотъ послѣдній часъ тянулся для Володи безконечно долго. Онъ сидѣлъ все время, какъ на иголкахъ, и былъ разсѣяннѣе и безпокойнѣе, чѣмъ обыкновенно. Не одинъ разъ нѣмецъ пристально устремлялъ на него свой взоръ и говорилъ не особенно любезнымъ тономъ:

— Успокаивайтесь, когда я здѣсь займусь...

Или, если замѣчалъ, что Раевскій дѣлаетъ какіе-то знаки Бѣльскому:

— Раевскій, не играйте съ пальцами...

Онъ прекращалъ на минуту, но потомъ снова забы-

валъ о предупрежденіи, начиналъ болтать, и нѣмецъ опять кричалъ:

— Ого! Вамъ молчать, когда я растолкую.

Черезъ десять минутъ послѣ окончанія уроковъ онъ уже былъ въ Лѣтнемъ саду, гдѣ прохаживался по боковой аллеѣ, не спуская глазъ съ главнаго входа, откуда должна была появиться Аня, по дорогѣ изъ гимназіи. Володя съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій весенній воздухъ, къ которому примѣшивался аромать раннихъ цвѣтовъ, уже высаженныхъ въ клумбы. Деревья еще не распустились, и солнечные лучи заливали все своимъ свѣтомъ, принося съ собою пріятную теплоту.

Въ этотъ часъ въ саду почти никого не было, кромѣ нѣсколькихъ одинокихъ курсистокъ и студентовъ, пришедшихъ сюда съ лекціями съ намѣреніемъ готовиться къ экзаменамъ, да многочисленной дѣтвора, игравшей въ солдаты и въ разбойники. Поле ихъ дѣйствій было сосредоточено главнымъ образомъ около памятника Крылова, такъ что въ части сада, ближайшей къ Инженерному замку, было совсѣмъ пусто, и Володя съ удовольствіемъ думалъ, что имъ никто не помѣшаетъ.

Однако, чѣмъ ближе подходилъ моментъ условленной встрѣчи, тѣмъ сомнѣніе все больше и больше закрадывалось въ душу Раевскому. Почему, дѣйствительно, онъ вообразилъ, что она собирается говорить съ нимъ о любви? Очевидно, они думаютъ устроить балъ, имъ нужны кавалеры, и это письмо не болѣе не менѣе, какъ дипломатическій пріемъ. Она будетъ говорить, что они—друзья, что нехорошо сердиться и, вообще, повторять все то, что онъ уже столько разъ слышалъ, и что всегда доставляло ему непріятность. Ахъ, всѣ эти шаблонныя фразы о дружбѣ!.. Развѣ го-

ворять о дружбѣ, когда любятъ? Никогда она меня не любила и смѣшно надѣяться на что-нибудь подобное. Онъ не видался съ нею почти полтора года. Для любящаго сердца—это громадный промежутокъ, а для обыкновенныхъ свѣтскихъ отношеній, слегка подкрашенныхъ намеками на какую-то дружбу, это — цѣлая вѣчность.

Но минуто спустя онъ вспоминалъ нѣкоторые эпизоды, которые свидѣтельствовали объ ея исключительномъ расположеніи къ нему, и надежда снова воскресала въ немъ.

Такъ, въ теченіе этихъ двадцати минутъ, что онъ ходилъ лихорадочными шагами по аллеѣ въ Лѣтнемъ саду, его настроенія все время мѣнялись, и онъ переходилъ отъ живѣйшей радости къ отчаянію. Сердце его билось очень часто, и щеки горѣли такъ, какъ будто у него былъ сильнѣйшій жаръ.

Совершенно неожиданно для себя онъ, вдругъ, увидѣлъ около себя Аню, которая подошла къ нему сзади и, улыбаясь, сказала:

— Спасибо, что пришли... Я боялась, что вы не захотите... Я очень рада.

Володя пожалъ маленькую руку, затянутую въ изящную перчатку, и могъ только пролепетать:

— Какъ могли вы думать... Я исполнилъ бы все, чего бы вы ни пожелали...

— Ну, положимъ,—сказала Аня,—звонко разсмѣявшись. — Я увѣрена, что ваше самопожертвованіе не пойдетъ такъ далеко... Впрочемъ я не потребую отъ васъ большихъ жертвъ.

Она, повидимому, не чувствовала ни малѣйшаго смущенія и не испытывала ничего подобнаго тому, что испытывалъ Володя. Послѣдній смотрѣлъ на эту дѣвушку, какъ очарованный. Она выросла за эти

полтора года и слегка пополнѣла. Всѣ линіи фигуры и даже черты лица стали мягче и пріобрѣли какой-то неуловимый оттѣнокъ женственности, сквозившей въ ея малѣйшемъ движеніи, въ каждомъ словѣ. Скромное гимназическое платье очень шло къ ея нѣжной, почти святой красотѣ, а простая темная соломенная шляпа красиво оттѣняла ея золотистыя кудри.

Они, молча, прошли нѣсколько шаговъ, не зная, о чемъ говорить, какъ люди, которые встрѣтились послѣ долгихъ лѣтъ разлуки.

— Сядемъ здѣсь, — сказала Аня, опускаясь на скамейку подъ развѣсистымъ дубомъ.

Володя сѣлъ рядомъ съ ней и по прежнему молчалъ, ожидая, что она ему скажетъ.

— Послушайте, — сказала она, наконецъ, — скажите мнѣ, отчего вы на меня сердитесь?

— Вѣдь, вы же знаете, — тихо отвѣтилъ Володя, не поднимая на нее глазъ и нѣжно поглаживая пальцами складки ея передника.

— Да, но я хочу слышать это отъ васъ самихъ.

„Теперь или никогда, — подумалъ Володя, — надо сказать, чтобы не было этихъ мучительныхъ сомнѣній.“

— Вы меня совсѣмъ не любите, — сказалъ онъ, слегка покраснѣвъ, — и никогда не любили... Вы играли мной, — продолжалъ онъ, видя, что Аня его не перебиваетъ и только удивленно смотреть на него. — Вы видѣли, какъ я люблю васъ, какъ мучаюсь, и вамъ нравилось это. Вы ни разу не сказали прямо, что вы не можете меня любить и не чувствуете ко мнѣ ничего, кромѣ маленькаго расположенія. А я ужасно, ужасно страдалъ. Но я никогда не сердился на васъ... Даю вамъ слово... Я не могъ на васъ сердиться. Если я избѣгалъ встрѣчаться съ вами, то только потому, что видѣлъ, что всѣ мои надежды напрасны...

Онъ замолчалъ и смотрѣлъ прямо передъ собой, дивясь своей собственной храбрости.

Аня заговорила, и голосъ ея слегка дрожалъ. Она, видимо, волновалась...

— Вы неправы, тысячу разъ неправы. Я никогда не кокетничала съ вами. Это выходило у меня невольно... Мы были дѣтьми... Подождите... я скажу, почему все это вышло... Мама нашла неудобнымъ, что я вамъ оказываю явное предпочтеніе. Она сказала мнѣ, что это неприлично...

— Ахъ, вотъ что!..—съ горечью произнесъ Володя.

— Ну, конечно. Мы постоянно съ вами читали, разговаривали... Мама нашла, что для дѣтей это неудобно...

— Мама нашла, но вы сами...

— Не будемъ вспоминать о старомъ,—сказала Аня съ живостью, взявъ его за руку. — Теперь, какъ видите, я уже взрослая дѣвица. Мнѣ шестнадцать лѣтъ. Я въ этомъ году кончаю гимназію и буду, слѣдовательно, совершенно самостоятельнымъ человѣкомъ. Теперь я буду дѣйствовать такъ, какъ я захочу сама. Поняли?

Володя не отвѣчалъ, а только писалъ на пескѣ вѣточкой дуба: Аня Сенклеръ, Аня Сенклеръ...

— Ну, полно вамъ дуться,—весело сказала дѣвочка, поднимаясь со скамьи.—Будьте великодушнѣе. Отвѣьте: придете вы теперь къ намъ или нѣтъ. Любите ли меня, хотя чуточку или нѣтъ?

— А вы?—спросилъ Володя, вставая и смотря въ упоръ въ ея голубые, наивные глаза. — Вы любите меня, хотя капельку?

Вмѣсто отвѣта она засмѣялась.

— Господи Боже мой, вѣдь мы съ вами друзья. Это — извѣстно. Какъ же можно не любить своего

друга? Конечно, люблю... Такъ придете вы или нѣтъ? Отвѣчайте скорѣе, а то мнѣ уже пора идти.

— Какъ? Такъ скоро?—спросилъ Володя упавшимъ голосомъ.

— Что дѣлать, мой другъ! Хотя и весна, и птицы поютъ, а надо заниматься. Такъ приходите къ намъ непременно въ воскресенье. Слышите? Непременно. И чтобы не было никакихъ отговорокъ, а то я перестану васъ любить,—прибавила она, кокетливо погрозивъ ему пальцемъ.—Ну, а теперь прощайте... Только не провожайте меня... Я пойду одна.

Она ласково взглянула на него и быстро ушла по одной изъ боковыхъ аллей. Пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, она обернулась и крикнула меланхолически смотрѣвшему ей вслѣдъ юношѣ:

— Придете въ воскресенье?

— Приду,—отвѣтилъ ей Володя.

— До свиданья.

И она скрылась за деревьями, оставивъ въ душѣ Раевского чувство какой-то неудовлетворенности и тоски.

„Не то, не то,“—шепталъ онъ, выйдя изъ сада и идя по направленію къ дому, гдѣ жилъ Гавриловъ, который въ тотъ день приглашалъ его и Тимина зайти для того, чтобы показать имъ опыты съ жидкимъ воздухомъ.—„Ничто не стало яснѣе... Впрочемъ, нѣтъ. Теперь совершенно ясно только то, что любви въ ея сердцѣ нѣтъ. Дружба? зачѣмъ мнѣ эта дружба? И какъ это жестоко въ такія минуты говорить о какой-то дружбѣ. Неужели она этого не понимаетъ? Нѣтъ, все надо бросить. Обо всемъ забыть... Пора свыкнуться съ той мыслью, что счастье не для меня. Эхъ, хоть бы все къ чорту провалилось скорѣе.“

Въ такомъ грустномъ настроеніи онъ вошелъ въ

подъѣздъ на Моховой улицѣ и на лѣстницѣ догналъ поднимавшагося медленными шагами Тимина.

— Ну, что у васъ новенькаго?—встрѣтилъ его Тиминъ.—Что у васъ такой убитый и мрачный видъ? — прибавилъ онъ, замѣтивъ кислое выраженіе лица Раевского.

— Такъ... просто,—совралъ онъ.—Не знаю, почему...

— Что это, господа, со всѣми вами сдѣлалось?.. На Гаврилова послѣдніе дни просто жалко смотрѣть... Теперь и вы тоже впали въ меланхолію.

— Что дѣлать, батенька... жизнь,—сказалъ Володя, кисло улыбаясь шаблонности приведеннаго объясненія.

Они стояли уже на площадкѣ и ждали, когда имъ отворять.

— Жизнь... развѣ вы испытали жизнь? — спросилъ Тиминъ.

Вмѣсто отвѣта Володя махнулъ рукой съ такимъ видомъ, который ясно долженъ былъ указать, что онъ не только испыталъ жизнь, но даже и произнесъ свой приговоръ надъ нею.

Послышался скрипъ ключа въ замкѣ, и дверь отворилась. Обыкновенно Гавриловъ, поджидавшій друзей, когда они являлись въ заранѣе опредѣленное время, встрѣчалъ ихъ самъ. Теперь же имъ отворилъ лакей и, на ихъ вопросъ, дома ли баринъ, сказалъ, что онъ съ утра заперся въ своемъ кабинетѣ и не велѣлъ къ нему входить.

Друзья удивленно переглянулись.

— Можетъ быть, вы напутали, Тиминъ?—спросилъ нерѣшительно Раевскій.—Вѣдь, вы получили письмо. Точно-ли сегодня онъ просилъ насъ придти?

— Сегодня, сегодня,—убѣжденно подтвердилъ Тиминъ.—Я навѣрное помню. Онъ писалъ, что выписалъ

новый приборъ Пикте и получить его сегодня утромъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, что же это значить...

— Я самъ не понимаю... Онъ, вѣрно, забылъ...

— Съ нимъ никогда этого не бывало...

— Можетъ быть, у него припадокъ меланхоліи...

— Во всякомъ случаѣ, пойдемъ и узнаемъ... Если онъ плохо себя чувствуетъ, можно будетъ сейчасъ же уйти.

— Да, конечно...

Они сняли свои пальто и прошли чрезъ цѣлую анфиладу хорошо знакомыхъ имъ комнатъ. Псевдотетушка, по порученію отца Гаврилова, позаботилась объ прекрасной и дорогой отдѣлкѣ. Мягкіе ковры заглушали шаги. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ висѣли прекрасныя картины и стояли копіи съ работъ лучшихъ представителей искусства. Все было призвано сюда за дорогую цѣну, чтобы спасти сына отъ духовнаго разложенія, къ которому тотъ, по увѣренію врачей, приближался быстрыми шагами. Какая-то мрачная пустота царила въ этихъ богато убранныхъ комнатахъ.

— Я не согласился бы жить здѣсь одинъ,—сказалъ Раевскій, когда они, миновавъ шесть или семь комнатъ, вошли въ послѣднюю, сосѣднюю съ кабинетомъ Гаврилова. Эта комната, по его настояніямъ, была обставлена значительно проще, чѣмъ всѣ остальные. Здѣсь стояло только нѣсколько мягкихъ стульевъ, диванъ и небольшой кабинетный рояль, на которомъ, иногда, любилъ играть Гавриловъ. Въ комнатѣ царила тишина, и воздухъ былъ пропитанъ какимъ-то запахомъ, проникавшимъ сюда, очевидно, изъ лабораторіи.

Друзья прислушались. Дверь въ кабинетъ была

заперта, и ни малѣйшаго звука за ней не было слышно. Можно было подумать, что хозяина нѣтъ дома.

— Слышите запахъ ээира? — спросилъ Тиминъ. — Очевидно, онъ забылъ о своемъ письмѣ и занятъ какими-нибудь опытами. Пойдемъ.

— Подождите, давайте поразимъ его... Я громко заиграю что-нибудь. Онъ будетъ удивленъ.

Раевскій сѣлъ къ роялю. Рояль былъ открытъ и на пюпитрѣ лежали еще раскрытыя ноты. Раевскій перевернулъ страницу. Это былъ похоронный маршъ Шопена.

— Однако, какія мрачныя вещи онъ играетъ, — сказалъ Володя.

Онъ ударилъ по клавишамъ, и послышались звуки, печальные, какъ сама смерть. Никогда еще печаль о смерти не воплощалась въ болѣе подходящихъ звукахъ. И Раевскій, и Тиминъ почувствовали трепеть. Тиминъ испуганно сказалъ:

— Оставьте, оставьте это... Мы въ такомъ настроеніи, точно пришли на кладбище.

Раевскій закрылъ крышку и прислушался.

Въ кабинетѣ по прежнему все было тихо.

— Что же это значить, наконецъ?—спросилъ онъ. Онъ не слышитъ?

— Ну, да,—быстро сказалъ Тиминъ, какъ бы желая отогнать отъ себя какія-то мысли, — конечно, не слышитъ. Увлекся какой-нибудь работой настолько, что забылъ обо всемъ остальномъ мірѣ. Пойдемъ. И онъ, приблизившись къ двери, постучалъ въ нее кулакомъ и спросилъ очень громко:

— Гавриловъ, можно войти? это мы.

Отвѣта никакого не послѣдовало.

Оба почувствовали, какъ мурашки побѣжали по

всѣмъ ихъ членамъ. Одна и таже мысль, ужасная и ясная, представлялась ихъ воображенію. Среди этой мертвой тишины ужасъ охватилъ ихъ. Тиминъ дернулъ за ручку двери, и они оба быстро вошли въ кабинетъ. Ихъ обдало цѣлою волной сладковатаго, остраго запаха эфира, которымъ былъ пропитанъ весь воздухъ. Запахъ былъ настолько удушливъ, что въ первую минуту они даже отшатнулись.

— Онъ задохся, — прошепталъ Тиминъ, сжимая руку Раевского.

Въ кабинетѣ было темно, такъ какъ почти всѣ окна были заставлены щитами, какъ это дѣлалось обыкновенно при большинствѣ опытовъ и занятій, требовавшихъ темноты. Только на одномъ изъ столовъ горѣла спиртовая лампочка, блѣдные лучи которой едва могли разсѣять тьму на нѣсколько аршинъ въ окружности.

— Гавриловъ,—позвалъ дрожащимъ голосомъ Раевскій.

Но мертвая тишина была ему отвѣтомъ.

Между тѣмъ, глаза ихъ немного привыкли къ темнотѣ, и они различили фигуру своего друга, который неподвижно сидѣлъ въ креслѣ въ самомъ отдаленномъ углу кабинета.

— Вотъ онъ, здѣсь!—воскликнули они оба сразу и бросились къ нему...

— Гавриловъ!—позвалъ его Тиминъ, тормоша за плечо.—Какого чорта вы притворяетесь?

Но въ ту же минуту онъ въ ужасѣ отшатнулся. Онъ случайно дотронулся до щеки Гаврилова, которая была холодна, какъ ледь.

— Давайте сюда лампу,—задыхаясь, сказалъ Тиминъ.—Онъ, кажется, умеръ.

Едва соображая, что онъ дѣлаетъ, Раевскій бросился въ сосѣдную комнату и вернулся съ лампой въ рукахъ.

Мракъ, царствовавшій въ кабинетъ, разсѣялся, и картина, которая представлялась ихъ глазамъ, была ужасна.

Гавриловъ лежалъ блѣдный, какъ мраморъ, неподвижно растянувшись на креслѣ. Голова его безжизненно свѣсилась на сторону, ротъ былъ полуоткрытъ и лицо искажилось въ предсмертной судорогѣ. Ноги были вытянуты, а руки неподвижно свѣшивались почти до полу. Рядомъ на столикѣ, стояла банка, распространявшая удушливый, характерный запахъ сѣрнаго ээира. Не могло быть никакихъ сомнѣній. Предъ ними лежалъ безжизненный трупъ ихъ товарища, очевидно, отравившагося всего нѣсколько часовъ тому назадъ.

Друзья стояли безмолвно, пораженные ужасомъ, наединѣ съ этимъ мертвецомъ, не зная что предпринять.

— Отравился,—прошепталъ наконецъ Раевскій.

Черезъ нѣсколько мгновений къ Тимину вернулось самообладаніе.

— Можетъ быть, онъ живъ еще... Вы сидите здѣсь и караульте, а я побѣгу за докторомъ...

— О, я ни за что не соглашусь остаться съ нимъ...

— Ну, полно. Что за ребячество... Онъ можетъ очнуться... Ему понадобится помощь... Какая досада, что я не знаю противоядія при отравленіи сѣрнистымъ ээиромъ... Подождите-ка... Надо открыть окно и пустить воздуху. А то и мы скоро здѣсь задохнемся. Я уже чувствую легкую дурноту.

Они быстро отодвинули одинъ изъ щитовъ и открыли настежь окно. Цѣлая волна холодного воздуха хлынула имъ въ лицо и окончательно вернула имъ самообладаніе.

— Боже мой, какой ужасъ! — произнесъ Раевскій, закрывъ лицо руками.—Несчастный Гавриловъ.

— Такъ оставайтесь здѣсь, а я черезъ пять минутъ приѣду съ докторомъ,—быстро сказалъ Тиминъ и выбѣжалъ изъ кабинета. Раевскій, оставшись наединѣ съ трупомъ товарища, почувствовалъ, какъ острая, щемлящая точка заползаетъ ему въ душу и рыданья подступаютъ къ горлу. Онъ посмотрѣлъ искоса на Гаврилова.

Лицо его по прежнему было искажено и какъ бы застыло въ ужасѣ предъ разрѣшеніемъ той загадки бытія, которая такъ интересовала и волновала его при жизни.

„Гдѣ онъ теперь?“—подумалъ Раевскій.—„Неужели все кончается со смертію, дѣйствительно, и Гавриловъ больше не существуетъ?“ А вдругъ, — мелькнула у него мысль,—онъ сейчасъ встанетъ и схватитъ меня за горло?“

Онъ почувствовалъ, какъ холодный потъ выступилъ у него на вискахъ.

— Мальчишество, произнесъ онъ громко, нарочно, чтобъ побороть себя, и подошелъ къ письменному столу, гдѣ въ беспорядкѣ лежали книги, бумаги и разныя вещи. Его вниманіе привлекъ небольшой кусокъ бумаги, на которомъ наверху крупнымъ почеркомъ было написано: „Моимъ друзьямъ.“

Раевскій взялъ записку и прочелъ. Вотъ, что писалъ Гавриловъ, за нѣсколько часовъ до своей смерти, такъ какъ она была помѣчена этимъ самымъ числомъ:

„Мечты и дѣйствительность! Я всю жизнь старался убѣдить себя въ томъ что мечты, вообще говоря, должны осуществляться, и что жизнь человѣческая имѣетъ въ своемъ основаніи вполнѣ разумное *raison d'être*. Только эта надежда поддерживала меня въ желаніи жить и изучать міръ. Однако, чѣмъ дольше

я жилъ, тѣмъ яснѣе для меня становилось, что природа не руководится никакимъ разумомъ. Ни цѣли, ни причины наше кратковременное случайное существованіе не имѣетъ. Наша, повышенная духовная дѣятельность, не болѣе, какъ случайная и весьма печальная аномалія въ слѣпой и неразумной природѣ. Въ послѣдней господствуютъ лишь дикія силы и мертвые законы. Ни добра, ни красоты, ни справедливости она не знаетъ. Жалости тоже. Безцѣльное разрушеніе и созиданіе—вотъ ея непонятное, но дѣйствительное назначеніе. Разума нѣтъ въ природѣ, его нѣтъ въ мірѣ, его нѣтъ нигдѣ. Развѣ, если бы былъ разумъ, совершалось бы то, что нынѣ совершается?!. Развѣ вся исторія человѣчества не указываетъ на его отсутствіе? Я старался долго увѣрить себя въ другомъ, потому что иначе не стоило бы жить, но мнѣ это не удалось. Напротивъ, теперь истина ясна мнѣ, какъ день: бесполезны ожиданія, бесполезны надежды, бесполезны мечты. Въ природѣ нѣтъ ни причинъ, ни цѣлей; она мертва и бездушна, потому что не согрѣта дѣятельностью разума. При такихъ условіяхъ, стоитъ ли жить?.. Зачѣмъ?! Неужели для того, чтобы только влачить ненужное никому существованіе и убѣждаться ежеминутно въ собственномъ безсиліи предъ неразумной природой?! Или, чтобы страдать, не имѣя надежды?! Нѣтъ, это было бы непростительнымъ безуміемъ. Надо исправить ошибку, сдѣланную глупой природой, случайно вызвавшей меня къ жизни... Къ чорту... Хорошая доза сѣрнаго ээира должна сдѣлать свое дѣло очень быстро и безболѣзненно. Пусть скажутъ, что я сумасшедшій. Быть можетъ. Но я не могу больше жить. Жизнь безъ цѣли! Нѣтъ, ужъ лучше совсѣмъ не жить. Прощайте. Будьте счастливы, если можете. Въ ту минуту, когда кто-

нибудь изъ васъ будетъ читать эти строки, я навѣрно. буду гораздо счастливѣе васъ. Поэтому не жалѣйте меня.

In pace requiesco!!“

Какою мрачною трагедіей продолжительнаго безумія вѣяло отъ этихъ ужасныхъ строкъ, написанныхъ въ тотъ моментъ, когда Азраиль, ангелъ смерти, уже виталъ вокругъ ихъ автора! Сколько въ нихъ чувствовалось безотрадныхъ минутъ пережитаго отчаянія!

Раевскій откинулъ отъ себя ужасный листокъ и почувствовалъ, какъ холодная дрожь пробѣгаетъ по его тѣлу.

— Боже, Боже... какой ужасъ! — прошепталъ онъ, оглядываясь на Гаврилова, который лежалъ все въ томъ же положеніи.

И тутъ въ первый разъ, когда онъ смотрѣлъ на это безжизненное поблѣднѣвшее лицо, мертвенные глаза и синія губы, ему пришло въ голову, что, пожалуй этотъ покойникъ правъ, что жизнь не такъ ужъ хороша и не представляетъ изъ себя безцѣннаго блага.

Тутъ онъ въ первый разъ почувствовалъ, какъ боязнь смерти уступаетъ въ немъ полному хладнокровію предъ ея неизбѣжностью. Если ни одна изъ надеждъ никогда не исполняется, то не лучше ли вѣчный покой?

— А можетъ быть надежды исполняются? — подумалъ онъ.

И тотчасъ-же онъ, внезапно, вспомнилъ изреченіе, почеркнутое когда-то давно, въ одной изъ многочисленныхъ прочитанныхъ сказокъ, изреченіе, которое поразило его еще въ то время и надолго запечатлѣлось въ памяти:

Особенное свойство человѣческихъ надеждъ и желаній заключается въ томъ, что они никогда не исполняются!“

